

31 - 32

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

NUMBER 31 - 32

Edited by Frantisek Silnitsky and Larisa Silnitsky
Copyright by Problems of Eastern Europe

Manufactured in the U.S.A.

Publication of this issue was made possible
by a grant from the National Endowment
for Democracy

Журнал редактируют: **Франтишек Силницкий**
Лариса Силницкая

Сотрудник редакции: **Людмила Алексеева**

Художник: **Лев Межберг**

Технический редактор: **Джули Моффетт**

*** * ***

**Этот номер был издан благодаря финансовой помощи
американского Национального фонда в поддержку
демократии**

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Уолтер Лакер.* Камо грядеши, СССР?.....5
- Роберт С. Такер.* Какое время показывают сейчас часы
русской истории?.....58
- Игорь Малов, Максим Хрусталеv* (составители).
Многопартийность в России. 1917—1990.....79

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Джордж Урбан, Эли Кедури.* Национализм и равновесие
сил.....164
- Дьердь Чепели.* Национальное самосознание в
посткоммунистической Венгрии.....206

НОВЫЕ ЛИДЕРЫ НОВЫХ ПАРТИЙ

- Олег Румянцев.* Реформа в России: позиция
демократов.....234

TABLE OF CONTENTS

ARTICLES

- Walter Laqueur.* Quo Vadis, USSR? 5
- Robert C. Tucker.* What Time is it in Russia's History? 58
- Igor Malov, Maxim Khrustalev (ed.).* The History of Multi-Party Systems, 1917-1990. (Compiled by Interlegal Research Center, Moscow) 79

NATIONALITY PROBLEMS

- George Urban, Elie Kedourie.* Nationalism and the Balance of Power 164
- Gyorgy Csepeli.* National Identity in Post-Communist Hungary 206

THE NEW LEADERS OF THE NEW PARTIES

- Oleg Rumiantsev.* Reforms in Russia: The Position of the Democrats 234

СТАТЬИ

Уолтер Лакер

КАМО ГРЯДЕШИ, СССР?*

Политические прогнозы всегда легче всего делать, когда в них из-за стабильных показаний политического барометра меньше всего нуждаются. Но в периоды быстрых и бурных изменений это занятие делается весьма нелегким. Тем, кто превыше всего ставит осмотрительность и отсутствие риска, следует избегать высказываться по поводу нынешней ситуации в Советском Союзе, им можно лишь посоветовать и дальше избегать возможных ошибок, помалкивая. Вот только хранить молчание им, возможно, придется довольно долго.

Я говорю здесь не о судьбе какого-то лидера или руководящей группы, а об общем процессе изменений в советском обществе и государстве. Для этого нужно обсудить широкий спектр возможностей и альтернатив, так что любители однозначных выводов могут где-то испытать разочарование. Но в Советском Союзе политические процессы предопределены не более чем в любой другой стране, и поэтому вряд ли разумно рассчитывать на что-то существенно большее. Как заметил однажды Френсис Бэкон, тот, кто с самого начала во всем уверен, закончит сомнениями. Но если начать с обсуждения возможностей, то в итоге можно прийти к каким-то вероятным выводам.

Все согласны, что с недавнего времени в Советском Союзе и в Восточной Европе происходят события исключительной важности. Советское движение за реформы может иметь далеко идущие последствия, а откровениям эпохи гласности

* Отрывок из книги "Soviet Union 2000. Reform or Revolution".
St. Martin Press. New York, 1990.

невозможно не изумляться. Все это возбудило волну эйфории, которая, приходится признавать, на Западе выше, чем на Востоке — там куда лучше осознают непомерность трудностей, встающих перед реформаторами. Те же факторы вызвали и крах советской империи в Восточной Европе.

Однако уже в начале 1989 г. прояснилось, что повсеместно ожидавшиеся на ранних этапах перестройки результаты не достигнуты, и перспективы их осуществления по-прежнему далеки. Некоторые винят в этом политических лидеров, якобы недостаточно радикальных, другие с недовольством отмечают, что делается слишком много экспериментов в большом числе направлений, что старая система обладала не одними только минусами, и что не стоит пытаться вводить в Советском Союзе всевозможные политические, социальные и экономические системы (такие, как рынок и парламентская демократия), плохо согласующиеся с его традициями, стремлениями и специфическими потребностями. Говорилось также, что ожидания ощутимых изменений в течение всего лишь нескольких лет были иллюзорными и что на реформирование страны потребуются десятилетия, а в промежуточный период потребуется сильная рука, без чего не удастся управлять в приближающееся бурное время.

Скептики утверждали, что сложившийся в Советском Союзе режим вообще невозможно реформировать, и говорили о тщете любых попыток исправления его ошибок, которые, по их мнению, не могут не привести к дальнейшему ухудшению или, возможно, даже к внезапному коллапсу. Стоявшие на более оптимистических позициях указывали на внутренние ресурсы страны и связывающие ее воедино силы и полагали, что в конечном счете перемены должны привести к прогрессивным сдвигам, несмотря на все временные неудачи, политические зигзаги и отступления. Но в любом случае уже не оставалось иного пути, кроме попытки изменить существующее положение. Система испытывала кризис уже в течение десятилетий, но до 1985 г. не приходилось и думать о признании общего состояния дел чем-то иным, кроме полного совершенства, и что перспективы на будущее не так уж великолепны. Более

реалистические оценки появились только с приходом гласности.

На Западе была широко распространена точка зрения, что все перемены в Советском Союзе начались совершенно неожиданно. Кто бы в 1985 г. предположил, что в течение трех лет будет достигнута такая свобода взглядов и суждений? В некоторых кругах верили в относительную стабильность советского режима и в относительную удовлетворенность населения Советского Союза. Подобным же образом иные наблюдатели разыгравшихся на восточногерманской сцене событий как раз перед падением Хонекера в октябре 1989 г. стояли на том, что его режим отнюдь не был непопулярным и что руководство ГДР в силу многих своих достижений не имело оснований испытывать страх за свое политическое выживание. Но были и такие, кто видел события в Восточной Европе в не столь розовом свете и ощущал приближающийся кризис, хотя, возможно, не очень остро. Однако даже замечавшие его признаки были не в состоянии сколько-нибудь уверенно предположить, когда именно наступят изменения и в чем они будут проявляться.

Сегодня ситуация еще сложнее нежели до 1985 г., принимая во внимание политическую поляризацию общества и социальную и национальную напряженность в стране, прежде не проявлявшиеся в такой мере. Былое отсутствие открытого проявления противоречий было плодом застоя, сегодня же застой кончился, и противоречия всплыли на поверхность. До 1985 г. казалось возможным лишь продолжение статус кво, сегодня же перед нами почти бесконечное разнообразие возможностей.

Нет шансов, что к концу этого десятилетия Советский Союз превратится в государство всеобщего благоденствия по скандинавскому образцу или в хорошо функционирующую парламентскую демократию. Однако и полный крах в близком будущем почти столь же невероятен. Выполненные в сенсационном духе сценарии захватывают воображение, но для понимания ситуации надежнее очевидные, даже тривиаль-

ные рассуждения. В реальном мире всегда существуют самые различные факторы, стабилизирующие и замедляющие развитие событий. Кризисы, даже тяжелые и опасные, — неизбежный удел человеческих сообществ, тем не менее они все-таки редко кончают самоубийством.

В 1987-1989 годах постепенно создавались ножницы между творческой, духовной и культурной сферой, иначе говоря, гласностью, с одной стороны, и материально-экономической сферой, т.е. перестройкой, — с другой. В то время как гласность привела к значительным прогрессивным сдвигам, перестройка не дала достижений, и не нужно обладать пророческим даром, чтобы осознать, что такое положение дел не может сохраняться вечно. Каждый тогда соглашался, что Советский Союз двигался навстречу очень трудным временам, однако отсутствовало единство мнений относительно того, как бороться с надвигающимися трудностями. Информированные наблюдатели были единодушны в том, что конец авторитаризма в Советском Союзе все еще неблизок — в противоположность тем, кто поддался первоначальной эйфории как на Западе, так и на Востоке. Однако никто не мог сказать с уверенностью, как далеко зайдет политическое руководство на попятном пути к политике сильной руки и как долго оно будет двигаться в этом направлении.

Но хотя невозможно предсказать, как будет управляться Советский Союз, скажем, через год и каковы будут тогда общественные настроения в этой стране, то все-таки возможны достаточно обоснованные комментарии относительно долговременных политических и экономических шансов независимо от личных судеб того или иного лидера в ближайшие годы.

Вот убедительный пример подобного прогноза, сделанного Эйгеном Рихтером (1838 - 1906 гг.), лидером либералов в германском парламенте в последнюю четверть прошлого столетия, который был специалистом по бюджетным делам и злым гением Бисмарка. В 1891 г. Рихтер написал неболь-

шую книгу, что-то вроде политической фантазии, в которой обсуждал последствия воцарения на германской земле правительств, действующего в духе ортодоксального марксизма.¹ Итогом такого развития событий, писал Рихтер, будет массовое бегство населения через границы. Сперва страну покинут пенсионеры - небольшая потеря для государства. За ними последуют многие художники и писатели, но власти и этим не слишком огорчатся, поскольку все равно не будет недостатка в литераторах, готовых прославлять существующий режим. С точки зрения властей, среди интеллектуалов немало подрывных элементов, так что не стоит препятствовать им покидать страну. Затем должен будет последовать исход из страны профессионалов — инженеров, учителей и медиков. На этом месте, согласно модели Рихтера, эмиграция будет прекращена и многократно усиленные пограничные части получат приказ безжалостно стрелять в беглецов.

Именно это в точности произошло в Восточной Германии. Встает вопрос, как писатель смог за девять лет предугадать реальное развитие событий? Эйген Рихтер не был ни крупным политическим философом, ни автором политической фантастики масштабов Герберта Уэллса или Джорджа Орвелла. Скорее он был человеком с хорошо развитым здравым смыслом, инстинктивно осознающим, что люди, лишенные минимума свободы, будут несчастны, и многие в таком случае попытаются бежать. Один из величайших писателей античности заметил, что здравый смысл и есть лучший пророк. Такой подход имеет свои изъяны, но чаще приводит к правильным выводам, нежели к ошибкам, и до сих пор не создано других столь же надежных методов.

Год 1989-й для Восточной Европы оказался поистине чудесным. На путь радикальных реформ встали сперва Польша и Венгрия, затем Восточная Германия и Чехословакия — и повсюду это сопровождалось крахом традиционных коммунистических властных структур. Это был конец предшествующей эры, и подавляющее большинство населения этих

¹ *Eugen Richter. Sozialdemokratische Zukunftsbilder.* (Английское издание этой книги через несколько лет было опубликовано в Лондоне).

стран приветствовало его с энтузиазмом. Более того, повсюду кроме Румынии перемены были бескровными. Однако с самого начала было ясно, что падение диктатур знаменовало лишь начало трудного переходного процесса. Все восточно-европейские страны столкнулись с экономическими трудностями, для разрешения которых не было наготове быстрых и легких способов. Демократические традиции в странах Восточной Европы либо слабы, либо были подавлены на протяжении жизни целых поколений. Хотя правящие коммунистические партии полностью утратили популярность, не было уверенности, что новые демократические силы проявят достаточно единства и упорства и что они будут сотрудничать ради сохранения нового порядка.

В СССР коммунизм — не импортированная из-за рубежа система, он укоренен глубже, нежели в Восточной Европе. Русская националистическая оппозиция коммунизму, в отличие от подобной оппозиции в Восточной Европе, не является антиимпериалистической. В Восточной Европе лишь незначительная часть населения сопротивляется введению многопартийной системы и включению частной инициативы в сферу экономики, а в СССР сторонники рынка встречают сильное сопротивление повсюду за исключением прибалтийских республик.

Таким образом, Советский Союз и Восточная Европа движутся в различных направлениях, что внесло дополнительный вклад в общую неопределенность... В новой европейской структуре возникновение объединенной Германии откроет для Советского Союза новые внешнеполитические возможности. С одной стороны, это событие неизбежно приведет как минимум к ослаблению НАТО, с другой, — как на Востоке, так и на Западе Европы возникнет потребность в Советском Союзе как в противовесе единой Германии. Этот новый баланс сил вполне может привести к возникновению немыслимых вчера объединений и союзов. Не исключено, что главные европейские страны в 1990-е годы сделают выбор в пользу социал-демократической политики.

Если подобные тенденции будут развиваться и в Советском Союзе (а это допущение из числа тех, которые ни в коем случае нельзя принимать в качестве непременно выполняющихся), то идея "общеевропейского дома" или, самое меньшее, идея "совместных действий европейских государств" может стать чем-то более значительным, нежели просто лозунгом.

Некоторые советские комментаторы продолжают утверждать, что сложности проведения реформ в их стране проистекают из недостаточного осознания обществом серьезности сложившейся ситуации, но как только будет повсеместно признано, что государство находится на краю пропасти, подлинные перемены не замедлят последовать. Какого рода изменения они имеют в виду? Довольно распространено мнение, что экспериментирование зашло уже слишком далеко, и только возвращение к старой системе, при которой все планировалось из центра (или, по крайней мере, существовала видимость такого планирования, что часто не соответствовало действительности), создает возможность выхода из нынешнего тупика. Другие говорят, что хотя для множества советских людей идея рынка и частной инициативы неприемлема, все же возможно, что какой-то советский де Голль (иначе говоря, лидер, выдвинутый правым крылом, но проводящий политику левого толка) убедит своих соотечественников начать движение вперед. Однако СССР в 1990 г. — это не Франция периода алжирской войны, которая создавала видимую угрозу самому существованию республики. Русская революция, сталинизм и послесталинская эра были явлениями уникальными, точно так же любые сравнения нынешней советской ситуации с иными политическими режимами и обществами могут лишь отчасти помочь в ее понимании, поскольку ставшей недееспособной коммунистической системе нет покамест альтернативы.

Как гром с ясного неба грянули волнения в неславянских республиках, прекращение которых не представляется близким. Даже если какие-то из этих республик отделятся от Союза, это не приведет к решающему сдвигу в балансе сил. Пока не ясно, смогут ли такие отделившиеся государства стать

жизнеспособными. Если советскому руководству придется постепенно отпустить, скажем, Азербайджан, Литву и Молдову, то речь пойдет об изменениях, затрагивающих 1-2% советской территории, менее 5% населения, менее 3% производства нефти. К тому же отделение неславянских республик от Союза вряд ли произойдет в течение нескольких ближайших лет, и при этом не обойдется без трений и конфликтов, подчас сопряженных с насилием. Однако более вероятно, что будет сделана попытка преобразования ныне существующей системы в менее жестко связанную конфедерацию — или попытка восстановления единства силой. В одних случаях такие действия могут привести к успеху, в других — провалиться. В случае провала неизбежно победят сепаратисты, и новая Россия будет состоять из нынешней РСФСР в федерации с Украиной, Белоруссией и, возможно, несколькими другими республиками.

На наших глазах распадается "союз нерушимый республик свободных". Но все же время от времени полезно вспоминать, что в 1917 г. Россия выглядела стоящей на краю полного расчленения и что в 1945 г. Германия потеряла почти половину своей территории, однако обе страны в течение трех десятилетий вернулись в число основных игроков мировой политики. В конечном итоге вопрос, останется ли Советский Союз (или Великороссия) мировой державой, будет решен в Москве, Кузбассе, на Урале и в Сибири, а не в Баку, Фергане или Каунасе.

Но это — дела довольно далекого будущего. А девяностые годы, несомненно, будут очень турбулентным десятилетием. Отнюдь не исключены внезапные смены высшего руководства. Комбинация экономического кризиса и сепаратистских тенденций вовсе не способствует постепенной демократизации. Когда большинству приходится выбирать между хаосом и тиранией, оно обычно делает выбор в пользу сильного руководства. За долгие годы и у русского населения, и у других народов накопился мощный заряд страха, неуверенности и глухого недовольства. Этот комплекс может открыть дверь политическим демагогам, утверждающим, что

кто-то же должен ответить за то, что все пошло из рук вон плохо. В стране растет потребность в проповедниках теорий, объясняющих все беды наличием скрытых врагов, готовых всадить нож в спину собственной стране, как это происходило в Германии после первой мировой войны. Пока кремлевские часы отзванивают начало последнего десятилетия XX века, немало новоявленных спасителей отечества предлагают свои услуги. Нельзя заранее исключить возможности ни погромов, ни военно-политического заговора для прекращения общественного хаоса.

Я попытаюсь обрисовать историческую перспективу, границы которой во времени будут проходить (сколь бы спекулятивной ни казалась такая задача) не только за преемниками Горбачева, но и за преемниками его преемников. Коммунизм в целом провалился. Но каковы реальные возможности выбора у советского руководства в послекоммунистической фазе? Личности будут меняться и, по всей вероятности, их доктрины, но стоящие перед Советским Союзом проблемы особенно не изменятся. Коммунизм оказался неработоспособным экономически, а коммунистическая диктатура — дискредитированной. Однако для квазикапиталистической экономической системы перспективы в Советском Союзе выглядят не более блестящими, чем для парламентской демократии. Решение проблемы в китайском духе не будет вечно работать даже в самом Китае, не говоря уже о более развитых странах. Не исключено, что польский опыт 80-х годов — военная диктатура в качестве прелюдии — указывает один из возможных сценариев. Но никому и ничему не дано повернуть исторические часы для Советского Союза в обратную сторону, заведя их на бесконечность — не помогут ни неоленинизм, ни консервативный популизм, ни любая из еще не опробованных разновидностей фашизма. Однако пока большинство населения СССР не будет готово к фундаментальным нововведениям радикальный разрыв с прошлым не выглядит осуществимым. Страна будет осциллировать между различными политическими и экономическими системами, пока, наконец, не остановится на той, которая лучше всего соответствует ее нуждам и устремлениям. Каждый из

описанных ниже сценариев сегодня выглядит возможным, и вполне вероятно, что многие из них будут опробованы в ближайшие годы.

Первый сценарий. Высшее руководство делает выбор в пользу радикальных политических и экономических мер: постепенно вводится многопартийная система того или иного рода; делаются далеко идущие уступки нерусским народам, включая право на отделение; крестьяне получают право свободно трудиться на своей земле; проводятся глубокие реформы в промышленности и торговле. Однако подобная политика может и не получить достаточной массовой поддержки, особенно в ее экономической части; кроме того, найдутся значительные бюрократические силы, которые, несомненно, попытаются ее торпедировать.

Различные течения оппозиции партийному аппарату, судя по выборам, демонстрациям, забастовкам и т.д., имеют между собой не так уж много общего, за исключением недовольства номенклатурными привилегиями, а также раздражения и злобы, порождаемых низким уровнем жизни, плохим снабжением и общей разрухой. Некоторые новые оппозиционные лидеры исповедуют левый популизм, некоторые — правый, кое-кто видит образец в западных обществах; среди них есть и коммунисты различных разновидностей и антикоммунисты. Однако ни у кого нет отчетливых представлений о решении самых насущных проблем. Фактически внутри советской компартии с 1988-1989 гг. уже существует многопартийность. Такое положение может продлиться несколько лет, но рано или поздно, по всей вероятности, произойдет раскол по тем же самым линиям (консерваторы, реформисты, радикалы). Будет продолжаться отход от ленинизма, возникнут новые партии социал-демократического или несоциалистического толка. Могут появиться региональные и этнические блоки, подобные существовавшим в царской Думе до революции; возможно учреждение крестьянской партии, партий за сохранение окружающей среды левой и правой ориентации, выступающей от имени коренных сибиряков, и не исключено даже что

появятся группы давления с какими-то конкретными целями — от воздержания от спиртного до антисемитизма. Из-за отсутствия демократических традиций и высокой вероятности того, что никакому советскому правительству не удастся в ближайшие несколько лет добиться существенного прогресса в экономике, вполне можно ожидать в будущем каких-то попятных антидемократических движений.

Затруднения, с которыми в скорости предстоит столкнуться Советскому Союзу, можно предугадать по опыту большинства восточноевропейских стран при переходе к многопартийности и рождении десятков национальных и региональных групп. Если принять во внимание уже отмеченную неразвитость демократических традиций, поляризацию общественного мнения и ухудшение экономической ситуации, приходится признать, что на сегодняшний день перспективы возникновения в СССР демократии в западном стиле не выглядят особенно обнадеживающими. Самое большее, на что можно рассчитывать — это режим президентского правления с какими-то демократическими чертами, когда именно в руках президента будет сосредоточено принятие основных решений, которые будут осуществляться государственной бюрократией.

Второй сценарий. Возникновение в партийном руководстве центристского большинства, направляемого либо единственным лидером либо группой лидеров под лозунгами "хватит экспериментов", "нормализация" и "восстановление народного доверия". Такие лидеры будут придерживаться средней линии, и потому смогут с равной легкостью, в зависимости от обстоятельств, стать как деятелями умеренного толка, так и консерваторами. Более всего они будут стремиться выиграть время. Но подобный необрежневизм в лучшем случае может стать лишь временным выходом.

Третий сценарий. Военная диктатура, опирающаяся на популистские лозунги типа "Рабоче-крестьянская власть без коммунистической партии!" и возглавляемая комитетом национального спасения. Армейские командиры получат

поддержку части партийного руководства и КГБ, но все-таки Главной силой будут сами военные, поскольку они все еще пользуются достаточным престижем среди населения, несмотря на эрозию этого престижа из-за неудач последних лет. ("Только армия может спасти нас от падения в пропасть!")

Однако все эти сценарии покоятся на предпосылках, которые нельзя безусловно принимать на веру: это, во-первых, единство военного командования и, во-вторых, готовность солдат подчиниться приказам стрелять в мирное население собственной страны. Даже если первоначально армия будет действовать как единое целое, нельзя исключить возможности последующих конфликтов в ее руководстве, переворотов и контрпереворотов. Подавление массовых беспорядков с помощью военной силы чревато опасностями. Как только приказам перестают подчиняться, все здание рушится, и вместо выбора в пользу военного решения внутренних проблем остается лишь угроза гражданской войны.

Четвертый сценарий. Военная диктатура порождает несколько альтернатив, но в любом случае она будет популистской и ее основой будет русский национализм. Диктатура может иметь главной целью удержание за собой возможно большей части бывшей советской империи или пойти по великорусскому пути, позволив неблагодарным национальным формированиям выйти из Союза при условии, что будет гарантирована его безопасность. Уязвимость этого сценария в том, что этот режим не в состоянии предложить выход из экономических и социальных трудностей Советского Союза. На следующий день после переворота возобладает общественная апатия, и очень скоро страна окажется в худшем положении, чем до него.

Пятый сценарий — диктатура кемалистского типа, стремящаяся осуществить модернизацию путем революции сверху, постепенно привести страну к демократическим институтам и осуществить глубокие экономические перемены. По перспективам этот вариант аналогичен первому сценарию. Однако многие специалисты полагают, что время

для него уже упущено, что такое решение имело хорошие шансы на успех только вскоре после смерти Сталина.

Шестой сценарий. Всегда возможны и иные альтернативы — скажем, внезапное появление харизматического лидера, но это мало вероятно. Пока центр располагает достаточной властью для предотвращения гражданской войны, если процесс общей дезинтеграции не пойдет слишком далеко. Если же ослабление центра продолжится, дефициты обострятся, а общий упадок и кризис доверия не будут преодолены, то станет возможной гражданская война или, скорее, традиционный русский бунт, т.е. массовый мятеж, анархический в своей основе, разрушительный и не имеющий никаких ясных целей — просто взрыв прежде подавленного гнева. Но даже гражданская война или бунт не будут продолжаться вечно. Рано или поздно центристские силы возобладают и станет возможным возрождение прошедшей чистилище новой России.

Наиболее вероятным представляется развитие событий, при котором, в конце концов, предпринимавшиеся с 1986 г. реформистские инициативы возобновятся в более продуманной, всеохватывающей и радикальной форме. Но никому не дано знать, сколько времени продлится движение по обходным путям какой ущерб будет причинен стране на этом этапе.

В конце 1989 г. самой популярной, обсуждаемой и вызывающей больше всего споров фигурой в Советском Союзе был не Михаил Горбачев и не кто-то из его оппонентов, а врач Кашпировский, ставший телегероем. Во время своих частых выступлений он обещал излечивать гипнозом от наркомании и алкоголизма, а также уменьшать нестерпимую физическую боль или даже полностью ее прекращать. Эти посулы были приняты всерьез миллионами телезрителей, хотя многих врачей и не только их он не убедил. Феномен Кашпировского привлекал общественное внимание как никакой другой — в России традиция веры в чудесные исцеления очень сильна, возможно, сильнее, чем в других частях света. Насколько сильна сегодня вера в политические и экономические рецепты

а-ля Кашпировский, т.е. быстрые, радикальные и, главное, безболезненные? Советские люди должны были бы знать ужена своем долгом и горьком опыте, что чудесных избавлений не бывает ни в политике, ни тем более в экономике. Но, с другой стороны, широкие слои населения долгое время дезориентировали, и чем отчаянней ситуация, тем больше искушение следовать за ложными пророками. Вближайшие годы очень многое будет зависеть от степени зрелости противостояния советских граждан своим трудностям. Именно на данной стадии борьбы с ними, когда исход решается более психологическими, а не "объективными" факторами, его труднее всего предугадать.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА: НЫНЕШНИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Будущее Советского Союза: оценка

Как широк спектр возможностей Советского Союза в выборе направлений развития в ближайшие годы? В истории всегда какую-то роль играет случай (так же как и личности). Автор письма, помещенного в одном из советских еженедельников, отметил, что избрание Горбачева на пост генерального секретаря в 1985 г. отнюдь не было предопределено, на это место мог быть выдвинут кто-то другой, и в таком случае не было бы ни гласности, ни перестройки. Нельзя не признать справедливости этой логики. Но верно и то, что в 1985 г. Советский Союз уже стоял перед экономическим, социальным и политическим кризисом. Любой преемник Константина Черненко оказался бы перед настоящей необходимостью вплотную заняться стоящими перед страной проблемами. Фактически уже Юрий Андропов начал, хотя и без особого вдохновения, проводить реформистскую политику, но более ориентированную на перестройку, чем на гласность. Не исключено, что после 1985 г. мог бы возобладать другой курс и призывы к переменам звучали бы не столь явственно; свобода в культуре была бы куда более ограничена; различного рода разоблачения захватили бы более узкую сферу, а осуждение Леонида Брежнева и всего периода застоя,

возможно, не было бы столь резким. Однако невероятно, чтобы по прошествии какого-то времени, скажем, пяти или десяти лет, любой обладатель поста генерального секретаря смог бы игнорировать опасности, подстерегавшие советскую экономику и советское общество — такие как ухудшение настроений широких масс, поворот от относительного оптимизма 1960-х годов к пессимизму, цинизм и эрозия общественного доверия.

Но возможно, что другой руководитель мог бы навязать другие политические решения одолевающих Советский Союз трудностей — скажем, более агрессивный внешнеполитический курс с большим акцентом на том, что сейчас эвфемистически называют "административно-бюрократический командный стиль"? В этом случае пропаганда велась бы более традиционными методами, модернизация и демократизация занимали бы в ней куда более скромное место. Отнюдь не невозможно, что в случае неудачи нынешней политики произойдет сдвиг как раз в этом направлении. Однако в 1985 г. политический барометр указывал на более серьезные перемены. Продолжение прежнего дискредитировавшего себя политического курса отягчило бы кризис в стране, вызвало бы дальнейшее падение морали и увеличило бы брешь между советской реальностью и ее официальным образом. В этом случае не прошли бы демонстрации по улицам Москвы, Еревана и Таллина, но процесс внутреннего распада все равно бы развивался, и общее окостенение сделало бы более вероятным возникновение в более или менее близком будущем еще более разрушительного кризиса. Попытка найти выход во внешнеполитической активности тоже была бы бесполезной. Афганистан можно было бы принудить к покорности, стянув туда еще больше войск, но в чем бы был выигрыш?

Ни у кого не было желания идти на риск большой войны. Уже к 1983 г. стало ясно, что результаты советской внешней политики предшествовавшего десятилетия оказались весьма скромными. Эта политика вовлекла страну в гонку вооружений, которую она едва ли могла себе позволить, стимулировала объединение потенциальных противников Советского Сою-

за и не способствовала защите советских интересов в странах третьего мира. Политика, твердо нацеленная на дальнейшую экспансию, без оглядки на затраты и риск, могла бы выглядеть реальной альтернативой прежнему состоянию дел. Но такая жесткая линия не нашла бы особой поддержки ни в народе, ни со стороны руководства.

В ретроспективе избрание Горбачева представляется исторической случайностью. Вряд ли его сторонники сознавали, что их кандидат со временем зайдет в политике перемен куда дальше, нежели они сами этого хотели. Но верно также, что горбачевская альтернатива в то время была наиболее вероятной реакцией на неудачи прошлой политики. Уверенности в успехе реформ не было, но попробовать такую политику было, пожалуй, необходимо.

Сегодняшняя оценка ситуации в СССР наталкивается на некий парадокс. Сейчас имеется куда больше доступной информации относительно разных аспектов советской политики нежели в течение последних шестидесяти лет. Тем не менее прогнозирование будущего Советского Союза, став более захватывающей интеллектуальной задачей, не стало проще. При Сталине и его преемниках поведение СССР в основных чертах было более согласованным и предсказуемым, чем сегодня. В стране возникли и продолжают возникать новые социальные и политические силы, что делает процесс принятия решений более сложным и запутанным. Хотя монополия партии на политическую власть еще ни в коей мере не разрушена и в случае необходимости будет без колебаний восстановлена в полном объеме, во многих аспектах советской внутренней, экономической и международной политики существуют разногласия во мнениях и расхождения интересов. Ныне не преждевременно говорить о глубоком, устойчивом расколе в советском руководстве. Но его члены все же во многих отношениях связаны друг с другом и готовы выступить единым фронтом против пришельцев со стороны. Если между ними нет единства, то размежевание по идеологической ориентации, по стилю руководства, основным приоритетам и по готовности к социальным и экономичес-

ким нововведениям происходит более чем по двум линиям. Все стало теперь намного сложнее. Если при Сталине решающим фактором была воля (или каприз) диктатора; если при Никите Хрущеве и Леониде Брежневеве расхождения внутри руководства были незначительны, то сегодня это уже не так, и вряд ли положение изменится в обозримом будущем. Нынешняя общая тенденция скорее к разделению, нежели к единству, но это не обязательно приведет к смертельному конфликту, несмотря на то, что у советских политиков нет навыков разрешения разногласий путем их обсуждения и взаимных уступок, и нет уверенности, что этот эксперимент увенчается успехом.

В течение столетий Россия знала долгие периоды тирании и лишь немногие месяцы свободы. Крепостное право было упразднено лишь 130 лет назад, и это глубоко влияло и влияет на менталитет и общественные институты. Лермонтов писал о России как о "стране рабов, стране господ", но сегодняшняя Россия — это не Россия 1860 г. Современным обществом нельзя управлять как старой русской деревней, хотя эта истина является источником постоянных сожалений для тех советских граждан, которые испытывают ностальгию по былым временам.

Известный философ и социолог Раймонд Арон отметил однажды, что революции во Франции подчас удаются, реформы же — никогда. Если бы русская история была для нас единственным источником параллелей и аналогий, то не осталось бы ничего иного как прийти к выводу, что горбачевские реформы при всей их ограниченности все равно обречены на провал — уроки прошлого не оставляют сомнения в том, что Россия нуждается в сильной власти, которая одна способна навязать ей свою волю и обеспечить дисциплину. История также учит нас, что российская держава неизменно расширялась со времен Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Перемены в России, за немногими исключениями, всегда приходили сверху. Однако можно ли навязать сверху свободу и независимость, хотя бы в малых дозах? Даже если реформы Горбачева обернутся неудачей, они все же заставят страну сделать нес-

колько неуверенных шагов вперед. Но не правильнее ли заключить, что хотя российские реформы никогда не были вполне успешными, они часто приводили к определенным переменам — так было от Петра Великого до Александра II и П.А.Столыпина?

Ряд других наций (и религий), тоже избрали путь воинствующей экспансии, но во всех случаях эта экспансия замирала после каких-то пределов либо потому, что те, кому она угрожала, находили силы успешно сопротивляться, либо в силу ослабления по тем или иным причинам исходного экспансионного импульса. Одной из особенностей века *гласности* является тенденция к переоценке периметра государственного интереса, а в некоторых случаях — даже к избавлению от убыточных приобретений. Это не значит, что в настоящее время изоляционизм СССР уже гарантирован, поскольку коммунизм, казавшийся некогда провозвестником будущего, израсходовал свои движущие силы; идея мировой революции была отброшена фактически много десятилетий назад, а концепция насильственно импортированной революции уже не модна ни в каких кругах советского общества.²

Советское руководство при случае еще может попытаться использовать благоприятные геополитические обстоятельства в различных частях земного шара, особенно поблизости от советских границ (например вакуум власти в Европе или на Ближнем Востоке), но это имеет мало общего с теми специфическими идеологическими компонентами, наличие которых в свое время делало советскую внешнюю политику отличной от политики прочих держав.

Выше уже отмечались трудности оценки направлений развития событий и ситуации в Советском Союзе. Число существенных для этого факторов сейчас возросло, что усложняет задачу, хотя сами эти факторы известны лучше чем прежде. Однако в любом анализе следует исключать крайние варианты как наименее вероятные. К их числу относится бы-

² Показательно, что нынешние правые в России считают вторжение в Афганистан акцией в духе традиций Льва Троцкого.

стрый и полный успех горбачевских реформ, приводящий к резкому улучшению в экономической и политической ситуации в Советском Союзе в течение нескольких ближайших лет. Другая в равной мере невероятная возможность — полный провал, внутренний крах, приводящий к распаду советского государства. Но если не принимаются во внимание эти возможности, то оставшийся спектр оказывается не очень широким.

На какие перемены рассчитывает партия реформ? Прежде всего это нововведения в экономике, в политической и социальной сферах, меняющие существующее положение в той степени, в какой оно тормозит экономический прогресс. Концентрацию внимания на сфере экономики не трудно критиковать, но следует взять в расчет, что сейчас экономические проблемы выглядят более насущными, нежели все прочие, и что решительных действий в этой области требует все население, в то время как к политическим реформам в целом то призывают лишь некоторые его слои. Прежние потенциальные реформаторы — от Косыгина до Андропова — поддерживали в каких-то дозах децентрализацию (которая на деле никогда не проводилась), в остальном же более всего полагались на призывы к усердной работе. Предложения Горбачева основываются на идеях, высказывавшихся еще в начале 1980-х годов реформистски настроенными экономистами и социологами вроде Абея Аганбегяна и Татьяны Заславской и идут куда дальше — до призывов вернуться к временам НЭПа. При этом имеется в виду произведенное Лениным ослабление контроля над экономикой, который был введен при военном коммунизме и фактически ее парализовал. Сегодняшние руководители сознают, что нынешняя ситуация существенно отличается от условий, доминировавших в 1920 г., но некоторые основополагающие идеи и сегодня выглядят столь же правильными, как в прошлом: усилить участие в игре рыночных сил и частную инициативу (скорее кооперативы, чем государственные предприятия), поощрять полуиндивидуальное фермерство, уменьшить мертвящую власть бюрократии, которая годами предписывала все действия в мельчайших подробностях и неизбежно

убивала дух предприимчивости и ответственность. Одна из ленинских статей называлась "Лучше меньше да лучше". Этот лозунг и контроль за качеством стали заповедями сегодняшнего дня. В течение десятилетий целью советской экономики были количественные, а отнюдь не качественные показатели, что приводило к поистине абсурдным последствиям. Советский Союз производил во много раз больше тракторов и хлебоуборочных комбайнов, чем Соединенные Штаты, однако, в конце концов, стал импортировать зерно из Америки. Годовое производство обуви достигло 800 млн. пар, в три раза превысив соответствующий американский показатель, однако ее качество оставалось столь низким, что кризис в снабжении населения обувью стал хроническим.

"Возвращение к НЭПу", однако, не было идеальной программой. Этот лозунг порождал нежелательные ассоциации — ведь в советском лексиконе само слово "нэпман" имеет негативный заряд, обозначая жулика и эксплуататора. Нетрудно было указать на цитаты из сочинений Ленина в поддержку НЭПа, но справедливо и то, что Ленин рассматривал НЭП лишь как переходное явление, и совсем не очевидно, что именно имеют в виду в качестве конечной цели новейшие реформаторы. Верно, что антибюрократическая кампания приобрела популярность — от этой напасти страдали все советские граждане. Но даже если совершенно пренебречь соображениями о неразвитости духа предпринимательства в стране, остается такой осложняющий фактор как широко распространенный и иногда выражаемый открыто страх, что новые реформы, подобно НЭПу, окончатся репрессиями против тех, кто преуспел при новой экономической политике. Советские люди слишком хорошо знают, что партия, что-то уступив, всегда может отобрать уступленное.

Как можно убедить население, что на этот раз для подобных страхов нет оснований? Новое руководство имеет дело с населением, которое долго приучали слепо повиноваться властям и не оспаривать их мудрость. Вплоть до недавнего времени было само собой разумеющимся, что массы должны верить в наступление лучших времен в результате решений

верховного руководства, со времен Ленина наделенного якобы магической силой. Однако даже самые большие оптимисты среди государственных реформаторов и их советников знают, что достижение ощутимых результатов займет 10-15 лет и даже больше; за них придется платить потом, кровью и слезами, и все эти годы сами реформаторы будут политически более уязвимы, чем раньше — ведь они убеждают усерднее работать за ту же, а то и за меньшую оплату труда.

Советская система более всего гордилась гарантией сохранения рабочего места. Насколько бы эффективной ни была какая-то фабрика, сколь бы низкой ни была там производительность труда, как бы незначителен ни был спрос на ее продукцию, ни один советский рабочий не стоял перед угрозой своей ненужности и увольнения и не должен был думать о поисках другой работы. Ныне же в перспективе внезапно замаячила безработица — одновременно с вероятностью, что в итоге новой экономической политики часть граждан будет богатеть. Такая тенденция вступает в конфликт с тягой к равенству, с традициями зависти и антипатии к чужим успехам. Короче говоря, реформистские политики подставили себя под обвинения в предательстве идеалов социализма или, самое меньшее, эгалитаризма. Условия жизни рабочих далеко уступают стандартам в развитых странах, а от них ожидают такой же производительности труда, как у их собратьев по профессии на Западе. В 1930-е годы, как и в 1950-е, проводилась массовая идеологическая индоктринация в сочетании с посулами, что жизнь людей станет лучше и легче в ближайшем будущем. Но с годами такая пропаганда утратила свою действенность. В качестве альтернативной стратегии была введена система немедленных вознаграждений, но от нее выиграли лишь немногие. В 1990-е годы придется импортировать потребительские товары с Запада, что само по себе опасно, так как нет достаточных запасов твердой валюты. Займы и кредиты тут помогут лишь отчасти.

Самые острые и неотложные проблемы перед реформаторами ставит экономика, однако фокус кризиса не в ней, а в психологии — в том комплексе пессимизма, грубого

материализма, цинизма и недоверия, который овладел широкими слоями населения. Эти настроения нельзя изменить на что-то более позитивное одним лишь обращением к более либеральным экономическим методам, тут потребуются что-то вроде культурной революции. Реформаторы 1990-х годов взывают к здравому смыслу и личной заинтересованности, в то время как шестьдесят лет назад депты перемен подключали к делу идеализм юности, имевшийся в то время в избытке. Это, помимо прочего, является одним из фундаментальных различий между 1920-ми и 1990-ми годами. Руководители реформ 1990-х годов — вполне здравомыслящие люди, они осознают экономические и социальные беды и потребности своей страны. Но ни по характеру, ни по воспитанию они не являются лидерами, способными возродить массовый энтузиазм, необходимый для культурной революции, для фундаментальных изменений в настроениях и мотивациях миллионов людей. В лучшем случае они в состоянии создать предпосылки для упразднения некоторых ограничений и препон, препятствующих высвобождению инициативы и успешному развитию, надеясь, что со временем разовьется дух предпринимательства, не проявлявшийся в течение столь длительного времени.

ЗАПАДНЫЕ ОЦЕНКИ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ: УРОКИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

В 1970-е — начале 1980-х годов успехи западных советологов не являются впечатляющими, а освещение советских дел средствами массовой информации находилось на еще более низком уровне. Высказывания западных лидеров были не более полезны, по крайней мере те, которые предназначались для широкой публики. Читатели западных газет и даже более специализированной литературы не имели возможности осознать глубину охватившего Советский Союз тотального кризиса. Широко обсуждались фундаментальные трудности советской экономики, снижение продуктивности производства и сокращение валового продукта. Но, за некоторыми исключениями, серьезность социальных и политических болезней и всеобщей немобильности все же не были поняты.

Одновременно преувеличивались достижения советского руководства, стабильность режима и его популярность. Причины столь неудачного подхода можно кратко суммировать следующим образом:

I. Политические предубеждения комментаторов, причем не столь их просоветские настроения, сколько критическое отношение к политике Запада и склонность анализировать происходящее в СССР без учета его специфики. Такой подход, похоже, особенно распространился в Соединенных Штатах со времен вьетнамской войны, но в какой-то степени он имел место и в других западных странах, особенно в Великобритании и Западной Германии, и в какой-то степени — во Франции и в Италии.

II. Академические исследования должны базироваться на фактах и на цифрах, а не на впечатлениях и интуитивных оценках. Однако доступные в то время фактические и цифровые данные о Советском Союзе исходили в основном из такого источника как заявления советских официальных лиц и публикации в советской прессе. К тому же советология — в высшей степени политизированная сфера интеллектуальной деятельности, и многие советологи ощущали в этой связи некоторое смущение. Им не хотелось повторять утверждения, которые они считали ошибками времен холодной войны. Поэтому старались избегать крайних суждений, дабы не быть заподозренными в политической заданности.

III. Сотрудники западных средств массовой информации, работавшие в Советском Союзе, по хорошо известным причинам испытывали куда большие трудности, нежели их коллеги в большинстве других стран. В эпоху гласности положение несколько изменилось, но до 1986 г. уровень политического освещения событий оставался низким, хотя стали частыми какие-то примечательные исключения. Однако многие западные журналисты были просто недостаточно подготовлены к своей миссии в Советском Союзе — в отношении языка и вообще познаний о России и СССР.

Но даже те, кто чувствовал надвигающийся кризис советской системы, не ожидали появления лидера в новом стиле — такого как Горбачев и не предвидели чего-то подобного гласности. В итоге события 1986 и последующих годов изумили тех, кто в течение 10-20 лет рисовали розовые картинки советской жизни, и даже знавших печальное состояние советских дел — они все-таки не учитывали возможности обращения к реформам. В течение длительного времени ситуация в Советском Союзе интерпретировалась неадекватно, и это породило осторожность оценок части западных наблюдателей в первые два года пребывания Горбачева в должности. Это стало меняться с начала 1987 г., когда политика реформы проявилась более определенно.

Обзор сделанных с тех пор на Западе оценок можно начать с разделяемого некоторыми экспертами как в западных столицах, так и в самом Советском Союзе негативного подхода — что перестройка и гласность есть всего лишь элементы мощной стратегии дезинформации для ослабления бдительности Запада. Но если бы это было главной или исключительной целью советской политики реформ, игра вряд ли бы стоила свеч. Действительно, в пропаганде для зарубежья гласность специально акцентировалась. Однако откровения "Огонька" ничем не уступали сообщениям в иноязычных изданиях "Московских новостей" и других флагманов реформистской политики, а сама идея, что гласность была введена лишь для заграничного потребления, слишком придуманная, чтобы ее можно было принимать всерьез.

Больше приверженцев среди компетентных наблюдателей имело мнение, что гласность и реформы в целом — это явление, обозначаемое в русском языке словом "показуха"; альтернативная интерпретация состояла в том, что ухудшающаяся ситуация в Советском Союзе вынудила его руководство предпринять усилия по проведению определенных реформ, но не потому, что в глубине души они таили демократические либеральные или социал-демократические симпатии, но из-за реальной опасности краха

советской системы и полной остановки ее экономики. Эти специалисты утверждали, что в случае успеха модернизации экономики Советского Союза через 10-15 лет военная и политическая угроза с этой стороны весьма возрастет, так что не в интересах Запада помогать советскому руководству в его политике реформ.

Эти рассуждения основывались на правильных допущениях, дополнявшихся, однако, другими, уже сомнительными, а именно — само собой разумелось, что советское руководство все еще является более или менее монолитным блоком, в котором имеются лишь незначительные, маловажные тактические различия. Однако очевидно, что хотя нынешние советские руководители разделяют какие-то основополагающие представления (так же, как имели общие взгляды Сталин и Троцкий, или Хрущев и Мао Цзэдун), в конкретных политических действиях различия между ними фундаментальные. Если игнорировать эти различия, то невозможно понять нынешнее перетягивание каната в Кремле. Консерваторы в советском руководстве не возражали против экономических реформ в принципе, но не хотели, чтобы они происходили слишком быстро и зашли слишком далеко, стремясь в то же время ограничить до минимума сопутствующие экономическим преобразованиям политические реформы. Более радикальные реформаторы считали, что пока государство сохраняет в своих руках "командные посты" в экономике и твердо их контролирует, не возникает опасности для социалистического характера режима. При этом они полагали, что без политических реформ ("демократизации") население не примет активного участия в перестройке экономики — другими словами, стагнация будет продолжаться. Консерваторы соглашались, что необходимы какие-то более серьезные инициативы снизу, однако считали, что этого можно добиться посредством административного контроля и идеологической индоктринации сверху.

Наконец, рассуждения, что в итоге перестройки Советский Союз станет сильнее в военном отношении и тем самым опаснее для Запада, основывались на допущении, в котором не

верили даже самые большие оптимисты среди московских наблюдателей событий — а именно, что реформистский политический курс продемонстрирует полный успех в близком будущем и приведет к значительному стабильному и сбалансированному росту в течение каких-нибудь нескольких лет. Но даже если бы перестройка обернулась ошеломляющим успехом, все равно нельзя было бы с уверенностью заключить, что итогом этого будет рост военной опасности для Запада. Некоторые западные наблюдатели в последние годы пришли как раз к противоположному выводу, а именно, что более агрессивная политика за рубежом может быть следствием провала попыток советского руководства улучшить состояние экономики и социальные условия внутри страны, иначе говоря, что внутренние провалы могут вынудить к поискам выхода во внешней политической активности или даже в авантюрах.

Сторонники этой интерпретации преувеличивают возможности Запада влиять на развитие экономических процессов в Советском Союзе, как в направлении их поощрения, так и замедления. Экономические нужды Советского Союза таковы, что западные страны при всем желании не могут задействовать такую программу помощи, чтобы в итоге ее реализации положение изменилось существенно. Кредиты и займы порядка 5–6 млрд. долларов могли бы облегчить торговлю СССР с большинством европейских стран, которая в последние три-четыре года заметно сократилась, но это не возымело бы решающего эффекта на функционирование советской экономики, которое не может улучшиться только под влиянием роста капиталовложений. История советского сельского хозяйства дает превосходный пример, когда гигантские инвестиции в лучшем случае незначительно окупаются.

Более влиятельной оказалась позиция тех западных комментаторов, которые рассматривали советскую политику реформ с изрядной долей оптимизма. В этих кругах верили, что эта политика является важнейшим поворотным пунктом в жизни Советского Союза — второй русской революцией. Что же касается радикальных улучшений, то степень оптимизма

комментаторов различна, но обычно специалисты в области экономики заметно менее оптимистичны, нежели политологи. Однако все верят в искренность попыток Горбачева демократизировать советское общество и, в любом случае, в необратимость большей части уже имеющихся достижений на этом пути, считая возврат к брежневщине невозможным, не говоря уже о возврате к сталинизму.

Комментарии принадлежащих к этой школе исследователей составляют спектр от принятия на веру речей и статей советских официальных лиц до изощренного анализа политических и социальных тенденций в Советском Союзе. Так, высказывается мнение, что хотя политическая жизнь в советском Государстве претерпела мало изменений, советское общество за последние двадцать лет испытало подлинную революцию, которая не может не привести, причем скорее раньше чем позже, к существенным политическим переменам. Разумеется, нынешнее советское общество совершенно иное чем при Сталине: абсолютное большинство советского населения теперь обитает в городах, и неизмеримо большая его часть теперь имеет высшее образование. Пятьдесят лет назад общество было пассивным, с готовностью принимало любые приказы сверху; сегодня оно более критично, имеет более высокие ожидания, выработало собственную динамику и собственные цели. Таким обществом уже нельзя командовать в традиционном духе, поскольку оно имеет свои представления об управлении страной и хочет принимать в нем участие.

Подобные взгляды высказываются отнюдь не только комментаторами, симпатизирующими социализму. Произшедшие в СССР демографические сдвиги реальны и ценностно независимы. Однако играющие сейчас авангардную роль в Советском Союзе новые поколения отнюдь не обязательно ближе к демократии нежели предшествующие, вопреки утверждениям некоторых политологов на Западе. Но нынешние поколения безусловно смотрят на мир по-иному и нередко возражают как старшим поколениям, так и власть имущим. Иногда это проявляется в возмутительных, близких

к фашистским лозунгам или деяниям, но чаще — в уходе от политики в советское подобие контркультуры.

В целом эта социодемографическая интерпретация верна. Советский Союз больше не страна неграмотных мужиков; на деле он не является таковой уже в течение десятилетий. Вполне разумно заключение, что включающее множество образованных людей общество не может управляться посредством институтов, сформированных в сталинские времена и с тех пор лишь незначительно изменившихся. Речь идет даже не о постоянных чистках и культах личности, типичных для сталинского периода, который сегодня многие советские граждане воспринимают с ужасом и стыдом. Это относится к страху и пассивности, к примитивной пропаганде и интеллектуальному регламентированию — явлениям, ни в коей мере не ушедшим в небытие со смертью диктатора.

Однако допущение, что более высокие жизненные стандарты, урбанизация и распространение образования автоматически приводят к торжеству демократических институтов, не подтверждается историческим опытом. В основе этого допущения лежит корреляция между валовым национальным продуктом каждой страны и достигнутым в ней уровнем свободы. Однако не существует никакого исторического закона на этот счет. Швейцарские крестьяне и исландские рыбаки XIX столетия практиковали демократию, хотя их жизненные стандарты были крайне низки по любым критериям, в то время как рост нацизма в Германии не был предотвращен тем обстоятельством, что в XX веке эта страна была одной из самых передовых в промышленном отношении. Самые состоятельные среди нынешних стран третьего мира отнюдь не обязательно самые демократические, и наоборот. Демократия — это не просто функция экономического развития, это еще состояние умов, основывающееся на политической зрелости, терпимости, самодисциплине и других качествах, выработанных в некоторых странах на протяжении жизни нескольких поколений, в то время как в других странах они так и остались недоразвитыми.

Мы не знаем, прочему некоторые страны показывают большую, нежели другие, склонность и способность к демократическому правлению. Нельзя утверждать также, что демократии невозможно обучиться и что лишь немногие народы самой судьбой предназначены жить в условиях свободы. Однако опыт учит, что путь народов к демократии требует длительного времени и что навязывание сверху демократических институтов (и конституций) обычно приносит мало пользы до тех пор, пока среди населения не утвердятся основные демократические настроения и ценности.

Россия во всей своей истории лишь несколько месяцев знала какие-то формы свободы (смешанной с анархией). Даже если сюда добавить годы конституционного правления (1905-1907 гг.), то все равно общая продолжительность этого периода очень коротка. Демократические движения в политической жизни России имеют глубокие корни, но судьба этих движений никогда не была счастливой. Это не означает, что демократизация России обречена на поражение, но все говорит за то, что ее обретение будет очень длительным процессом. Среди препятствий на его пути — могущественная бюрократия и антидемократические групповые интересы. Чаяния целого ряда групп ничего общего с демократизацией не имеют. Более того, обострение напряженности в отношениях между нациями в сочетании с политическим и социальным брожением никак не способствует расширению свобод. Выше уже упоминалось об антидемократической концепции, что русским трудно жить в условиях слишком большой свободы и что без сильного правителя страна может попросту расколоться на части. Среди демократических реформаторов 1990-х годов немало таких, чьи цели ни в коей мере не включают плюралистическую парламентскую демократию западного типа, они нацелены на гораздо более умеренное сочетание однопартийного государства с элементарными гражданскими свободами, гарантированными законом.

Однако при отсутствии демократического в подлинном смысле этого слова выбора такие гарантии невозможно сделать надежными — они всегда будут зависеть лишь от добрых

намерений и просвещенного духа самовоспроизводящихся правящих групп. Такая политическая система будет чем-то средним между диктатурой и демократией. Хотя проявляющиеся в обществе тенденции могут либо поощрять, либо замедлять движение к демократии, они не определяют характер политической системы. Урбанизация, решая какие-то проблемы, порождает множество других. Не оправдались утверждения тех западных специалистов по общественным наукам, которые постулировали непрерывный и более или менее гарантированный прогресс к демократии.

Имелись на Западе и наблюдатели, выражавшие оптимизм относительно исхода начатых Горбачевым реформ. Согласно их мнению, эти реформы, несмотря на временные сложности, не могут не преуспеть — просто из-за отсутствия альтернативы. Кроме того, время консерваторов и неосталинистов прошло, они уже проиграли. У них нет никакой конкретной программы борьбы с трудностями, испытываемыми страной, которые в основном проистекают из их же политики былых лет или, по крайней мере, из-за их неспособности осознать серьезность проблем и вовремя начать их решать. История учит, однако, что всегда существуют политические альтернативы. Тот факт, что консерваторы не добились успеха в прошлом, может временно обернуться для них политической неудачей. Но их основные идеи все же могут соответствовать глубинным настроениям в стране, которая противится экспериментам и переменам. В таком случае политика реформ будет всего лишь интерлюдией, особенно если через несколько лет выяснится, что успехи реформаторов в решении насущных проблем страны не больше, чем у их предшественников.

Имеется еще один подход, который можно назвать "реалистическим". Его сторонники считают, что успех или неудача политики реформ не predetermined. Они учитывают прошлый русский опыт, но понимают, что непрерывность не есть универсальная черта исторического процесса и что хотя прошлое дает ценные ключи к пониманию будущего, все же не обязательно, что события всегда будут развиваться по

образу и подобию уже имевших место когда-то. Реалистический подход учитывает и субъективные и объективные факторы: компетентность, дальновидность и идеализм лидеров и масс или нехватку у них этих качеств, а также демографические, социальные и экономические тенденции, равно как и идеологию в самом общем смысле этого слова — культурные традиции, национальное сознание, религию и т.п. Такой подход предполагает комплексное рассмотрение факторов, которые будут влиять на развитие событий в последующие годы. Но и в этом случае невозможно предсказать роли того или иного лидера, которая может оказаться решающей.

В современной истории немало примеров прогнозов, оказавшихся справедливыми несмотря на то, что в их основе лежали полностью неверные допущения. Поскольку течение событий не предопределено, не может быть и гарантий верности предсказаний. Тем не менее можно утверждать, что есть способы оценки будущего развития событий более надежные, чем прочие, и единственное, чем следует руководствоваться, это опыт прошлого и рациональный анализ.

ЗАМЕЧАНИЕ О РУССКИХ ПРЕДСКАЗАНИЯХ

Историю политических прогнозов, которые высказывались с 1917 г. русскими эмигрантами или в самом СССР, еще предстоит написать и проанализировать. В свое время многие эмигранты ожидали немедленного падения советской власти. Коммунисты в Советском Союзе, особенно после окончания гражданской войны и консолидации их власти, ожидали, что революция победит во всем мире в недалеком будущем, что строительство социализма в одной отдельно взятой стране будет лишь временным вынужденным явлением. Когда Советский Союз укрепился, "возвращенцы" из эмигрантской среды и "национал-большевики" стали пророчить скорую кончину ленинизма, усиление традиционных национальных элементов и постепенную нормализацию (как они ее понимали) внутренней ситуации в стране. Ренессанс этого направления мысли пришелся на 1943-1945 гг.

Из написанного позднее особый интерес представляет эссе Андрея Амальрика "Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?" (1969 г.). Автор правильно подметил, что режим уже потерял былой динамизм, подчеркнув также усиление националистических идей в сочетании с усиливающейся стагнацией. Он утверждал, что ради собственного выживания система должна пойти на перемены, но не способна к этому. В этом параличе Амальрик увидел опасность внезапного взрыва негодования непросвещенных масс, если они почувствуют себя в угрожаемом положении. Амальрик возлагал некоторые надежды на возникновение среднего класса. Что касается внешней политики, то он не сомневался в неизбежности длительного и разрушительного конфликта между СССР и Китаем.

Предсказания Амальрика резко контрастировали с прогнозами А.Д.Сахарова, который считал реформы возможными и уповал на хотя бы временную конвергенцию между Западом и Востоком — эта идея была популярной в начале 1960-х годов в демократических странах. Александр Солженицын и близкие ему по духу эмигранты смотрели на все гораздо пессимистичней, а Александр Зиновьев вообще уверовал в эффективность и вечность сталинских порядков.

ПАРТИЯ РЕФОРМ

К 1985 г. очень многие понимали, что Советский Союз движется в пагубном направлении, что экономические и социальные условия ухудшаются. Это убеждение разделяли русские патриоты правого крыла и интеллигенты либерально-демократического лагеря. В художественной литературе мощнейшие инвективы шли именно справа: трудно даже вообразить более безжалостные описания моральной деградации общества, чем в "Печальном детективе" Виктора Астафьева и в "Пожаре" Валентина Распутина — голый эгоизм, распад нравственности, пьянство и преступность, примитивный материализм. Эти безжалостные описания повседневного существования в советских деревнях и небольших городах едва ли оставляли даже лучик надежды. Другие

консервативные источники давали понять, что жизнь в неназываемых поименно больших городах была даже хуже.

Критика внутренних дел со стороны демократических сил разумелась сама собой, но даже патриотические элементы, обычно не склонные признавать какие-либо дефекты системы, вряд ли видели какой-то проблеск надежды. Ситуация очевидным образом уже сделалась критической. Руководящие слои и их семьи были ограждены от тягот, дефицитов и унижений обывательской жизни. Им не приходилось выстаивать в многочасовых очередях, чтобы сделать необходимые покупки; они жили как бы в собственных гетто, пользуясь доступными лишь им магазинами, больницами, персональным транспортом и школами для своих детей. Они наблюдали массы лишь через стекла своих лимузинов с личными шоферами. В одном из бестселлеров второй половины 1980-х годов, "Новом назначении" Александра Бека, есть очень характерный эпизод, когда два министра, которым в положенное время не подали машины, оказались в труднейшей ситуации: не имея опыта пользования общественным транспортом, они не знали, как купить билеты в метро.

Есть все основания считать, что органы государственной безопасности сообщали о настроениях населения, и не случайно, по всей вероятности, Андропов был среди наиболее прореформистски настроенных руководителей тех лет. Но и он был в плену сталинских традиций. Когда настал его черед, он, пожилой человек слабого здоровья, не мог, судя по всему, изобрести ничего кроме введения сверху строгих дисциплинарных мер. Есть свидетельства, что некоторые действительно дальновзоркие и честные руководители как в центре, так и на уровне областей ощущали приближение кризиса либо осознавали его реальность на основе собственных наблюдений. Кое-кто даже делал в частном порядке предупреждения. Но эти люди не были объединены и не имели ясного представления, как именно следует осуществить перемены. Кроме того, свойственная режиму секретность и многочисленные ведомственные барьеры мешали даже руководителям самых высоких рангов представить полную и

реалистическую глубину масштабов всеобщего упадка. Занимавшиеся сельским хозяйством, конечно, имели данные о его низкой продуктивности, о всеобщем отсутствии инициативы, о потерях, которых можно было бы избежать, и дефицитах, растущих из года в год несмотря на увеличение субсидий. Однако они могли питать иллюзии относительно состояния дел в других секторах экономики и в других регионах страны, где, возможно, дела обстояли гораздо лучше, и что их собственный опыт не универсален...

В материальном отношении советское население в 1985 г. жило лучше, чем двадцатью годами ранее, и уровень политического гнета был ниже чем в 1955 г. Тем не менее за эти десятилетия дух относительного оптимизма сменился пессимизмом. Русские не стремятся к излишествах, и в 1950-х - 1960-х годах, когда происходил рост сельскохозяйственного и промышленного производства, пусть медленный и прерывистый, зарубежные наблюдатели пришли к заключению, что, поскольку уровень жизни поднимается, население в массе не испытывает острого недовольства. Однако в конце 1970-х экономический рост замедлился, а затем фактически прекратился. К тому же все это время увеличивался разрыв между официальной пропагандой и действительным положением дел, что ощущалось даже острее, чем экономические неурядицы. Перед второй мировой войной было относительно нетрудно списать все недостатки режима на необходимость ускоренной индустриализации. В последующие годы для объяснения советской отсталости и бедности использовались ссылки на усилия в борьбе с врагом и тяготы войны.

Но с течением времени воспоминания о войне отходили на второй план. Поскольку другие, тоже пострадавшие от войны страны оправались от ее последствий неожиданно быстро, доверие советского народа к своим верхам стало убывать. Правда, имелись впечатляющие достижения в космических путешествиях и в военном строительстве, но в прочих отношениях состояние дел в Советском Союзе все более напоминало условия в странах третьего мира, в то время, когда другие страны рвались вперед. Старые объяснения

потеряли убедительность, а на смену им не пришло ничего, разве что ссылки на необходимость создания мощных вооруженных сил для разрушения "агрессивных замыслов империалистов".

Официальная пропаганда продолжала рисовать Советский Союз как одну из богатейших в мире стран, как общество, где более чем где-либо торжествуют справедливость и свобода. Но каждый, кто не закрывал глаза на действительность, понимал, что советское общество переживает физический и моральный упадок и что страна нуждается в новом энергичном руководстве для возобновления поступательного движения. В других странах такие инициативы могли бы прийти снизу, но не в Советском Союзе. Коммуникационные каналы были перекрыты, поскольку строжайше запрещалось открыто говорить или писать о действительном положении дел. В русской истории от Петра I до освобождения крепостных и предвоенной аграрной политики Столыпина реформы всегда приходили сверху и обычно вызывали заметное сопротивление. Как однажды заметил Александр Пушкин, "у нас правительство — это единственный европеец"...

Инициатива реформ могла прийти только из партии, но как могла она обрести поддержку? Для этого требовалось ощущение настоящей необходимости реформ, убежденность в неизбежности срочных мер, а общественное мнение в Советском Союзе все еще пребывало в состоянии младенчества. Есть ирония в том, что большевистская партия пришла к власти под лозунгом мобилизации масс, однако в течение всего последующего времени массы более или менее систематически демобилизовывались. И в рабочей среде и в деревне неудовлетворенность проявлялась в пьянстве, хулиганстве и т.п. В секторе услуг были возможности для выхода на черный рынок, а интеллигенция склонялась к самореализации в личной, а не в общественной жизни. Тем не менее на определенном уровне ухудшения условий жизни во всех слоях общества появились люди, сочувствовавшие реформистским инициативам, даже если они сами по тем или иным причинам не могли их возглавить или активно поддержать.

Наиболее выделялась в этом плане техническая интеллигенция — она была наиболее открыта новым идеям и наиболее способна выразить их; в этой среде многие понимали стоящие перед страной проблемы лучше, чем рабочие и крестьяне. Именно интеллигенция стала главным оплотом реформистского движения. На этом основании некоторые наблюдатели недооценивали потенциальную важность этого явления, исходя из того, что политическое движение, привлекавшее лишь немногих интеллектуалов в столице и, возможно, в нескольких крупных городах, вряд ли может иметь далекоидущие последствия. Но это было недооценкой количественной распространенности интеллигенции в Советском Союзе, ее влияния.

Интеллигенция отнюдь не сводится к авангарду писателей, художников и мыслителей — она включает многие миллионы людей. Даже если не все они являются ревностными борцами за гласность и перестройку, не следует преуменьшать важность интеллигенции как коллективной носительницы идей, как коммуникационной группы, идеи которой посредством радио, телевидения и печатного слова достигают самых отдаленных окраин. Интеллигенция обеспечила реформаторов идеологией, она же помогла Горбачеву убедить народ в необходимости серьезных усилий для разрешения стоящих перед страной насущных проблем. При советской системе в массах глубоко укоренилось сознание непроницаемости барьера между "ими" и "нами" — политика всегда была чем-то навязываемым сверху. В основе новых реформ лежала идея ограничения сферы деятельности государственной и партийной бюрократии и развязывания инициативы, предприимчивости и активной сопричастности проводимым изменениям снизу. В этом контексте ключевым элементом стала гласность: без осознания серьезности существующего положения шансы на активное соучастие масс будут невелики.

По этому вопросу советское руководство разделилось. Часть его, в том числе Е. Лигачев, считали гласность желательной лишь в малых дозах, полагая, что если она зайдет

слишком далеко, это принесет больше вреда, чем пользы, восторжествует чувство отчаяния и возрастет апатия. Поначалу и Горбачев был сторонником лишь очень ограниченной гласности. Он никогда не стремился к гласности ради нее самой. Некоторые его сторонники-интеллигенты настаивали на большей откровенности, чем входило в его намерения, и это породило серьезную борьбу внутри руководства. Несомненно, в 1988 г. Горбачев и его единомышленники в партийном руководстве отстаивали гласность гораздо решительнее, чем двумя годами ранее, или, по крайней мере, они дозрели до готовности предоставить большую свободу действий интеллектуалам, считающим, что без демократизации невозможен экономический прогресс. Партийное же руководство было заинтересовано прежде всего в экономических улучшениях, что неоднократно подчеркивалось. Его главной заботой было увеличение производительности труда и улучшение качества продукции. Либерализацию в области культуры руководство приветствовало, покуда это не заходило слишком далеко, опасаясь общественных раздоров на этой почве. Новое мышление было желательным и во внешней политике, так как оно повышало международный статус СССР и помогало исправить вред, нанесенный отсутствием гибкости и устаревшими представлениями, определявшими советскую внешнюю политику не только в сталинскую эру, но и во времена застоя.

С самого начала имелись отчетливые различия во мнениях относительно того, насколько быстро должны развиваться и как далеко пойти реформы в различных областях. На этой почве столкновения в лагере реформаторов были неизбежны. Одним из ключевых моментов разногласий было отношение к тем, кто до 1985 г. принадлежал к антиреформистскому лагерю, но затем признал свои ошибки — на деле или хотя бы на словах. Следует ли простить им их грехи, или же относиться с недоверием и придерживаться на расстоянии? Это был серьезный вопрос. Но было немало других, даже большей важности, — относящихся не столько к прошлому, сколько к будущему, прежде всего политическому будущему режима.

В течение 1989 г. поляризация общественного мнения обозначилась еще заметнее. Антиреформистские силы спланировали ряды, и активность их стала гораздо заметнее, чем прежде. В стане реформистов наступил раскол. Либералы из истеблишмента, включая Горбачева, без особого успеха выступали за ускорение перестройки, в то же время притормаживая политическую либерализацию. Радикалы подчеркивали, что без быстрых и далеко идущих реформ прогресс невозможен, имея в виду ликвидацию политической монополии компартии и расширение экономических свобод в промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ПЕРЕМЕНАМ

Переменам противятся социальные группы, эгоистические интересы которых требуют сохранения существующего положения; стремятся не допустить перемен и индивидуумы, опасющиеся их или не приемлющие их идеологически. Но основным ресурсом сопротивления является инерция, присущая русскому обществу на протяжении столетий, которую долгое время внедряли систематически.

Страх свободы — это синдром, отмеченный психологами в разные столетия и в разных частях земного шара; источники этого страха хорошо изучены. Многие русские исследователи отмечали, что русское политическое сознание на протяжении всей своей истории выказывало гораздо меньше интереса и энтузиазма по поводу свободы, чем по поводу равенства и братства. Впрочем, находились такие, которые утверждали, что без свободы для братства остается не так уж много места. Если же имеется сочетание сильного вождя с номенклатурой, то равенство сводится к требованию, что "никто не должен жить лучше меня". Стремление к уверенности в завтрашнем дне глубоко укоренено в советском обществе. Каковы бы ни были причины этого явления, оно сопряжено с неприятием экономической свободы со всеми сопутствующими ей факторами риска (предпринимательская неудача, банкротство, безработица). Отсюда — большой энтузиазм в отношении японской модели, которой, как считается, присуща от-

ветственность предпринимателя за его персонал — и в хорошие времена, и в плохие.

Реформаторы в значительной мере обратили свою критику против бюрократии. Нет сомнения, что советское общество — самое зарегулированное в мире. На протяжении десятилетий все государственные и партийные институты выросли до непомерных размеров. До прихода коммунистов к власти Ленин утверждал, что бюрократия будет побеждена пролетарской сознательностью. Это было огромной ошибкой, что он осознал незадолго до смерти. К 1924 г. в Высшем Совете народного хозяйства на каждого работающего служащего приходился проверяющий. В царские времена страной управляли две дюжины министров; в Советском Союзе в 1985 г. было примерно восемь сотен министерств и государственных комитетов министерского уровня. Численность чиновников оценивалась в 16 млн., но на деле она, возможно, даже больше.

Циник может утверждать, что столь непомерный избыток кадров имеет свои преимущества. Поскольку многие из перекладывавших бумаги в любом случае не способны ни к какому производительному труду, это было средством предотвращения безработицы. Но само существование гигантской армии бюрократов имело несколько важных последствий. Для оправдания своего существования они изобретали правила и нормы, затруднявшие все проявления советской жизни и сделавшие невозможными какие бы то ни были перемены и любую независимую инициативу. Таким образом, главное зло состояло даже не в самом числе бесполезных служащих, а в их негативном воздействии на всех уровнях, от руководителей Госплана до самых низов местной администрации. В одном советском министерстве был служащий, единственная функция которого состояла в хранении под замком географических карт страны, которые никто не мог взять без его разрешения. По всей вероятности, существовали многие тысячи чиновников с аналогичными обязанностями. Основной ущерб для национальной экономики и общества создавался даже не выплатой жалованья этим

хранителям государственных секретов, но потерей многих часов человеческого труда и ошибочными решениями, принимавшимися из-за того, что необходимая информация без всякого на то основания скрывалась от советской публики. В годы гласности стала популярной цитата из молодого Маркса, никем не приводившаяся в прежние времена — о том, что дух бюрократии есть тайна, соблюдение которой охраняется ее иерархическим характером.³

Ошибочно счесть, что все бюрократы противятся реформам — это было не так в Царской России, и это не соответствует истине в Советском Союзе. Исключения можно найти прежде всего в высших эшелонах власти, где меньше оснований опасаться потери работы или привилегий. Существуют исключения и среди тех администраторов, обязанности которых в широком смысле слова состоят в том, чтобы заставить систему работать — в отличие от тех, чьи функции сводятся к контролю, соблюдению запретов и ограничений, и от чиновников без четких обязанностей. Чиновники, обязанные обеспечивать поставку товаров и услуг, чувствуют себя связанными системой, затрудняющей любую сделку и порождающей бесполезные усложнения. Те же трудности стоят и перед ведущими технократами, директорами промышленных предприятий, председателями колхозов. Многие ученые и инженеры настроены в пользу устранения системы, блокирующей свободное распространение информации как из-за рубежа, так и внутри страны; системы, которая вознаграждает не за реальные достижения, а скорее за пассивность и осторожность. С другой стороны, бюрократы от науки не откажутся так легко от системы, гарантирующей их контроль. Кто-то из них, возможно, станет на сторону реформистов, но не большинство этого слоя, поскольку далеко идущие перемены явным образом несовместимы с усвоенным ими духом консерватизма. Сопrotивление переменам имеет как инстинктивный, так и идеологический характер. История научила консерваторов, что перемены обычно ведут к худшему.

³ В. Рубанов. "Коммунист", № 13, 1988, стр. 27. Рубанов представлен как начальник отдела научно-исследовательского института, относящегося к системе КГБ.

Консервативный лагерь включает разнородные элементы — на одном его полюсе неосталинисты, на другом — русские патриоты антимарксистского толка. Неосталинисты не видят прелести мистики в духе Достоевского и романтических мечтаний ревнителей России о возвращении в деревню. В то же время патриоты считают, что инспирированная марксизмом-ленинизмом революция 1917 г. была безусловным бедствием, источником несказанных разрушений русских ценностей и русской культуры. Что касается Сталина, они согласны признать некоторые обстоятельства, смягчающие его вину — как то, что он разрушил первоначальную большевистскую партию с ее в высшей степени интернационалистическим этосом и превратил Россию в мощную военную державу.

Таким образом консервативный лагерь отличается широким диапазоном воззрений — от просвещенного патриотизма до параноиков, которые повсюду видят "пятую колонну", заговоры с целью подрыва и разрушения именно русских ценностей с помощью таких средств, как западная (преимущественно американская) массовая культура, рок-энд-ролл, наркотики, порнография и прочие стратагемы. Эта "пятая колонна" контролируется масонами, евреями и другими "сатанинскими силами" (кодовое название всех, чьи мнения расходятся со взглядами этих экстремистов). В данном случае взгляды наиболее крайних элементов столь же важны, как и воззрения умеренных, вследствие многочисленности воинствующих экстремистов и их попутчиков и той поддержки, которой они располагают в высших партийных кругах, в армии и в некоторых государственных учреждениях.

Хотя консерваторы в целом не возражают против предлагаемого реформистами анализа социальных и экономических болезней страны, к демократической программе реформ они симпатий не проявляют. Они выступают против самоуправления в промышленности, а неосталинисты являются противниками частных земельных наделов и семейных бригад в сельском хозяйстве. Прежде всего они против "рыночного социализма", самое понятие которого, с их точки зрения, есть противоречие в терминах. Они твердо

уверены, что возвращение к чему-то вроде НЭПа принесет выгоду не обществу в целом, но лишь небольшой его части. Их экономическая программа, которую их критики называют "национальным утопизмом", покоится на неявно принимаемом допущении, что исправить нынешнее неблагополучие никакими способами не удастся, и даже если в течение ряда лет обеспечить темпы роста в 3-5%, это все равно не принесет радикального улучшения жизненных условий. Отталкиваясь от этого, они заключают: "Мы не способны конкурировать с японцами, западноевропейцами или американцами. Но, в отличие от них, мы не продали души мамоне, у нас другие приоритеты и духовные ценности, отсутствующие у наших противников".

У людей из этого лагеря глубоко укоренено ощущение, что иностранцы в большинстве или даже поголовно ненавидят Россию. Они верят, что русофобия отнюдь не обязательно связана с антикоммунизмом. Тот факт, что последняя существовала до 1917 г. и сохраняет силу в наше время, несмотря на то, что коммунизм уже не является проблемой первостепенной важности, привел их к выводу, что Россия не имеет друзей, и в критической ситуации доверять следует только русским. Исходя из этого, логично даже не пытаться конкурировать с иностранцами, но добиваться улучшения ситуации путем укрепления порядка и дисциплины и усиления политической и нравственной индоктринации масс.

Слабости этой программы столь же очевидны, как и слабости фашизма. Недовольство большими городами и тоска по возвращению к прежней деревенской жизни противоречат великодержавным амбициям, требующим создания современной промышленности, способной снабдить необходимым мощную армию. Патриотизм в больших дозах не понудит рабочих и крестьян к сколько-нибудь длительной усердной работе, не говоря уже о том, чтобы заставить их приобретать всякий хлам только потому, что он произведен в собственной стране. Кроме того, русский национальный экстремизм должен считаться с фактором, от которого были свободны фашистские режимы в Германии и Италии: Гитлер и

Муссолини могли апеллировать к патриотическим чувствам 98% своих соотечественников, а в Советском Союзе русские составляют лишь половину населения, а для других народов обращение к памяти героев России и к победам былых веков не привлекательно. Такие лозунги способны лишь отпугнуть их и даже вызвать враждебность.

Убеждения российских правых, в частности их антикапиталистическая ностальгия, глубоко укоренены. Они порождены раздражением и недовольством нынешними реалиями, но не подкреплены тем, что марксисты называют "научным анализом". Среди этих людей нет ни одного крупного экономиста, а в основе их программы лежат писания дилетантов.

Правое крыло попыталось захватить инициативу борьбы против разных социальных болезней. Консерваторы оказались в авангарде кампаний против алкоголизма и за сохранение старых памятников, но все это они делали с таким возбуждением, назойливостью и обвинениями по чужим адресам, как если бы они сознательно хотели скомпрометировать собственное дело и усугубить разлад в обществе. Хотя консерваторы пользуются политической и моральной поддержкой некоторых широко читаемых прозаиков и поэтов, в своей массе они состоят из мелкой буржуазии в западном понимании этого термина с примесью людей из армии и милиции.

Советские обществоведы пытались определить состав противников реформ. Один из них — Игорь Бестужев-Лада — указал на большую распространенность просталинских чувств у поколения ветеранов второй мировой войны. Они верили в своего вождя, они, как говорят, шли в бой с кличем "За Родину, за Сталина!" (что, впрочем, сейчас оспаривается многими участниками тех событий). Неужели их жертвы и гибель многих друзей и родных были напрасными? В конце концов, 1930-е годы были не только периодом массовых казней, но и эпохой громадного прогресса в промышленности и строительстве. Разве Сталин лгал, говоря в 1935 г., что "жизнь

стала лучше"? На молодое поколение 1980-х годов эти ветераны смотрят со страхом и тревогой — отсутствие у нынешних молодых идеализма сильно контрастирует с полыхающей оптимизмом и готовностью к самопожертвованию их собственной юности. Многие представители старших поколений настроены против перемен — либо из внутренней убежденности, либо в силу эффективного промывания мозгов. Хотя у многих воспоминания о сталинской эре далеки от идиллических, поскольку они сами или их близкие были объектами репрессий, все-таки в старших поколениях больше чем в любой другой группе горечи по поводу общего направления советской политики при Горбачеве. Впрочем, поскольку возраст младших представителей этого поколения превышает шесть десятков, его исчезновение — только вопрос времени.

Но есть группа ветеранов, менее многочисленная, но более молодая и активная, также составляющая потенциальный кадровый резервуар противников реформ — это солдаты, воевавшие в Афганистане. Они не враги политических перемен как таковых, однако, подобно немецким и итальянским ветеранам первой мировой войны, они имеют претензии к обществу и правительству, которые не воздали должного уважения их усилиям и жертвам. Поэтому они становятся легкой добычей всяческих экстремистских групп.

Следует отметить еще одно интересное обстоятельство. Не все защитники сталинских деяний и обычаев всей душой верят в сталинизм. Похоже, среди них немало циников, в душе не признающих коммунистических доктрин, но считающих, что из-за политической незрелости народа, его неумения подчиняться дисциплине и склонности к анархии для установления в стране порядка не обойтись без железного кулака. Это напоминает некоторых мыслителей позапрошлого и прошлого столетий, переставших верить в Бога, но полагающих, что религия пока "необходима для простого народа".

Среди неприсоединившихся к реформистам преобладают

отнюдь не активные противники реформ. Это люди, которым свойственны безразличие и апатия; до них не доходят обещания и угрозы официальной пропаганды. Они могли бы даже симпатизировать целям реформаторов, но в прошлом слишком часто слышали подобные лозунги и уже не верят ни в какие улучшения. Другие хотели бы принять участие в реформах, но знают из собственного опыта либо из рассказов родителей, что выказывать чрезмерный энтузиазм опасно. В 1920-е годы крестьян призывали богатеть лишь для того, чтобы через несколько лет арестовать и выслать тех, кто последовал этим рекомендациям. Прекрасно поощрять людей к свободным высказываниям, но не исключено, что это только уловка властей, с помощью которой они выявляют недовольных. Даже если нынешние власти абсолютно искренни, нет гарантии, что в близком будущем власть не перейдет в другие руки и строгий контроль за всем и вся не будет восстановлен. Тогда на неприятности будут обречены как раз те, кто в период гласности вел себя независимо, смело и слишком открыто выражал свои взгляды. У противников реформ есть одно важное преимущество перед их сторонниками: в то время как перемены требуют действий, сопротивление им может осуществляться без специальных усилий — простой пассивности достаточно для крушения новых планов. Уже в 1987 г. выразители мнений консервативных кругов говорили о "настоящей гражданской войне" между радикальными реформаторами и их оппонентами и сравнивали ее со сталинградской битвой, но это было преувеличением. Открытая враждебность реформам — явление довольно редкое и, с точки зрения Горбачева, не слишком опасное. Подлинная угроза — это саботаж посредством бездействия и той всеобщей летаргии, которая в течение долгого времени была самой характерной чертой советского общества. Все сейчас сводится к вопросу, способен ли советский режим к фундаментальным переменам иным путем, чем за очень длительное время или под действием сильнейшего травматического шока?

ПРЕДЕЛЫ ГЛАСНОСТИ

Культ секретности родился в России задолго до революции 1917 г. Начиная с XVI столетия, посещавшие страну иностранцы были единодушны в том, что российские власти делали все от них зависящее, чтобы скрывать информацию как от приезжих, так и от своего собственного населения. С давних пор русское правительство основывало свою деятельность на негласности, на том, что на языке западных разведок обозначается как принцип выдачи информации лишь тем, кому она положена. Перед 1914 г. Россия была единственной европейской страной с обязательными паспортами и визами, а цензура там была куда строже, чем в большинстве стран — по крайней мере до 1905 г. Но в сравнении с контролем и ограничениями сталинской эры царская Россия выглядит почти что как общество вседозволенности, и даже при ослаблении всеобщего контроля в послесталинские времена советская цензура оставалась гораздо более строгой чем до 1917 г. Телефонный справочник был засекреченным документом, а подробные карты советских городов либо не существовали, либо преднамеренно искажались. По словам главного картографа Советского Союза, на этих картах почти все было искажено; дороги и реки были сдвинуты, городские кварталы смещены, улицы и здания указаны неверно — например, на туристской карте Москвы лишь общие контуры столицы были более или менее верными. Базисная статистика, которая во всех развитых странах публикуется регулярно, в Советском Союзе или была засекречена, или фальсифицировалась. Это относится не только к сведениям, могущим иметь военное значение, но ко всей информации, включая, скажем, производство основных потребительских товаров или показатель самоубийств.

Важнейшим достижением гласности была, вероятно, демонополизация информации. При видимой скромности этого изменения оно произвело подлинную революцию в советской жизни. Дальше всего гласность распространилась на самом верху, т.е. в столице государства и в центральных средствах массовой информации. По словам одного советско-

го свидетеля, гласность гораздо слабее на республиканском уровне, скажем, в Киеве или в Ташкенте, а за пределами больших городов она едва ощутима...

Но зачем вообще понадобилась гласность? Частичное раскрытие советской системы произошло не ради ублажения зарубежных критиков, а потому, что всеохватывающая секретность причиняла больше вреда самому Советскому Союзу. Она затрудняла экономические и научно-технические нововведения, в высшей степени осложняла экономическое и социальное планирование. Откровения в духе гласности, конечно, не были полным разрывом с прошлым, поскольку условия жизни в стране с почти 300 млн. населения невозможно было хранить в полном секрете, даже если половина ее территории оставалась закрытой для иностранцев. Задолго до Горбачева многие внимательные зарубежные посетители видели серьезность алкогольной проблемы, хотя ее масштабы не были известны. Так же обстояло дело с другими социальными бедствиями. Еще пример того же рода — публикация романов и пьес, изображавших широкое распространение коррупции. Экологические дискуссии также предшествовали гласности, например, споры о повороте сибирских рек на юг. Но были темы, запретность которых понимали все. Однако даже если о каких-то общественных бедах нельзя было упоминать в печати, по радио или по телевидению, миллионы людей все-таки знали, что общее состояние дел оставляет желать лучшего и что не терпящие отлагательства проблемы нередко попадали под сукно. Происходили и открытые обсуждения, по крайней мере, в узком кругу. Однако общее впечатление все-таки сводилось к тому, что хотя огорчительные недостатки существуют, они скорее исключение, чем правило, и власть имущие энергично стремятся их устранить.

Гласность изменила ситуацию: многие внезапно осознали, что мнения, которые раньше доверялись лишь друзьям, разделяют очень и очень многие. Это относилось к образованию; экологическим проблемам; сельскому хозяйству и деревенской жизни в целом; к преступности, наркотикам,

абортам и проституции; к миллионам, живущим за чертой бедности; к состоянию советской литературы, искусства, средств массовой информации; даже к состоянию науки. Стало общепризнанным плохое функционирование большинства общественных служб. Возможно, еще важнее было признание, что страна в целом уже давно впала в кислое настроение, многие стали жесткими, циничными и эгоистичными, чрезмерно заинтересованы в обретении и сохранении материальных благ. Идеализм былых времен испарился, и крик отчаяния, который в форме вопроса "Что с нами стало?", вырвавшегося у известного русского прозаика Василия Шуккина в начале 1970-х годов, внезапно оказался у всех на устах: почему люди в массе столь угрюмы, столь полны недовольства?

Обо всемэтом и о многом другом начались широкие дебаты — сперва в центральной прессе, а затем, хоть и в более осторожной манере — и за пределами Москвы. Однако даже при гласности многие пласты общественной жизни были лишь частично открыты для общественного обсуждения, а некоторые остались в зоне молчания. Серая зона включала политические дискуссии на самом верху и принимаемые там решения, социальные различия между обычными людьми и номенклатурой, а также недавнюю историю Советского Союза.

В истории каждого народа есть события и эпохи, за которые он переживает стыд, но в других странах предпринимают упорные попытки открыто проанализировать и понять совершенные в прошлом ошибки. В Советском Союзе даже после смерти Сталина царил страх перед вскрытием исторической правды и разоблачением сталинского наследия. Лишь однажды при Хрущеве была сделана половинчатая попытка приподнять завесу молчания. После падения Хрущева реабилитирован был Сталин, а не его жертвы. С тех пор уже выросли новые поколения, и бремя прошлого могло бы стать намного легче, но этого не случилось. Ведь число жертв сталинского режима исчислялось в миллионах, и у их детей не было причин все это простить и забыть. Но подлинной проблемой был не сам диктатор, уже мертвый, а сталинизм, который в своей

институционализированной форме по-прежнему пронизывал поры советской политической и общественной жизни.

Конечно, в каких-то группах населения сохранилось неподдельное моральное отвращение к господствовавшей в течение почти семи десятилетий официальной лжи. По словам одного из ведущих советских историков Юрия Афанасьева, ни в какой другой стране история не была так фальсифицирована. Но противостоящие разрыву с прошлым силы сохраняли свои позиции, и совсем не потому, что историки в своем большинстве сопротивлялись серьезной ревизии. Радикальный пересмотр советской истории показал бы, что окончательный ее баланс является негативным — по крайней мере, начиная со смерти Ленина. Такой вывод, разумеется, был совершенно неприемлем для партийного руководства. Это поставило бы под вопрос фундаментальные основы коммунизма, учение Маркса и Ленина. Отсюда предостережения ряда членов Политбюро, включая Горбачева, не заходить в пересмотре прошлого слишком далеко.

В итоге возникла искусно сбалансированная картина советского прошлого, в которой сочетались великие достижения социализма, с одной стороны, и раскрытие преступлений "отклонений от нормы", — с другой. Охранители идеологической чистоты предупреждали, что "односторонний подход" привел бы к непредсказуемым последствиям, так как подрывал веру масс в партию, в ее руководство, в коммунизм.

Хотя раздражение против номенклатурных привилегий распространено очень широко, поначалу оно не было столь острым, как можно было ожидать. Значительные слои населения пришли к убеждению, что существенные различия в условиях жизни останутся даже при коммунизме и что в высших классах дети в какой-то мере будут наследовать некоторые привилегии родителей или, как минимум, получать определенные преимущества в начале жизненного пути. Но когда снабжение ухудшилось и очереди удлинились, жалобы обострились. Хотя в 1986-1987 гг. фронтальная атака на

привилегии была отбита, все же пришлось принять меры для какой-то замаскировки дефектов системы, в частности, кое-где были закрыты спецраспределители, обслуживавшие номенклатуру. Это, без сомнения, помогло разрядить потенциально опасную ситуацию.

Куда труднее оказалось справиться с начавшейся при гласности активизацией национального сознания. Конечно, межнациональная напряженность существовала в той же степени и до гласности, подавлялись только ее внешние проявления. Кроме того, при Брежневе применялся модифицированный вариант Австро-Венгерской и Османской имперской систем. Произошла кооптация ведущих представителей нерусских национальностей в руководство как на самом верху, так и на региональном уровне, чтобы обеспечить их участие в управлении системой. Среди этих руководителей нередко встречались сомнительные личности, открыто практиковавшие nepотизм и коррупцию в крупном масштабе, особенно на Кавказе и в Средней Азии. Однако в возможных для нее пределах система работала. Органы внутренних дел и различные контролирующие учреждения в Москве имели указание игнорировать преступления местных мафиози, а те поддерживали в своих республиках порядок. Конечно, это скандальное положение дел вызывало какое-то сопротивление, но местное начальство без труда заглушало критику.

К тому же местное население было снисходительно к своим начальникам. Было хорошо известно, что они негодяи, но это были свои негодяи. Это напоминало состояние дел в некоторых странах третьего мира после деколонизации: заморским правителям не было бы прощения за то, что сходило с рук сменившим их представителям местной элиты. Все это стало меняться благодаря гласности. Когда обнаружилось истинное положение дел, были сделаны попытки реформ, болезненно отозвавшиеся на должностных лицах. В Москве росла убежденность, что в Средней Азии центральное руководство может полагаться лишь на очень немногих местных коммунистов.

Иная ситуация создалась на Кавказе и в Прибалтике. В Армении враждебность местного населения была направлена не столько против русских, сколько против собственных соседей и старых недругов. В балтийских республиках коррупция и раньше не была серьезной проблемой, но здесь накопилось сильнейшее недовольство против мигрантов из России и страх, что местное население растворится среди пришельцев и лишится национальной самобытности. Некоторые даже сравнивали миграцию из России с чернобыльской катастрофой. В Средней Азии жизненные условия были хуже российских, но в небольших прибалтийских республиках они были заметно лучше. Тем не менее эти республики жаловались на "колониальную эксплуатацию" со стороны центра — они утверждали, что платят Москве, ничего не получая взамен...

Оставались секторы общественной жизни, вообще едва затронутые гласностью. Споры в высшем партийном руководстве были известны лишь в очень общем и приблизительном изложении... Имелись еще два института, оберегаемые от общественного обследования: вооруженные силы и КГБ. Правда, они присягнули на верность перестройке, хотя наблюдатель со стороны без труда убеждался, что не так-то много реформ было в них проведено. Произошли изменения в составе военного руководства, но они, вероятно, были бы произведены в любом случае. Что касается органов государственной безопасности, то они продемонстрировали замечательную преемственность руководства — здесь тоже произошли перемены, но на домашнем уровне. Армию критиковали за плохое обращение с новобранцами, но эти жалобы были направлены против младших командиров, а не против высшего командования. Время от времени оспаривалась и мудрость большой советской стратегии — задавались, например, вопросы, зачем было разворачивать ракеты типа СС-20 лишь для того, чтобы позднее их демонтировать? Или почему Советский Союз был вовлечен в гонку вооружений, которую он не мог себе позволить?

Это привело к спорам относительно стратегической "достаточности" как чего-то отличного от военного превосходства, составлявшего главную цель советских стратегов

с конца второй мировой войны. В этих дискуссиях стратеги противостояли гражданским экспертам, причем именно последние имели поддержку политического руководства страны, испытывавшего трудности из-за жестких пределов ее экономических возможностей. Новые командующие вооруженных сил подчеркивали необходимость реформ и "нового мышления", но при этом больше имели в виду модернизацию армии, нежели модификацию ее базисной стратегии.

У военных не было особого желания резко сокращать расходы на оборону; точно так же они не проявляли готовности обнародовать детали оборонного бюджета. Военное руководство приняло участие в политических дебатах, нападая на "пацифистствующих" интеллигентов и сетуя по поводу недостатка патриотизма у молодого поколения. Некоторые ученые выступили с утверждениями, что советская наука сильно страдает из-за того, что студенты были вынуждены отдавать военной службе свои самые творческие годы. Эта аргументация вызывала сильное недовольство представителей армии. Они оказывали открытую поддержку группам русских националистов, которые в 1986-1989 гг. возникли как внутри истеблишмента, так и вне его. Политическому руководству не уставали завуалированно напоминать, что Хрущева свергли отчасти потому, что он потерял доверие вооруженных сил из-за сокращений военного бюджета, вследствие чего сотни тысяч офицеров были вынуждены выйти в отставку.

КГБ выглядел более прореформистски настроенным, нежели вооруженные силы; без сомнения, там лучше понимали важность общественного мнения. Зарубежные операции КГБ привели его к осознанию относительной слабости Советского Союза по сравнению с другими промышленно развитыми странами, а деятельность внутри страны дала более реалистическое представление о внутренних неурядицах. Но КГБ проявил коллективное институциональное стремление не уступать ни одной из своих общественных и политических функций. Советский Союз стоит перед огромными трудностями и дома, и за рубежом — следовательно,

органы государственной безопасности сохраняют чрезвычайную важность. Нужно ли проводить какую-либо реорганизацию, например, следует ли разделить на организационном уровне внутренние и зарубежные операции? Это, в конце концов, был не более чем технический вопрос. Есть основания считать, что КГБ способствовал назначению Горбачева на пост генерального секретаря и поддерживал его в первые годы на этом посту. Однако Виктор Чебриков в своих выступлениях в 1987 г., будучи руководителем КГБ, ясно давал понять, что гласность зашла слишком далеко, что интеллигенты относятся ко всему слишком негативно и что если не держать национальности СССР под строгим контролем, они могут создать серьезные трудности.

Несколько сотрудников КГБ попали под обстрел за превышение власти или злоупотребление ею. Так случилось, например, на Украине: кого-то из них понизили в должности, но сама организация была ограждена от нападков. Неизменно подчеркивалось, что КГБ не несет никакой ответственности за преступления своих предшественников — ГПУ и НКВД — в 1930-е и 1940-е годы, что Комитет госбезопасности не повинен в утверждении культа секретности, пронизавшего все поры советского общества. Делались усилия по рекламированию открытости работы КГБ, но это были половинчатые дилетантские попытки. Организованные самим КГБ "разоблачения" его прошлых дел не шли дальше уже известного, и к тому же зачастую при этом сообщались ложные или дезориентирующие сведения. Определенные уступки гласности были лишь косметическими или же относились к мало важным вопросам. В этой сфере не произошло никаких серьезных перемен, да их и не могло быть, если принять во внимание характер режима. Существование гласности и органов государственной безопасности не могло быть простым делом. В течение десятилетий КГБ находился под строгим контролем партийного руководства. Однако оно потеряло былое единство, в результате чего может измениться и положение КГБ. Решающий вопрос состоит не в том, произойдет ли либерализация или демократизация КГБ, а в том, какова его вероятная политическая роль в противоборстве разных групп внутри партийного руководства.

Роберт С. Такер

КАКОЕ ВРЕМЯ ПОКАЗЫВАЮТ СЕЙЧАС ЧАСЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ?

Существует множество различий между тем, как события советской истории описываются западной советологией и официальными советскими источниками. Стандартные советские тексты (которые сейчас пересматриваются) повествуют о строительстве "социализма", а затем "развитого социализма" как этапах на пути к достижению полного "коммунизма", представляя это движение в качестве самой сути и драмы советской эры, в то время как западная советология в большинстве случаев трактует то, что возникло при Ленине и Сталине, как "коммунистический тоталитаризм".

Эти противоположные точки зрения, однако, покоятся на одной общей предпосылке — а именно, что Октябрьская революция 1917 г., в ходе которой власть перешла в руки Ленина и его большевистских соратников, знаменовала фундаментальный разрыв с предшествовавшей русской историей, за исключением только лишь истории русских революционных движений, одним из которых был большевизм. Будучи многолетним противником этой концепции, я считаю, что возврат к русскому прошлому имел место как раз после 1917 г., что при Ленине и Сталине на свет появилось нечто вроде неоцаристского порядка, называвшего себя "социализмом", и, следовательно, что нынешние события в Советском Союзе нельзя сколько-нибудь глубоко понять, не принимая в рассмотрение всю историю России.

Если в советской истории имел место возврат к русскому прошлому, это означает, что возродились, хотя и под новыми именами, русские исторические образцы и шаблоны более ранних времен, культурные и институциональные. Такое понимание этих новаций — нелегкая задача для людей, не обладающих глубоким чувством русской истории, как не обладают многие носители образованности советского типа и многие западные советологи.

Не принимая общепринятой позиции, я вовсе не стремлюсь отмахнуться как от чего-то устаревшего от классических достижений нашей советологии, например, "Как управляется Россия" Мерля Файнсода, "Коммунистическая партия Советского Союза" Леонарда Шапиро и "Политика тоталитаризма" Джона Армстронга. Эти и другие тематически более узкие исследования по советской истории выдержали проверку временем. Более того, лежащая в основе этой истории тоталитарная парадигма не помешала Файнсоду глубоко исследовать царистский период русской истории и в итоге заявить, что и советская версия послеоктябрьской истории является до какой-то степени полезной. Цель разделяемого мной исторического подхода состоит в том, чтобы перейти этот рубеж и двинуться дальше.

Как же вести эту дискуссию? Один из возможных путей — обратиться к идеям нынешних компетентных советских исследователей. Дело в том, что развитие гласности позволило им к середине 1990 г. почти полностью свободно высказываться в печати о связи советского периода с русским прошлым. Поскольку речь идет об их собственной истории и культуре, можно рассчитывать найти, и мы, действительно, находим, немало интересного и ценного в их высказываниях.

Как можно было ожидать, в своих взглядах на этот предмет они отнюдь не едины. Некоторые продолжают настаивать на отсутствии преемственности между советским периодом и предшествовавшей ему русской историей, хотя теперь они трактуют этот разрыв с антисоветских позиций. Так, художник Илья Глазунов утверждает, что между старой Россией,

основанной на православии, самодержавии и народности, и Советским Союзом с его атеизмом, интернационализмом и диктатурой пролетариата лежит "пропасть".¹

Философ Александр Ципко рассматривает советский период как историческую лауну, пробел в истории. Он полагает самообманом относить российскую современность к XX веку. Быть может, история произвела над этой страной некий эксперимент, заморозив мозги, мысли и чувства людей, вынудив их блуждать по миру как во сне, совершать массу глупостей, убивать друг друга, не останавливаясь ни перед какими зверствами. Отсюда вывод: нынешняя задача России — "вернуться в движение исторического времени".² Сегодня некоторые сограждане Ципко выходят на митинги с плакатами, на которых написано: "Семьдесят лет по дороге в никуда".

Однако среди советских интеллектуалов больше распространена иная точка зрения, что в прошедшие семьдесят лет, наполненные ужасными трагедиями, были пройдены перекрестки дорог, по которым некогда уже двигалась русская история. Для выражения идеи, что история в советское время развивалась в обратном направлении, что коммунистическая партия-государство обусловила возвращение царского по своему типу абсолютизма и централизованного бюрократического этатизма, некоторые советские историки используют термин "феодализм". По словам Александра Яковлева, "социализм в стране действительно не построен. У нас — ведомственный феодализм"³. Редактор "Литературной газеты" Федор Бурлацкий называет советскую систему "фео-дальным социализмом"⁴ и режиссер Марк Захаров говорит о "нашем феодально-патриархальном образе жизни"⁵. А историк Мерцалов пишет о "феодальных традициях" в советской Академии наук, называя полностью бюрократизированное Отделение истории административным эшелонном по делам исторической науки⁶.

По этой версии, возрождение российского наследия началось на самой заре советской власти. Национализация ресурсов страны превратила их в государственную соб-

ственность, что привело к возрождению исторически сложившегося русского этатизма. Насильственное удержание великого множества расположенных по периферии Российской империи территорий, населенных нерусскими нациями, означало фактическое возвращение империи под именем "Союза Советских Социалистических Республик"⁷. Что бы ни говорилось о "советской власти" как детище Октябрьской революции, то, что появилось на свет *на самом деле*, было начавшейся с Ленина новой династией, царствующей под другим названием.

Юрий Феофанов полагает, что "советская власть с первых же дней явила свой самодержавный и абсолютистский характер, но под иными лозунгами... Отвергнув разделение трех властей как «буржуазный принцип», родная наша власть все подмяла под себя"⁸. Феофанов цитирует нового мэра Ленинграда и бывшего профессора Анатолия Собчака, согласно которому "в России в течение всего советского периода истории, как и на протяжении прежних столетий управляли не законы, а люди". Так было, утверждает Феофанов, начиная с Ленина, при Сталине, Хрущеве и Брежневле вплоть до Горбачева. И это верховенство "первых персон" государства над законами и институциями простирается в прошлое через пласты русской истории. Земские соборы XVI и XVII столетий меньше походили на настоящие парламенты, чем на съезды КПСС, так как просто-напросто освящали волю повелителя. Таким образом, перестройку начала отнюдь не партия, даже не ее аппарат, даже не узкая группа прогрессивных партийцев. Ее начал Горбачев⁹

Объявленной целью перестройки было уничтожение "административно-командной системы", унаследованной от сталинских времен. Писатель Анатолий Ананьев утверждает, что прототип этой системы зародился во второй половине XVI века при "страшном" царе Иване Грозном. "Но что такое административно-командная система, этот бич нашей жизни?" - спрашивает он, и заявляет, что "в основе административно-командной системы лежит такая ситуация, когда народ оказался отчужденным от государства. Начало этому

положил именно Иван Грозный".¹⁰

Яков Гордин обнаруживает в советском строе исторические черты, восходящие ко времени Петра I, к началу XVIII столетия, а также к "железному царю" Николаю I (1825-1855 гг.) Он не разделяет широко распространенного мнения, что 1917 год обозначил сильнейший разрыв в истории; то, что называют советским периодом, было в своих особенностях и в своей сути реставрацией государственных принципов, на которых держалось управление от Петра I до Николая I, принципов, которым пришлось потесниться в период великих реформ и реформ 1905 г.¹¹ Одним из таких принципов было крепостное право. Оно господствовало с XVI-XVII столетий вплоть до реформ 1860-х годов, начавшихся с освобождения крепостных крестьян.

При крепостном праве крестьяне облагались повинностями в пользу землевладельцев — либо в форме отработок (барщина), либо в форме продуктовых труда (оброк). Эта система вновь возникла в результате коллективизации деревни в 1929-1933 гг. Согласно заместителю председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству К. Любченко, "мы вернулись к тому, что было до 1861 г., т.е. к крепостничеству вплоть до такой степени, как приписка крестьян к земле"¹². Специалист по экономике сельского хозяйства академик Владимир Тихонов пишет о "крепостном праве" в советской деревне и описывает нынешних хозяев и защитников этой системы, таких как В. Стародубцев из самозванного Крестьянского союза, как крепостников и царьков.¹³

Подверглась порабощению и культурная жизнь. По словам Юрия Буртина, коллективизированная деревня, в отличие от крепостной деревни, где существовала либо барщина, либо оброк, должна была нести двойное бремя и того и другого; так же и литература должна была проходить через многоуровневую предварительную цензуру и затем еще через карательную цензуру¹⁴. Театральный режиссер Олег Ефремов говорит, что "вслед за ударной волной коллективизации...были произведены более мелкие набеги, нацеленные на полное

и тотальное огосударствление и закрепощение духовной жизни страны...Создавали и создали государство для чиновников. Мы стоим на пороге отмены крепостного театрального права, сложившегося в недрах сталинского режима, в котором театральная система была маленькой, но составной частью общего устройства".¹⁵

Краеугольным камнем царской административно-командной системы, возродившимся под новым именем в советское время, является иерархия высшего чиновничества. В 1722 г. царь Петр I учредил Табель о рангах, установивший иерархию четырнадцати военных и соответствующих им гражданских званий и превратил службу самодержавному государству в столбовую дорожку к получению дворянства. Начав с низшей ступеньки служебной лестницы, офицер или гражданский чиновник мог по достижении установленного уровня получить личное, а затем и наследственное дворянство (для получения наследственного дворянства требовался чин не ниже четвертого класса). Табель о рангах породил аристократию чинов и организовал правящую элиту царизма как корпус одетых в военную форму и вицмундиры обладателей различных служебных званий. Такая же система вновь выстроилась при советской власти под именем номенклатуры — с тем лишь различием, что она охватывала куда большее количество людей и не была столь же общеизвестной, как Табель о рангах в царские времена. Номенклатура представляет собой систему контролируемых партией высших партийных и государственных должностей и назначения на них. В советской печати сообщается, что в 1920-е годы подручные Сталина обращались к дореволюционным архивам. Они изучали хранившиеся там послужные списки в поисках деталей организации номенклатуры, прообразом которой был класс высших чиновников, в период царизма охватывавший четыре первых разряда Табеля о рангах, — назначения на эти должности утверждал лично царь.¹⁶

Кое-кто из иностранцев, живших в Москве, вполне осознавал, как история описала полный круг, и темные послевоенные годы сталинского режима стали напоминать

репрессивные 1830-е и 1840-е годы правления Николая I. Как-то в 1948 г. я отыскал в одном из московских букинистических магазинов старое русское издание книги маркиза де Кюстина "Россия в 1839 г.". Она была выпущена в 1930 г. Обществом политкаторжан, распущенным Сталиным в 1935 г. Кюстин, отнюдь не сторонник Французской революции, в 1839 г. приехал в Россию в качестве, так сказать, монархического попутчика и был любезно принят в замкнутом кругу петербургской придворной знати, подобно тому как другой попутчик Андре Жид был принят в сталинской Москве в конце 1930-х годов. Хотя Кюстин провел в России лишь четыре месяца, состоя под строгим наблюдением, он, как и Жид впоследствии, увидел достаточно, чтобы избавиться от любых иллюзий. В своей книге, написанной в форме писем домой во Францию, он пришел к выводу, что Россия — не цивилизованная монархия, как он считал раньше, а настоящая тирания, рабское государство с поддерживаемым чиновничеством монархическим культом. Российская империя, согласно одному из его типичных высказываний, "это огромный театральный зал, в котором из всех лож следят лишь за тем, что происходит за кулисами", а о царе он писал, что "нет в наши дни на земле человека, который пользовался бы столь же неограниченной властью"; о чинах, что это "военный режим, примененный к обществу в целом"; о способе правления, что это "абсолютная монархия, умеряемая убийством"¹⁷.

В Западной Европе книга выдержала множество изданий, но ее публикация в России была запрещена цензурой. Однако некоторые образованные русские читали ее по-французски, и один из них — диссидент того времени Александр Герцен, назвал ее самой занимательной и умной книгой о России, написанной иностранцем. Русские же высшие слои были возмущены. По тайному соглашению с графом Бенкендорфом, главой Третьего отделения императорской канцелярии, русской секретной полиции того времени, полуофициальный публицист Н.И.Греч написал по-французски для распространения за границей антикюстиновский трактат. Описанная Кюстином николаевская Россия столь

удивительным образом напоминала в некоторых своих чертах тот сталинизм, который мы, иностранцы, наблюдали в 1948 г., что его книга казалась нам "Путешествием по нашему времени", как она была озаглавлена в английском переводе, выполненном женой тогдашнего заместителя руководителя американского представительства в Москве Фоя Колера Филлис Колер и опубликованном в Америке в 1953 г. В предисловии к этому изданию наш посол в Москве в 1946-1949 гг. Уолтер Беделл Смит писал, что он мог бы выбрать из этого путевого журнала множество страниц и, после замены имен и дат столетней давности на современные, послать их в Государственный департамент в качестве своего официального отчета¹⁸.

Советский николаевский период продолжался от последних лет жизни Сталина вплоть до окончания неосталинского брежневского правления. Эти черты прошедших лет проступают в опубликованных в 1990 г. воспоминаниях кинорежиссера Эльдара Рязанова. В 1978 г. он вместе со своим коллегой Григорией Гориним начал делать фильм, которому они дали название "О бедном гусаре замолвите слово". Их целью было с помощью кинематографических намеков рассказать о сталинском терроре, но сделать это в фильме, повествующем о временах Железного Царя, когда облаченные в голубые мундиры жандармы из Третьего отделения шпионили за русским обществом и тиранствовали над ним, делая крайне трудной жизнь даже великого поэта Лермонтова. Советское министерство кино — Госкино — отвергло сценарий картины и обошлось с его авторами в обычной крепостнической манере. Однако министерство телевидения — Гостелерадио, действуя, как это принято у бюрократов, в пику Госкино, решило осуществить этот проект. После этого, пишет Рязанов, начался процесс цензурной полировки, который "ветвистую сосну обрабатывает до превращения в телеграфный столб". Наконец, Рязанову и Горину сказали, что их сценарий уделяет слишком много внимания Третьему отделению и рисует его в чересчур мрачных тонах. По этому поводу Рязанов замечает: "Господи! Думал ли Бенкендорф, что через сто с лишним лет его честь будут защищать коммунист-

ты, руководители советского телевидения! Конечно, забота о Третьем отделении была понятна: руководители «Экрана» до смерти боялись опорочить ведомство, расположенное на площади Дзержинского. Они не понимали, что, ставя знак равенства между Третьим отделением и нынешней госбезопасностью, выдавали себя с головой. В своих мыслях они отождествляли эти две организации и стремились, обеляя николаевскую жандармерию, вступить тем самым за КГБ".

Впоследствии авторы фильма были поставлены перед необходимостью отказаться от сцены, в которой герой перед казнью читает классическое лермонтовское четверостишие:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Большой начальник из Гостелерадио объяснил, что стихов не надо. Во всяком случае, этих. Рязанов прервал его: "Но это же Лермонтов! Это классика! Мы эти стихи в третьем классе проходили". "Ничего не надо, — ответил чиновник. — И сами понимаете, почему". Такой была царистская Советская Россия 1980 г. — страна, где был наложен запрет на лермонтовские строки "Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ". Рязанов говорит, что показанная в конечном итоге в те дни кастрированная версия задуманного ими фильма была обвинением "против всего того, на чем держалась и держится российская социальная система. Ибо мы — верные и последовательные наследники всего плохого, что было у царизма"¹⁹.

На смену Николаю I пришел Александр II. Его Великие реформы, начавшиеся от отмены крепостного права, принесли ему титул "царя-освободителя". Этот царь-реформатор тоже был, однако, трагической фигурой. В 1881 г. он был разорван на куски бомбой, брошенной революционными экстремистами из группы, называвшей себя "Народная воля".

Это произошло в день, когда император подписал проект первой русской конституции. Затем последовало реакционное правление Александра III.

Если советский николаевский период продолжался вплоть до начала 1980-х годов, то в 1985 г., с точки зрения многих русских, произошло пришествие царя-освободителя в лице Михаила Горбачева. Ибо не был ли его предшественник, Александр II, тем человеком, который впервые в России объявил в 1861 г. гласность?²⁰

Это проливает свет на такое примечательное явление как кристальный позитивный интерес к царям и царизму, который проявляют сегодня русские. Николая II, казненного вместе с семьей в 1918 г., сейчас многие оплакивают как мученика. Пьеса Мережковского "Павел I", написанная по следам революции 1905 г., собирает в Москве полные залы и возбуждает к этому отнюдь не реформистски настроенному царю определенную симпатию. В новом сезоне в московских театрах объявлены спектакли об Иване Грозном, царе Федоре, Борисе Годунове, Петре I, Екатерине II и Николае II²¹. Опера Глинки, возвращенная к жизни при Сталине под именем "Иван Сусанин", сейчас исполняется в Большом театре под старым названием "Жизнь за царя". Что все это означает? Несомненно, многое. Театральный критик Андрей Караулов, комментируя одну из нынешних постановок на царскую тему, утверждает, что зрителей занимает главным образом параллель с нынешним царем-реформатором — Горбачевым²².

Новый царь-реформатор объявил о необходимости перестройки, глубинной реформации советской политической культуры. Но он не смог осуществить этот план лишь собственными усилиями. Успех в разрушении административно-командной системы и создании на ее месте чего-то нового зависел от способности и готовности общества принять новые способы мышления и действия, равно как и от склонности все еще пользующейся привилегиями и могуществом правящей элиты поощрять эти иновации или хотя бы не сопротивляться им. Поэтому события конца 1980-х

Годов допускают, согласно историку Сироткину, сравнение с реформами 1860-1870-х годов царя Александра II. Тогда произошел раскол внутри царской номенклатуры: между ее реформаторами, поддержавшими перестройку Александра II, и выступавшими против нее консерваторами. Нечто подобное произошло и теперь в советской номенклатуре. Консерваторы былых времен возражали против любых разговоров о конституции и парламенте, а нынешние настроены против обсуждения возможности допустить в стране частную собственность.²³

Сейчас, на шестом году второй советской перестройки (первой, как считает другой советский историк, была ленинская Новая Экономическая Политика²⁴) в деревне все еще доминируют "крепостники" и она пока что ждет освобождения от остатков сталинского крепостного права²⁵. Газета "Известия", один из рупоров нынешнего реформизма, вызывает в памяти конец XIX века с помощью громких заголовков вроде "Дать крестьянину землю и волю"²⁶. Писатель Борис Михайлов призывает интеллигенцию "идти в народ"²⁷. Новые западники отбивают атаки новых славянофилов различной окраски. Претендующий на лидерство в славянофильском движении житель штата Вермонт (США) Александр Солженицын в длинном послании, появившемся в советской печати в 26 млн. экземпляров, указывает Матери России, как ей привести в порядок рушащийся дом. Владимир Лакшин публикует в "Известиях" большое интервью с великим русским сатириком прошлого столетия Салтыковым-Щедриним. В этом интервью поставлены многие болезненные проблемы современной советской жизни, а ответы построены исключительно на цитатах из щедринских текстов с критикой порядков царской России.²⁸

Советский неоцаристский строй уже почти не функционирует, но на смену ему еще не пришли или только лишь начинают приходить новые работоспособные политические и экономические структуры. Эта ситуация напомнила одному советскому писателю о сделанном более ста лет назад замечании Герцена о России, расставшейся со старой кожей,

но не успевшей обрести новую. Очевидно, что советская эра подходит к концу, но постсоветская культура лишь нарождается. Это подводит к вопросу: какое время показывают сейчас часы заключительного цикла советской истории? Из рассмотренных выше мнений вытекают два ответа, которые на самом деле являются двумя версиями одного и того же утверждения.

Согласно первой версии, Россия сейчас приближается к новому Смутному времени, сравнимому с поразившим Московию в 1598-1613 гг. После смерти Ивана Грозного фактическим правителем при его сыне царе Федоре стал влиятельный придворный Борис Годунов, который был избран на царский трон в 1598 г. За голодом и чумой 1601-1602 гг. последовали смерть Бориса, политические волнения, крушение государственного порядка, череда претендентов на русский престол, гражданская война и польская интервенция. Лишь в 1613 г., после избрания царем Михаила Романа, при новой династии в России восстановился порядок.

По мере усиления экономического и политического хаоса и распада восстановленной в советское время российской империи, современные авторы все чаще описывают новые времена как новую смуту или ее начало. Профессор Ленинградского университета Руслан Скрынников выступил в июле прошлого года в Англии, в Харрогейте, на Всемирном конгрессе по изучению СССР и Восточной Европы с докладом о Смутном времени XVI-XVII веков. При обсуждении доклада он сказал, что аудитория его публичных лекций в Ленинграде, посвященных тому времени, заметно выросла в последнее время. На вопрос о причинах этого он ответил, что у людей появилось "предсмутное чувство".

Вячеслав Костиков идет еще дальше. Он пишет, что в истории России было несколько трудных периодов. Как он предполагает, глубинная причина этого — во всевластии государства, умертвляющего общество, подавляющего гласность и превращающего граждан в рабов, которыми легко управлять. Так было во времена Ивана Грозного. Пришедший

ему на смену разумный правитель в лице Бориса Годунова оказался не в состоянии предотвратить крушение в начале XVII в. Как заключает Костиков, трагедия русской истории лежит в том, что трудные времена наступают после смерти диктаторов — так обстояло дело с Иваном Грозным, то же самое произошло и после Сталина²⁹. Весьма тревожащие выводы, подразумевающиеся в этой статье, были вполне очевидны для советских читателей, когда она появилась на свет в августе 1990 г.

Согласно другому варианту ответа на поставленный выше вопрос, страна сейчас находится в начале XX столетия. Сторонники этой точки зрения указывают на период после Октябрьского манифеста Николая II (1905 г.), когда была создана Государственная Дума в качестве российского парламента и возникли легальные политические партии. Аналогично, и сегодня на свет родился полувыборный парламент — Съезд народных депутатов и его Верховный Совет; нарождаются и небольшие партии — социал-демократов, конституционных демократов, российских демократов, анархо-синдикалистов и монархистов. Но демократические движения прошлых и нынешних времен имеют и другую, зловещую параллель — подъем и тогда, и сейчас архинационалистических, антисемитских движений радикального правого толка. Прежде это был Союз русского народа, получивший поддержку от самого Николая II. Лозунг Союза "Бей жидов, спасай Россию!" нашел исполнителей среди хулиганствующих молодчиков из черных сотен, устраивавших в 1905-1907 гг. еврейские погромы³⁰. В наши дни один из главных факторов, стимулирующих крупномасштабную эмиграцию советских евреев, — угроза погромов со стороны фашиствующего общества "Память", пользующегося поддержкой кое-кого из видных русских литераторов националистической ориентации.

Петр Столыпин, царский премьер-министр, начавший в 1906 г. реформу общинного землевладения и превращения крестьян в фермеров, сегодня стал предметом благожелательного интереса советских сторонников подобной же

реформы, которая позволила бы советским земледельцам расстаться с колхозами и начать хозяйствовать на земле в качестве ее самостоятельных собственников. Советский профессор-правовед рассматривает в этой связи дискуссии, имевшие место на партийном съезде русских марксистов в Стокгольме в 1906 г., и находит их в высшей степени актуальными. Тогда Ленин и Плеханов резко разошлись во мнениях по земельному вопросу. Ленин хотел внести в программу пункт о национализации земли. Плеханов возражал против этого, предупреждая, что национализация приведет к централизации и бюрократизации. Его план состоял в том, чтобы дать крестьянам право собственности на их наделы, а помещичьи имения передать местным властям, которые сдавали бы их крестьянам в аренду. Как считает ныне профессор, прав был Плеханов³¹. — Итак, Ленин выходит из моды.

Второй вариант ответа на наш заключительный вопрос, — что советский период достиг своего 1917 г. Историк Павел Волобуев пишет, что ситуация осени 1990 г. во многих отношениях на удивление похожа на время между февралем и октябрём 1917 г. Сейчас, как и тогда, страна находится в состоянии всеобщего кризиса. Системный кризис тех лет был итогом столетий царского абсолютизма; нынешний порожден еще более жестокой административно-командной системой. Тогда, как и теперь, страна переживала бурную демократизацию, причем во главе и тогда и теперь шли Петроград и Москва. И в те времена, и сегодня достигала пика митинговая демократия со всеми ее жаркими страстями. Тогда, как и сегодня, возникли все разновидности политических партий, политизированные общественные силы резко поляризовались, лишая реформистов (которых сегодня называют "центристами") надежды достичь национального примирения. Тогда некоторые увлекшиеся политикой генералы двигались к корниловскому восстанию, вымостившему дорогу к власти революционным экстремистам, а именно — большевикам; сегодня генералам тоже было бы лучше держаться подальше от политики. До 1917 г. в России никогда так не увлекались всяческими астрологами, чудодеями, пророками и психоцелителями — то же происходит и се-

годня. В те дни к ужасу консервативных сил страна двигалась влево — сегодня та же ситуация, но компартия выступает ныне в качестве главной консервативной силы³².

Нынешнее положение дел наводит философа Николая Михайлова на мысли о послефевральском периоде 1917 г. По его мнению, Февральская революция и приход к власти Временного правительства были перестройкой того времени или началом таковой. Проблема в том, способна ли послефевральская демократическая коалиция (иначе говоря, нынешние левые силы) сохранить популярность, смогут ли новые правящие структуры избежать повторения ошибок Временного правительства, и насколько реален сегодня или завтра неокорниловский военный переворот, т.е. можно ли избежать нового Октября? Михайлов поясняет, что октябрьский переворот стал платой за оппортунизм родоначальников февральской "перестройки", за их непоследовательность, за шатания справа налево и, наоборот, за боязнь радикальных реформ и действий³³.

Согласно этой схеме, режим Горбачева — это Временное правительство наших дней, перестройка — курс на эволюционное демократическое развитие страны. Опасность состоит в том, что нынешнее Временное правительство повторяет своего предшественника и тоже не сумеет твердо и последовательно проводить линию на радикальные системные перемены. В соответствии с этим ходом мысли, стране угрожает либо военный путч типа корниловского заговора 1917 г., либо новый Октябрь, иначе говоря — новый захват власти сегодняшними большевиками.

Но кто они, эти нынешние большевики? Это ультрарадикалы и экстремисты, возбужденные и нетерпимые люди, готовые биться за людское счастье до последнего человека. Их "генетический большевизм" проявляется в форме фанатичного антибольшевизма³⁴. Другой автор считает, что эти "генетические большевики" представлены в экстремистском Демократическом союзе. Печатный орган этой организации "Свободное слово" называет сегодняшних либералов и центристов "политическими проститутками". Это взято из ар-

сенала ненавидевшего либералов ультралевого большевика Ульянова-Ленина³⁵.

Как я уже отметил, два предложенных ответа на наш заключительный вопрос в действительности сводятся к одному. Революционный период начала века с такими его аксессуарами как свержение династии Романовых, распад империи, внутренний коллапс, беспорядки, гражданская война и иностранная интервенция, был новым Смутным временем. Но на Западе мало кто интерпретировал так тот период. Мы находились под влиянием, возможно чрезмерным, книги Крейна Бринтона "Анатомия революции", которая вышла в свет в 1938 г. Бринтон рассматривал Россию XX века как Англию XVII столетия и Америку с Францией— XVIII — в качестве парадигмально современной и, следовательно, модернизирующейся страны. Русские, пережившие революционные годы, придерживаются иного мнения — для них это было еще одним крушением России, еще одной сменой династии, еще одной смутой. Именно в этом духе высказывался в 1918 г. П.Б.Струве, и то же самое писал в своих дневниках 1917-1922 гг. Юрий Готье. Характерно, что Теренс Эммонс, издатель английского перевода дневников Готье, озаглавил их "Time of Troubles" — "Смутное время"³⁶. Американец Ларс Ли в своей новаторской книге "Хлеб и власть в России, 1914-1921 гг." признает за таким пониманием революционных лет парадигматическую значимость.

Если мы видим в революции второе Смутное время России, и, следовательно, в укреплении советского режима усматриваем возникновение новой династии (большевиков), то не приходится удивляться, что на наших глазах стал разворачиваться новый цикл русской истории и что сейчас стране угрожает новая смута. Такое прочтение советской истории имеет два преимущества с научной точки зрения. Продемонстрировав возникновение нового царизма там, где раньше видели, в какой-то степени иллюзорно, эпоху модернизации посредством урбанизации и промышленного развития, это прочтение может сделать нынешний системный коллапс более удобопонимаемым. Система, сейчас поч-

ти прекратившая функционирование, это система по преимуществу *архаичная*. Такой подход помогает осознать причины устойчивости не упраздненного еще полностью прежнего порядка. Дело в том, что система, которую мы беспечно называем коммунизмом, укоренена в России на протяжении столетий, и поэтому выкорчевать ее нелегко.

Из этого вытекает следующий вопрос: сможет ли Россия вырваться из этого цикла административно-командных систем и смутных времен? Наши современники в России, мыслящие исторически, тоже задают себе этот вопрос. Один из них отмечает, что если взглядеться пристальней, то будет очевидно, что все русские и советские перестройки всегда приходили только сверху, и потому с равной легкостью отменялись новым начальством. Встает главный вопрос: почему? Почему они никогда не приходили снизу, спрашивает автор, в любой другой форме, кроме как в качестве всеразрушающего урагана?³⁷

Здесь приходят на ум слова Виктора Ерофеева: "Может ли быть так, что эта шестая часть света имеет свои особые связи со временем и общественным развитием, так что в итоге застою и несчастья оказываются постоянным элементом не только режимов Брежнева и Николая I, но и всей русской национальной истории, движущейся по кругу? Если это так, то какое историческое болото, в конце концов, заглоти перестройку и все связанные с нею надежды? И как сможем мы разорвать этот дьявольский круг?"³⁸

Я не могу дать на это иного ответа, кроме того, что для достижения такого результата потребуются много времени и усилий, немало везения, а также, возможно, существенная помощь со стороны Соединенных Штатов, страны, которая предоставила России помощь по ленд-лизу во время Второй мировой войны и которая имеет не меньше причин желать ей преодолеть нынешние времена испытаний и прийти к победе демократии, чем в прошлом она желала для России военной победы.

Если фортуна улыбнется, нынешний монарх-реформист войдет в историю как основатель президентского правления. Нынешнее Временное правительство прекратит колебания и начнет поиски системных перемен для стабилизации ситуации в стране. Нынешняя Дума выстоит. Затем начнется переход к правовому государству, и ведомство Бенкендорфа станет нормальной разведывательной службой. На смену имперской структуре придет структура сообщества наций или конфедерация. Либералы займут лидирующее положение в будущем многопартийном политическом устройстве, в котором партия, долгое время известная как большевистская, станет меньшевистской в обоих смыслах этого слова. Русские генералы станут уважать верховенство гражданских властей. Земледельцы, если они того пожелают, станут собственниками обрабатываемой ими земли, а стародубцевы уйдут в отставку. В стране возникнет разгосударствленная экономика, а следовательно и какое-то пусть поначалу минимальное благосостояние народа. В условиях свободы расцветет русская культура. Правительство России будет сотрудничать с другими странами на основе международного права для сохранения порядка в мире, в котором мы живем где еще можно остановить действие демографических, технологических, экономических и культурных факторов, угрожающих человечеству всеобщей катастрофой.

Но вдруг судьба нахмурится? Что ж, из истории мы очень хорошо знаем, что это будет означать: повторение старого цикла после еще одной полномасштабной русской смуты, следствием которой будет гражданская война. Когда Руслана Скрынникова спросили в Харрогейте, считает ли он такой исход вероятным, он сказал только "Не дай Бог!". Я полностью присоединяюсь к этим словам.

Примечания

- ¹ И. Глазунов. Кто любит Россию - меня поймет. "Советская культура", 14 июня 1990.
- ² А.Ципко. Необходимо потрясение мысли. - "Московские новости", 1 июля 1990.
- ³ А. Яковлев. Для меня это последний съезд. "Московские новости", 15 июля 1990.
- ⁴ Ф. Бурлацкий. К современной цивилизации. - "Литературная газета", 5 сентября 1990.
- ⁵ М. Захаров. Сумбурные заметки к полученной информации. - "Литературная газета", 15 августа 1990.
- ⁶ А. Мерцалов. Станет ли наше прошлое предсказуемым? - "Известия", 21 августа 1990.
- ⁷ А. Стреляный. Песни западных славян. - "Литературная газета", 8 августа 1990 .
- ⁸ Ю. Феофанов. Фикция третьей власти. - "Московские новости", 2 сентября 1990.
- ⁹ Ю. Феофанов. Принципы и лица. - "Огонек", № 29, июль 1990, стр. 4-5.
- ¹⁰ А. Ананьев. Доказательство аксиомы. - "Советская культура", 30 июня 1990 г.
- ¹¹ Я. Гордин. Что позади? - "Литературная газета", 26 сентября 1990 .
- ¹² К. Любченко. Безработные законы. - "Известия", 7 июля 1990.
- ¹³ В. Тихонов. Голод и урожай. - "Московские новости", 26 августа 1990.

- 14 Ю. Буртин. Мертвое и живое. - "Литературная газета", 22 августа 1990.
- 15 О. Ефремов. Перед отменой крепостного права. - "Московские новости", 17 июня 1990.
- 16 В. Сироткин. Номенклатура в историческом разрезе. - "Через тернии", Москва, 1990, стр. 292-334; В. Сироткин. Номенклатура. - "Неделя", 21-27 мая 1990.
- 17 Маркиз де Кюстин, Николаевская Россия. М., 1930, стр. 72, 133, 163.
- 18 Journey For Our Time: The Journals of the Marquis de Custine, перевод и редакция Филлис Колер, предисловие У.Б. Смит, Portland, Oregon, 1953, p. 13.
- 19 Е. Рязанов. Как раз на жизнь свобода опоздала. - "Огонек", № 36, сентябрь 1990, стр. 22-25.
- 20 Ю. Королев. Грани нашего кризиса. - "Московские новости", 8 июля 1990.
- 21 В. Любимов. Императорский театр. - "Литературная газета", 13 июня 1990.
- 22 А. Караулов, цитируется в докладе Синтии Уайтэкер "The Refopping Tsar", прочитанном на четвертом Всемирном Конгрессе по изучению СССР и Восточной Европы, Харрогейт, Англия, июль 1990.
- 23 В. Сироткин. Номенклатура в историческом разрезе, стр. 321.
- 24 В. Волжский. Двоевластие? - "Неделя", 23-29 июля 1990.
- 25 Ю. Черниченко. Слово, которого я не просил. - "Известия", 7 июля 1990.

- 26 Г. Быстров. Дать крестьянину землю и волю. - "Известия", 8 сентября 1990.
- 27 В. Михайлов. Надеюсь на интеллигенцию. - "Книжное обозрение", 6 июля 1990.
- 28 В. Лакшин. Не мешать житы - "Известия", 11 августа 1990.
- 29 В. Костиков. Власть мертвая и власть живая. - "Советская культура", 11 августа 1990.
- 30 В. Сироткин. Мрак погромов. - "Неделя", № 40, 1990.
- 31 Г. Быстров. Цит. соч.
- 32 П. Волобуев. Страна левеет, а партия? - "Советская культура", 8 сентября 1990.
- 33 Н. Михайлов. Высокое напряжение. - "Известия", 8 сентября 1990.
- 34 А. Улюкаев. Приглашаю к промедлению. - "Московские новости", 26 августа 1990.
- 35 Л. Сараскина. Каинова печать революции. - "Век XX и мир", № 7, 1990, стр. 25.
- 36 "Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e", перевод и редакция Теренса Эммонса, Принстон, 1988.
- 37 А. Сабов. Обморок от свободы: три революции без нас. - "Литературная газета", 28 сентября 1990.
- 38 V. Erofeev, "Neither Salvation nor Sausage", *New York Review of Books*, June 14, 1990.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ В РОССИИ, 1917 - 1990 ГГ.*

Предисловие

Основой возникновения партийной идеологии и — в дальнейшем — политических партий должно быть оформление определенных социальных слоев или групп, осознающих свое особое место в обществе, обуславливающее их политические воззрения. Партия как таковая в современном политологическом смысле — это группа людей, выражающая интересы большого или малого социального слоя, иногда групповые или личностные интересы. Современная многопартийность в СССР является пока не столько политическим, сколько социально-психологическим феноменом, результатом высвобождения сознания из-под тоталитарного пресса.

Новые советские партии являют собой феномен (изъясняясь в марксистской терминологии) "опережающего развития надстройки" или, более простым языком, создания структур, выражающих плюрализм общественных интересов еще до того как появились реально дифференцированные общественные группы. Поскольку в последние 50 лет основной задачей тоталитарного строя являлось поддержание социальной однородности общества с помощью перманентной миксации и репрессий, путь социальной дифференциации в нашей стране представляется долгим и мучительным. Пока же этот процесс не завершен, нельзя говорить о возникновении гражданского общества с присущей ему совокупностью плюралистических интересов, являющегося в западных странах основой для формирования массовых движений и партий.

*Работа, выполненная Исследовательским центром "Interlegal"
Составители: Игорь Малов, Максим Хрусталеv. Общая редакция: Нина
Беляева. М., 1991.

Несмотря на объективные препятствия, первые партии в РСФСР все же были созданы и, безусловно, представляют собой важный объект политологического анализа.

Специфика предлагаемой работы заключается в сопоставлении современной в РСФСР и дореволюционной российской многопартийности. Это тем более важно, поскольку в процессе создания новых общественных мифов реальности существования политических партий 1917 г. и их связи с сегодняшними искажаются порой до неузнаваемости. На самом деле российские партии имеют определенное сходство, что и послужило основанием для объединения их в одной работе.

Первое, что бросается в глаза при беглом обзоре партий 1917 и 1990 гг. — это отсутствие широкой социальной базы, которая отличает современные европейские партии и движения и, безусловно, присутствовала в основании западной многопартийности начала XX века. Здесь необходимо оговориться, что партийное строительство в Российской империи было лишь до некоторой степени движением сверху вниз — от создания столичных оргкомитетов к формированию местных отделений, но и снизу вверх — от медленно осознающих свои интересы общественных групп к их партийному представительству. Современный вариант принципиально отличается от дореволюционного. И дело тут вовсе не в двух десятках лет развития партий в России к 1917 г. и лишь в одном полугодии в СССР к концу 1990 г., а в принципиально ином строении и пути движения российского и советского обществ.

Россия была страной, медленно и мучительно втягивавшейся в капитализм, но несмотря на значительные издержки, все же страной развивающейся. Ускоренное разложение крестьянства, формирование пролетариата и буржуазии, движение к индустриальному обществу, невозможное при архаической монолитности, создавало реальные основания для развития плюрализма общественного сознания, а вместе с этим и партийности. Современное

советское общество — результат сложившихся обстоятельств, начиная с Первой мировой войны с ее роковым для России исходом, уничтожения крестьянства в 30-х и городской культуры в 60-х, до результатов перестройки включительно. Основными его признаками являются практически тотальная люмпенизация населения, полный разрыв культурных связей народов и разрыв в передаче опыта между поколениями. Это общество сложилось в результате неудачно пройденной этатистской фазы развития и теперь обязано волей-неволей повторять зады европейского капитализма образца XIX века.

Сравнивая российский социум дореволюционной эпохи с советским постперестроечного периода в самом общем приближении, можно отметить, что первый был движущимся, а второй — стагнирующим; общество образца 1917 г. имело перспективу в развитии, общество образца 1990 г. — в восстановлении и реконструкции нормального существования, т.е. практически создание новой нации со всей совокупностью общественных связей, для чего, возможно, потребуется исчезновение остатков старой.

Российская многопартийность 1917 г., особенно до февраля, была в масштабах страны невелика и не влиятельна, если брать местные, а не думские организации тех же кадетов или эсеров, не говоря уже о большевиках или прогрессистах. Февральскую и Октябрьскую революции делали не партии, а армия и народ. Партийные представители, занимающие положение на верхушке общественной пирамиды, лишь умело пользовались их усилиями.

Однако время и в 1910, и в 1914 и даже летом 1917 г. работало на российские партии. Все они — от правых до левых — опирались на определенные общественные группы и слои с более или менее быстро формирующимися интересами, и превращение российских партий в реальное общественное представительство было вопросом времени.

Советские новые партии возникли в парадоксальной

ситуации — им некого было представлять. Идея советской многопартийности, возможности и естественности партийного сознания в нашем обществе во многом опиралась на мифы, выпестованные отечественными социальными науками, в первую очередь на миф о так называемой трехчленной основе общества — пролетариат, интеллигенция и крестьянство; на очень любопытную, но относящуюся более к области социальной психологии версию внутренней демократичности советского общества (а, стало быть, похожести его на образец западной демократии) и на идею, что стоит снять с него тоталитарный пресс, как оно мгновенно примет заложенную форму. Третьим мифом, определившим становление советской многопартийности, стала идея неизменности общества с 1917 г., "консервирующего влияния большевизма", что привело к многочисленным попыткам возрождения так называемых традиционных партий — кадетов, эсеров, монархистов и других.

Необходимо сказать и еще об одном важном различии дореволюционных и современных политических партий, кажущемся на первый взгляд сходством. Дореволюционные партии, как и современные, создавались помимо представительства общественных интересов еще и с целью противостояния монополии на политическую власть, сосредоточенную в руках царизма в 1917 г. и Коммунистической партии в 1990 г. Однако если до революции, не говоря уже о периоде февраль-октябрь 1917 г., цели общественного представительства и разрушения монополии на власть были, по крайней мере, равнозначны, то в советский период создание партий для манифестации противостояния власти имущей КПСС стало формой общественного протеста и во многих случаях ничем большим. Разрушение, хотя бы де-факто, системы однопартийности — вот что занимало в первую очередь творцов партий от 60-х до 80-х годов. Их не смущало то, что созданные ими партии насчитывали по 5 - 10 человек, часто копировали, даже в программных положениях, КПСС, не говоря уже об уставе, и партийным в них было только самоназвание. Это были организации с четко определенной целью: создание прецедента. Один из таких реликтов — пар-

тию Демократический союз, ставящую целью только создание политической организации, альтернативной существующей политической системе, мы могли наблюдать уже в перестроечное время.

Поскольку конкуренция с КПСС, воспринимаемой как основная преграда на пути к демократизации, была главной задачей, то все остальное, в том числе — представительство каких-либо общественных интересов, разработка конкретных программы др., становилось не обязательным. Сами партии — создатели прецедента определяли свое существование, подобно Демократическому союзу, как временное, служебное. Предполагалось, что они исчезнут, как только появится возможность проведения демократических многопартийных выборов, уступив место реальным представителям народа. Подобная идейная основа деятельности не характерна для большинства современных партий, созданных уже в эпоху официально разрешенного плюрализма летом и осенью 1990 г., однако на их идеологии и выборе целей соперничество с КПСС также значительно сказалось.

Суммирование постулатов общественной мифологии приводило закономерно к признанию готовности советского общества к партийному плюрализму и, мало того, признанию его ключом, открывающим дверь в счастливое, демократическое, европейское общество.

Для деятельности советских партий стала характерна опора на депутатов в органах власти всех уровней — от парламентской до местных советов — и полное отсутствие реального влияния вне этих стен; неадекватная оценка собственной социальной базы; постоянная смена ориентации; сектанство; грандиозное значение, которое приобретали мелкие склоки между лидерами, приводящие к постоянным расколам; нечеткость политической позиции и копирование худших черт политических противников.

Задача ныне существующих в СССР, и особенно российских (так как сказанное относится в первую очередь к

РСФСР) партий оказалась перевернутой по отношению к западным и даже дореволюционным российским: они не столько выражают сложившиеся социально-политические интересы, сколько катализируют процесс социальной дифференциации, пытаясь помочь обществу осознать его цели в их различии, многообразии и взаимоотрицании.

Насколько эти попытки будут успешны, пока неясно. Наверное, это вопрос к будущим историкам, которые смогут определить, насколько повлияли сегодняшние протопартийные объединения на социогенез нового общества. Очевидно, что дорога к реальному утверждению идеи многопартийности общества окажется значительно более долгой, нежели это виделось год-два назад. Возможно, нам будет близок пример Турции, многопартийность в которой медленно приживалась с середины 60-х годов и где многие партии лишь спустя 25-30 лет со дня своего основания стали играть в обществе более или менее существенную роль.

Не ясно также, останутся ли на политической арене не только существующие сегодня партии и их лидеры, но и сама современная концепция многопартийности, или они будут сменены чем-то принципиально иным, более пригодным для выражения и формирования общественных интересов.

Ясно пока одно: наше общество движется в будущее. Будущее, в котором уже нет спасительных догм и якобы определенных логикой развития цивилизации путей. Одним из важнейших составляющих процесса общественной трансформации является феномен нынешней многопартийности в СССР. Без его изучения, сравнения с социальными процессами в Европе и в дореволюционной России нельзя понять смысл переживаемого нами периода. В какой-то мере первым шагом к искомому можно считать эту предлагаемую читателям работу.

ЧАСТЬ I
ГОД 1917
ПАРТИИ РОССИИ

Процесс образования политических партий в Российской империи берет начало на рубеже XIX-XX веков. Специфика процесса характеризовалась наличием в стране многоукладной экономики, сохранением ряда феодальных структур наряду с активным развитием капитализма, отсутствием конституционных свобод и деспотией императорского правительства. Дополнительными факторами являлись многонациональный состав империи и неодинаковый уровень развития входивших в ее состав народов. В период относительной либерализации правительства и повышения общественной активности масс начавшийся в 1905 г. генезис образования партий получил новый импульс. В это время сложились в большинстве своем основные политические партии — как общероссийские, так и национальные. Всего в России было создано около 50 партий. Условно их можно разделить на четыре блока: монархические, буржуазно-консервативные, буржуазно-либеральные, социалистические (социал-демократические а также народнические).

В России насчитывалось шесть основных монархических партий и значительное число мелких. Наиболее крупными были Союз русского народа и Союз Михаила Архангела. Буржуазных партий консервативного направления насчитывалось восемь. Наиболее крупной был Союз 17 октября. Существовало также четырнадцать либеральных партий (наиболее крупной была Конституционно-демократическая партия [партия народной свободы]). Из семнадцати социалистических партий наиболее крупной является Российская социал-демократическая рабочая партия и Партия социалистов-революционеров. Кроме этих партий, существовали группы и федерации анархистов различных направлений. Первые две группы партий действовали легально, либералы полуполюгально, социалисты и анархисты

находились на нелегальном положении.

В той или иной степени большинство партий находилось в оппозиции к императорскому правительству России. По свидетельству А.И.Деникина, "безудержная вакханалия, какой-то садизм власти к началу 1917 г. привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного класса и сословия, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты" *

Крах царского режима в феврале 1917 г. создал совершенно новые условия для деятельности партий, что выразилось в изменении политического спектра. Одновременно на арене легальной политической борьбы оказались все направления общественно-политической мысли России, боровшиеся за умы и чувства ее граждан.

МОНАРХИСТЫ

Монархические партии и организации стали организовываться еще в годы первой русской революции (1905-1907 гг.).

Уже в марте 1905 г. был создан **Союз русских людей**. Союз возглавили архиепископ Анастасий, князь П. Шереметьев, Д.И.Иловайский. В ноябре 1905 г. Союз влился в **Союз русского народа**. В апреле 1905 г. была создана Русская монархическая партия. Лидеры: князь Д.Н.Долгоруков, барон Г.Г.Розен, протеирей И.Восторгов. Эта партия издавала газеты "Московские ведомости" и "Коренник". По заявлениям лидеров партии, ее численность определялась в 10-12 тыс. человек, но на самом деле их было не более 2 тыс. человек.

* А.И. Деникин — генерал царской армии; В.М.Пуришкевич — лидер Союза Михаила Архангела; Н.С.Чхеидзе — председатель фракции социал-демократов в Государственной Думе.

Наиболее крупная монархическая организация — Союз русского народа — была основана 8 ноября 1905 г. Лидеры Союза: А.И.Дубровин, В.М.Пуришкевич, Н.Е.Марков. Как и другие монархические партии, Союз декларировал приверженность самодержавной монархии, признавал нецелесообразным создание Государственной Думы — законодательного выборного органа, предлагая заменить ее законодательным Земским Собором. Предусматривалось сохранение помещичьего землевладения при разрешении выхода крестьян из общины и закрепления наделов. Пропагандировалась переселенческая политика. В рабочем вопросе предлагалось сокращение рабочего дня, государственное страхование, создание рабочего банка с дешевым кредитом.

Союз настаивал на необходимости борьбы с "силами зла" — властью бюрократии, либеральной (западнической) интеллигенцией, еврейским засильем. Союз насчитывал в 1907 г. до 100 тыс. человек, но в дальнейшем его численность постепенно убывает. Издавались газеты: "Русское знамя", "Вестник Союза русского народа".

В ноябре 1907 г. от СРН откололась часть членов, образовавших в конце 1907—начале 1908 г. **Русский народный союз имени Михаила Архангела**. Лидер Союза — В.М.Пуришкевич. В отличие от СРН, Союз признал необходимость законодательной Государственной Думы, поддерживал аграрную политику П.А.Столыпина. В 1908 г. насчитывал около 20 тыс. членов.

Кроме вышеуказанных организаций, существовали и более мелкие: **Всероссийский национальный союз, Русская партия народного центра, Всероссийский союз земельных собственников**

Не поддается точному учету множество мельчайших союзов и групп, как то: **Священный союз народной самоохранны, Охранительная партия, Русское братство, Лига патриотов, Общество националистов, Партия Минина и Пожарского** и др.

В силу аморфности главной идеи в монархических союзах постоянно происходили расколы и взаимные обвинения, авторитета им не добавлявшие. Отсутствие широких преобразовательных идей, неконкретность обещаний не позволяли монархистам получить массовую поддержку и опору со стороны широких общественных слоев. Большинство Союзов существовало лишь благодаря субсидиям крупной аристократии или государственных учреждений (в том числе Департамента полиции). Когда в феврале 1917 г. в течение нескольких дней монархия была сметена, обнаружилось и отсутствие массовой опоры монархической идеи. Лишившись государственной поддержки и покровительства знати, лишившись возможности печатать свои издания, монархические организации моментально раскололись как в центре, так и на местах.

Единственным их осколком оказался сохранившийся **Всероссийский союз земельных собственников**, который открыто монархических лозунгов не выдвигали и заявлял о себе как организация экономического характера.

Впервые Союз был создан в ноябре 1905 г. и просуществовал до 1909 г. В ноябре 1916 г. был воссоздан. Лидерами Союза были А.В.Кривошеин, занимавший ранее пост министра земледелия, граф П.Н.Балашов, князь Г.Е.Львов и другие представители государственной элиты. Согласно уставу, членами Союза являлись собственники свыше 50 десятин земли (1 десятина составляла приблизительно 1,09 га). В мае 1917 г. состоялся Учредительный съезд Союза, в котором приняли участие 300 делегатов от 31 губернии. Съезд постановил, что в Союз могли войти все земельные собственники, арендаторы и лица, разделяющие принцип частного землевладения. 1—8 июля 1917 г. прошел I Всероссийский съезд, внесший в аграрную программу поправку, предусматривающую расширение частного землевладения крестьян за счет казенных, удельных и части помещичьих земель за выкуп. В 1917 г. Союз насчитывал около 50 тыс. членов. Центральный печатный орган — "Всероссийский союз земельных собственников".

БУРЖУАЗНЫЕ КОНСЕРВАТОРЫ

Союз 17 октября был создан в октябре 1905 г. Партия получила свое название от конституционного манифеста, выпущенного 17 октября 1905 г. Это должно было подчеркнуть, что политические интересы октябристов в целом были бы удовлетворены правами, предоставляемыми манифестом, при условии их неукоснительного соблюдения (императорской властью они неоднократно попирались).

В своей программе октябристы выступали за установление с помощью постепенных реформ конституционно-монархического строя. В аграрном вопросе партия выступала против принудительного отчуждения помещичьей земли, но за уравнение крестьян в гражданских правах с другими сословиями. Октябристы выступали также за конституционное закрепление демократических свобод, признавали право рабочих на экономические стачки — правда, с многочисленными оговорками.

Лидерами партии были А.И.Гучков, М.В.Родзянко и др. Печатным органом октябристов с 1907 г. являлась газета "Голос Москвы".

Весной 1917 г. партия прекратила свое существование. На ее базе Гучков и Родзянко создали Либерально-республиканскую партию.

Прогрессивная партия была создана в 1907 г. как группа депутатов III Думы. Как партия оформилась в 1912 г. Лидеры партии — А.И. Коновалов, С.Н.Третьяков, И.Н. Ефремов. Программа была аналогична октябристской, однако Прогрессивная партия занимала более радикальную тактическую позицию. Весной 1917 г. она прекратила существование. На ее базе была создана Радикальная демократическая партия, лидерами которой стали И.Н.Ефремов и Н.В.Рузский. Эта партия выпускала газеты "Отечество" и "Свободное слово".

В марте 1917 г. была создана Республиканская демократическая партия.. Лидеры — А.И.Пурилов и Д.И.Дмитриев. Близким к партии изданием была газета "Русская воля". Осенью 1917 г. радикал-демократы слились с Республиканской демократической партией. Программная цель партии — парламентская республика, переход земли к трудящимся на основе выкупа части помещичьих земель и передача их в частное владение.

ЛИБЕРАЛЫ

Ведущая либеральная партия России — Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы). Основана в октябре 1905 г. Лидеры — П.Н.Милюков, А.П.Шингарев, И.И.Петрункевич, Н.Д.Долгоруков. КДП издавала газеты "Речь" и "Вестник партии народной свободы". Программные требования — конституционная парламентская монархия, установление демократических свобод, решение аграрного вопроса путем принудительного отчуждения за выкуп помещичьих земель наряду с казенными и удельными, национализация недр и лесов и т.д. К марту 1917 г. КДП имела организации более чем в 50 губерниях. Она опиралась на средние слои общества и интеллигенцию; насчитывала около 70 тыс. членов.

25—28 марта 1917 г. состоялся VII съезд КДП. Были обсуждены программные вопросы. Съезд провозгласил:

цель партии — создание демократической республики;
временное правительство — до созыва Учредительного собрания как единственная исполнительная законодательная власть;

Советы лишь вспомогательный орган;

до созыва Учредительного собрания как высшего воплощения народной воли социальные реформы несвоевременны;

союзнические обязательства России сохраняются в силе.

СОЦИАЛИСТЫ

Создание Российской социал-демократической рабочей партии было провозглашено на I съезде в 1898 г. В 1903 г. произошел раскол на два крыла — большевиков и меньшевиков. Окончательное размежевание произошло в 1912 г., но вплоть до весны 1917 г. на местах действовали объединенные организации РСДРП. Фактически партия оформилась лишь в 1917 г. Лидеры — П.Б. Аксельрод, Ю.О. Мартов, Ф. Дан. Центральный орган — "Рабочая газета".

6—12 мая состоялась Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций. Была провозглашена цель — объединение в одну организацию; выбран руководящий орган — Организационный комитет. На съезде организационно оформились фракции: правые — меньшевики-оборонцы (лидер — А.Н.Потресов); центра — революционные оборонцы (Ф.Дан, Н.Чхеидзе); левые — меньшевики-интернационалисты (лидер — Ю.О.Мартов); группа "Новая жизнь" (лидеры — В.А.Базаров, С.А.Лозовский); группа "Единство" (лидер—Г.В.Плеханов, центральный орган "Единство"), откололась в марте 1917 г. от РСДРП.

19—26 августа состоялся Объединенный съезд социал-демократов, на котором было провозглашено создание РСДРП (Объединенной), создан ЦК, включивший 16 оборонцев (Ф.Дан, И.Г.Церетели, Н.С.Чхеидзе и др.) и 8 интернационалистов (Ю.О.Мартов, Абрамович и др.).

Председателем ЦК был избран П.Б.Аксельрод. Партия насчитывала 198 тыс. членов. "Новожизненцы" отказались войти в РСДРП/о/ и оформились в августе 1917 г. как Организация объединенных социал-демократов — интернационалистов. Лидеры — В.А.Базаров, С.А.Лозовский. Центральный печатный орган — "Новая жизнь".

Межрайонная организация объединенных социал-демократов возникла в 1913 г. и занимала центристские пози-

ции между большевиками и меньшевиками. В организацию вошли меньшевики-партийцы, большевики-примиренцы, группа Троцкого, группа "Вперед". К февралю 1917 г. МОБ насчитывала около 500 человек. Она сотрудничала с большевиками. Лидеры — Л.Д.Троцкий, М.С.Урицкий, К.К.Юренев.

2 июля конференция "межрайонцев" приняла решение о вхождении в РСДРП/б/ (вошли на У1 съезде РСДРП/б/). К июлю 1917 г. насчитывала 4 тыс. членов; издавала журнал "Вперед".

Ведущая социалистическая партия народнического толка — **Партия социалистов-революционеров**. Основана в 1901 г. Лидеры — В.М.Чернов, А.Р.Гоц, Н.Д.Авксентев. Программные требования: демократическая республика, политические свободы, рабочее законодательство и система мер, направленных на установление рабочего контроля за предприятиями, отделение церкви от государства, введение прогрессивного подоходного налога, передача земли крестьянским общинам путем экспроприации частной собственности. Партия эсеров использовала террор в качестве одного из методов политической борьбы с царским правительством (как убийства правительственных чиновников, так и "экспроприацию" частных и государственных денежных средств, "аграрный террор" — поджоги усадеб, убийства помещиков и саботаж повинностей).

ПСР провозглашала опору на трудовое население города и деревни. Центральный орган — "Дело народа". В мае 1917 г. партия насчитывала 500 тыс. человек (до 1 млн. с незаписавшимися), имела организации в 63 губерниях, на фронтах и во флоте.

25 мая — 4 июня состоялся III съезд ПСР. Съезд признал Временное правительство государственной властью до созыва Учредительного собрания, потребовал поставить Временное правительство под контроль Советов. Социальные преобразования откладывались до создания Учредительного собрания. В то же время на практике эсеры поощряли

"временное пользование землями" (фактически — захваты) и рабочий контроль на предприятиях.

На Всероссийском съезде крестьянских депутатов партия эсеров провела положение о "переходе всех земель в общенародное достояние для уравнительного пользования без всякого выкупа".

Партия левых социалистов-революционеров. Левые эсеры как течение оформились в годы Первой мировой войны. В марте 1917 г. объединились вокруг газеты "Земля и воля". На III съезде партии эсеров левые выступили с декларацией, формулирующей расхождение с ЦК по трем пунктам. В этих пунктах от ЦК требовалось:

1. объявление Временного правительства контрреволюционным;
2. осуждение войны как империалистической и ее прекращение;
3. немедленное решение земельного вопроса.

Был принят лозунг "Вся власть Советам!". Левые эсеры выступили против коалиции с кадетами и прямых выступлений против большевиков. Лидеры течения — М.А.Спиридонова, Б.Д.Камков, М.А.Натансон. Начиная с III съезда, не разрывая организационных связей с эсеровской партией, проводили свою самостоятельную линию.

На II Всероссийском съезде Советов левые эсеры остались в зале заседания, не последовав за остальными делегатами-эсерами, покинувшими съезд, голосовали за решение съезда и вошли в состав ВЦИК, позднее в состав Совета народных комиссаров.

9 ноября 1917 г. ЦК ПСР исключил из партии делегатов съезда - левых эсеров. 2 декабря 1917 г. на I съезде была оформлена Партия левых социалистов-революционеров. В марте 1918 г. насчитывала 163 тыс. членов.

Союз социалистов-революционеров — максималистов откололся от ПСР в октябре 1906 г. Члены Союза настаивали

вали на немедленной реализации программы-максимум: социализации земли, фабрик, заводов. Главную силу, способную начать революцию, они видели в "инициативном меньшинстве", отрицали легальные методы, идеализировали террор и экспроприации.

К 1908 г. Союз был разгромлен, в марте 1917 г. на конференции в Петрограде воссоздан. Лидеры — Т.А.Нестроев, Ф.Ю.Светлов. Центральный орган — "Максималист". Союз насчитывал 3 тыс. человек.

Трудовая партия возникла как "трудовая группа" депутатов в I Государственной Думе. Основные пункты программы: демократические преобразования, национализация земли, кроме крестьянских наделов, мирным путем. ТП была создана в апреле 1906 г. С февраля по июнь 1917 г. называлась Трудовой партией. Лидеры — С.В.Аникин, В.И.Дзюбинский, В.В.Водовозов. Печатные органы — "Трудовой народ", "Трудовая Россия".

Народно-социалистическая партия возникла осенью 1906 г., выделившись из ПСР, в связи с тем, что требовала создания легальной организации, прекращения деятельности боевиков и "аграрного террора". НСП выступала против программных пунктов ПСР "о диктатуре рабочего класса" и принципа принудительных мер в ограничении наемного труда в сельском хозяйстве. Целью провозглашалось "установление народовластия, отчуждение помещичьих земель (возможность выкупа не отрицалась), казенных, удельных и крестьянских частнособственнических земель, исключая надельные земли. Лидеры: В.А.Мякотин, А.В. Пешехонов. I Всероссийский съезд НСП в июне 1917 г. принял решение объединиться с Трудовой партией. Печатные органы "Народный труд" и "Народное слово".

30 июня состоялся I съезд Трудовой народно-социалистической партии, образованной слиянием ТП и НСП. В образованный ЦК вошли В.А.Мякотин, А.В.Пешехонов, С.И.Мельгунов, В.Водовозов и др. Численность партии превышала 10 тыс. человек. Программные требования: пар-

ламентская республика; аграрный вопрос решается выкупом земли сверх трудовой нормы у крупных землевладельцев.

АНАРХИСТЫ

Первые анархические группы в России появились в 1903 г. Организации, как правило, были недолговечными в связи с постоянными расколами и репрессиями со стороны властей. В 1917 г. была воссоздана Всероссийская **федерация анархистов-коммунистов**. Как последователи теории Кропоткина анархисты-коммунисты считали возможным быстрый переход к коммунистическим отношениям в социально-экономической сфере. Лидеры — П.А.Кропоткин, А.А.Карелин, И.С.Блейхман, А.М.Атабекян. Издавались газеты "Анархия" и "Буревестник".

Российская федерация анархо-синдикалистов требовала передачи предприятий с коллективным характером производства в общественную собственность занятым на них трудящимся. Лидеры — В.Волин, Е.Ярчук, Г.Максимов. Газеты — "Голос труда", "Рабочая жизнь".

Анархисты-индивидуалисты. Лидеры: А.А.Боровой, А.И.Андреев-Богданов. Издавали газету "Клич".

Все федерации вместе взятые насчитывали около 5 тыс. человек, из них около 3 тыс. — анархо-коммунисты.

РЕЙТИНГИ ПАРТИЙ

В течение 1917 г. к моменту выборов в Учредительное собрание (в ноябре) сложилось два политических блока — либерально-демократический и социалистический. Формально относясь к последнему (с программной точки зрения), особняком стояла РСДРП/б/ — "партия нового типа", с которой зачастую блокировались левые эсеры и меньшевики-интернационалисты.

Своеобразным показателем рейтинга популярности мо-

гут служить итоги выборов в ряд представительных учреждений. В данном случае в качестве примера будут взяты выборы в Московскую городскую думу, на съезды Советов и в Учредительное собрание.

Москва взята в качестве примера по ряду причин. Она являлась крупнейшим экономическим, культурным и политическим центром России наряду с Петроградом. Но, в отличие от Петрограда, в Москве городские средние слои были гораздо многочисленнее и влиятельнее, однако не в такой степени как в большинстве провинциальных городов. Вместе с тем в Москве как в промышленном центре был весьма силен рабочий класс, включавший как потомственных рабочих, так и недавних выходцев из деревень всей Центральной России, и находился военный гарнизон — достаточно крупный и не до такой степени разложившийся как петроградский в февральские дни и после. Отсутствовал и такой дестабилизирующий элемент, каковым являлся в Петрограде Балтфлот.

Всеобщие пропорциональные бесцензовые выборы в Московскую городскую думу состоялись 25 июня 1917 г. В результате 200 мест в Думе были распределены следующим образом:

ПСР — 116
КДП — 34
РСДРП — 24
РСДРП(б) — 23
НСП — 3

В отличие от выборов в городские думы, проходивших в установленном законом демократическом порядке, Советы формировались стихийно, без всяких юридических норм. Партии либерального и консервативного толка воспринимались наиболее политизированной частью рабочих и солдат, т.е. той средой, которая формировала Советы, как чуждые им "барские партии". К тому же, эти партии декларировали умеренные лозунги, что не могло не увлечь

жидных до немедленных перемен к лучшему избирателей Советов. Еще одна важная причина — работу по пропаганде в деревне, армии и на предприятиях им фактически блокировали социалисты.

В результате на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившем 3 — 24 июня 1917 г.,* все делегаты, определившие свои политические взгляды, принадлежали к партиям и группам социалистической направленности или являлись их сторонниками. Были представлены:

ПСР — 285

РСДРП (меньшевики) — 248

РСДРП (меньшевики-интернационалисты) — 32

РСДРП (объединенные социал-демократы) — 10

РСДРП (большевики) — 105

Народно-социалистическая партия — 3

Трудовая партия — 5

Внефракционные социалисты — 73

Группа "Единство" — 3

Анархо-коммунисты — 1.

В течение последующих месяцев произошла радикализация депутатов, подавляющее большинство которых представляло три крупных партии: РСДРП(б), ПСР и РСДРП(о).

Остальные партии социалистического толка были представлены минимально или не представлены вовсе.

** Ко времени съезда РСДРП еще формально оставалась единой партией, однако большевики фактически выделились в самостоятельную партию, а меньшевики-интернационалисты, организационно оставаясь в составе РСДРП, по ряду вопросов образовали фракцию и проводили собственную политику в Советах. Объединенные социал-демократы представляли те местные организации РСДРП, в которых еще не произошло размежевание на большевиков и меньшевиков.*

К нефракционным социалистам относились те делегаты, которые формально не принадлежали к какой-либо партии, но называли себя приверженцами социалистической идеи.

II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов прошел 25 и 27 октября. Вначале собралось 649 делегатов, в том числе:

ПСР — 160

РСДРП(о) — 64

Меньшевики-интернационалисты — 14

РСДРП(б) — 390

Украинские социалисты — 7.

В дальнейшем делегаты прибывали еще, но пропорции принципиально не менялись. Надо, однако, отметить, что съезд проходил в экстренном порядке, и значительная часть Советов не была представлена, особенно из отдаленных регионов и с фронтов, где на наиболее сильно было влияние ПСР.

На крестьянских съездах процесс роста и падения популярности различных политических партий имел другой характер. I съезд крестьянских депутатов проходил 4 — 28 мая 1917 г. Были признаны действительными 1167 мандатов (558 — с фронта, 609 — с мест). Партийная принадлежность части делегатов не была определена. Из остальных делегатов:

ПСР — 537

РСДРП (всех направлений) — 103

ПСМ — 4

ТНП — 6

Беспартийные — 136.

К октябрю произошел ряд изменений. Почти все делегаты зарегистрировали партийную принадлежность. Из социал-демократов наибольшей популярностью среди крестьянских представителей пользовались большевики.

На II съезде Советов крестьянских депутатов в ноябре 1917 г. партии были представлены так:

РСДРП(б) — 91

ПЛСР — 350

ПСР — 303.

Наиболее активно отражают соотношение уровней влияния итоги выборов в Учредительное собрание. Всего в 79 избирательных округах должны были голосовать 90 млн. избирателей. Имеются данные по 67 округам, где в выборах участвовало 44,4 млн. избирателей. Большевики получили там 25% голосов, социалистические партии (российские и национальные) - 62%, помещичьи и либеральные партии (российские и национальные) — 13%:

ПСР — 17,5 млн. голосов (40%)

РСДРП — 11,1 млн. голосов (25%)

КДП — 2 млн. голосов (4,5%)

РСДРП(о) — 1,1 млн. голосов (2,6%).

Выдвигали делегатов по всем избирательным округам. Ряд партий выдвинул свои списки только по отдельным округам. Остальные голоса были отданы национальным и региональным партиям. Всего было избрано 715 делегатов, из них эсеров — 370, левых эсеров — 40, меньшевиков — 15, кадетов — 17, народных социалистов — 2, беспартийных и членов национальных партий — 86, большевиков — 175.

1917 ГОД ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

И.З. Штейнберг (лидер ПЛСР, член ЦК; с декабря 1917 г. по март 1918 г. — нарком юстиции, после левозсеровского мятежа в июле 1918 г. — в подполье). "От февраля до октября 1917 г." написано в феврале 1919 г. в Бутырской тюрьме).

* * *

Только близорукому глазу стороннего наблюдателя или социально беспомощному могло показаться, что революция февраля 1917 г. была национально-буржуазной. Чтобы оказаться таковой, она должна была бы иметь одну какую-либо общую, могучую, увлекающую за собой все классы идею и какой-либо один неоспоримый класс-гегемон, ибо свержение царской власти не было спланированной идеей для разных классов, так как эта идея была исчерпана в несколько дней. С другой стороны, на авансцену выдвинулись все классы, и об одном общепринятом гегемоне не могло быть и речи.

Российская буржуазия и класс земельных собственников мечтали о создании крепкого буржуазно-конституционного строя. В системе этого строя широкие круги населения должны были получить право на представительство и заявление мнения и право на парламент. Наряду с этим буржуазия отводила себе право на власть. К этому политическому идеалу присоединились и соответствующие политические взгляды: в новой России должен был воцариться европейский строй капитализма.

Государство с многомиллионным мелкоземлевладельческим населением, с социально соблазненным пролетариатом, с безвластным крестьянским парламентом — таковы были цели российской буржуазии, выразителем которых была партия кадетов. Эти идеалы не были идеалами трудовых народных масс. Для них революция означала прежде всего три лозунга: освобожденная земля, свободный труд, политические права. Идея народной власти носилась в воздухе и получила свое воплощение в Советах рабочих, солдатс-

ких и крестьянских депутатов, где народ был не орудием, а агентом власти. Эту идею своей неразделенной воли в стране трудовой народ еще в большей степени чем в политике проявил в экономике.

В отношении земли программой трудового крестьянства был переход всей земли без выкупа в общее пользование. В отношении промышленности программой рабочих было не только обещанное буржуазией экономическое улучшение условий жизни (сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, улучшение жилищных условий), но и активный контроль и регулирование производства. Трудовые массы в качестве своих исторически законных представителей имели две группы партий. Пролетариат представляли социал-демократы, трудовое крестьянство — социалисты-революционеры. В огне революции ожило основное деление на социалистов умеренных, оппортунистов и социалистов радикальных. К лагерю умеренных относились меньшевики и эсеры правого крыла. К лагерю радикалов — большевики и эсеры левого крыла. Только эти две партии сделали программу трудовых масс своей программой, т.е. борьбу за немедленный мир в международном масштабе, скорую социализацию земли, рабочий контроль, переход политической власти к трудовым классам.

Меньшевики и социалисты-революционеры правого крыла считали, что для осуществления этой программы нет объективных условий в существующей действительности.

Правда, большинство их поддерживало идею Циммервальда * и ждали от демократической республики

* Во время первой мировой войны в Циммервальде и Кинтале состоялись международные конференции социалистов, несогласных с руководителями II Интернационала. На первой из них в сентябре 1915 г. тридцать восемь представителей одиннадцати стран приняли манифест, призывавший рабочий класс к борьбе за мир. На конференции Ленин и Зиновьев возглавили левую группу, которая позднее получила название "Циммервальдская левая". Вместо манифеста о мире эта группа предложила призвать солдат воюющих стран к гражданской войне. — Ред.

установления ре-ального народовластия, а эсеры были и за социализацию зем-ли, но считали, что задачи революции не могут быть решены безсотрудничества с буржуазией. Поэтому их тактика была соглашательской и фактически усиливала позиции буржуаз-ных партий.

В начальную эпоху революции, однако, и этим парти-ям принадлежала гегемония, за ними шли широкие массы. Все социалистические партии одинаково ждали созыва Учредительного собрания, и это резко отделяло их от партий буржуазных. Большевики и правые социалисты-рево-люционеры ожидали от него достижения того классового компромисса, который, по их мнению, был целью революции, т.е. уступок командующих классов трудовым массам. Большевики и левые социалисты-революционеры ждали Учредительного собрания как момента закрепления фа-ктической силы трудовых классов в стране, установления реальной диктатуры этих классов и проведения в жизнь их собственной программы. В итоге на арену революции вышли три основные группы: во-первых, буржуазия и партия каде-тов; во-вторых, средние колеблющиеся слои и часть пролетариата и трудового крестьянства, представленные меньшевиками и правыми эсерами; в-третьих, пролетариат и трудовое крестьянство, представленные большевиками и левыми эсерами. Их взаимоотношения на протяжении всей эпохи от 28 февраля 1917 г. до 5 января 1918 г. определили судьбу Учредительного собрания, распущенного в этот день.

* * *

А.И. Деникин. Очерки русской силы, тт. 1—5. Берлин.

Здесь представлена оценка событий авторитетным очевид-цем — генералом А.И.Деникиным, не принадлежавшим ни к какой политической партии, апологетом "единой и недели-мой России". Деникин не являлся, тем не менее, монархистом. По своим взглядам, он был сторонником либеральной де-мократии, за что неоднократно подвергался нападкам со стороны многих белогвардейцев. Был генерал-лейтенантом царской армии; в годы гражданской войны командовал бе-

логвардейскими вооруженными силами на юге России. С 1920 г. — в эмиграции.

* * *

Русская революция в своем зарождении и начале была явлением, без сомнения, национальным, как результат всеобщего протеста против старого строя. Но когда пришло время нового строительства, выдвинулись две силы, представлявшие различные течения общественной жизни: буржуазная демократия и социалистическая. Руководящие силы обеих сторон черпали из одного источника — русской интеллигенции, и различались не столько классовыми особенностями, сколько политической идеологией и приемами борьбы. Обе стороны не отражали в надлежащей мере настроения народной массы, от имени которой говорили и которая рукоплескала идеям, затрагивавшим ее чувства. В соотношении сил играли большую роль факты объективные — неудовлетворенность широких народных масс общим положением в стране, деятельностью правительства. Революция была воспринята не как тяжелый переходный этап, а как самодовлеющее реальное явление сегодняшнего дня с реальными же бедствиями — война, бандитизм, бесправие, холод и голод. Революционная демократия жила в атмосфере, отравленной беспокойным ожиданием контрреволюции, хотя характер действий демократической буржуазии определился как оппозиционный, а не как контрреволюционный. Оппозиционность ее определялась тем, что именно мелкая буржуазия, трудовая интеллигенция оказалась в политической борьбе стороной наиболее слабой. Революция всем дала надежды на улучшение условий жизни, только не буржуазной демократии. Даже те завоевания, которые провозгласила новая власть — свобода слова, печати, собраний — скоро стали достоянием одной лишь революционной демократии. И если крупная (интеллектуально, конечно) буржуазия имела свою организацию в лице КДП, то мелкая буржуазия была лишена всякой организации и всяких средств борьбы.

В первые четыре-пять месяцев посленачала революции по всей стране не было ни одной сколько-нибудь серьезной контрреволюционной организации. Появление тайных кружков, преимущественно офицерских, относится к июлю. В эти кружки, несомненно, входили и лица, настроенные контрреволюционно, но и они ставили своей целью преимущественно борьбу с неофициальным правительством — Петроградским Советом и его личным составом. Наряду с противодействием такой контрреволюции Совет обеспечивал полную возможность подготовки подлинной контрреволюции, исходившей из его недр, со стороны большевиков.

В стране сложилась ситуация, охарактеризованная Комитетом Государственной думы как "захват безответственными организациями прав государственной власти, создание ими двоевластия в центре и безвластия в стране". Власть Временного правительства покорялась давлению Совета, подчинившего все государственные начинания партийным интересам.

На I съезде Советов подавляющие массы несоциалистической России не были представлены ни одним человеком. Даже чуждые политике и более правые элементы, представленные как беспартийные, поспешили нацепить на себя социалистический ярлык. Либеральные демократы, образовавшие Временное правительство, не могли провозглашать такие пленительные лозунги, которые выходили из Совета. В то же время, имея реальную возможность взять власть, революционная демократия уклонялась и от этого, сознавая недостаточность силы, знаний, умения вести страну и отсутствие надлежащей опоры. Социалисты предпочитали оказывать постоянное давление на правительство. В области экономической, в аграрном и рабочем вопросе эта деятельность ограничивалась публикацией ширококонтрастных партийных социальных программ, осуществление которых в существующей обстановке даже в глазах министров-социалистов было невыполнимо. Но эти резолюции принимались в народе, на фабриках и заводах как "разделение" и претворялись в жизнь.

Наиболее ярко двойственность Совета проявилась в вопросе о войне. Левая интеллигенция и большая часть социалистов поддерживала идеи Циммервальда, и первое слово, с которым Совет обратился к "народам всего мира", было "мир". Протянутая рука повисла в воздухе, и социалисты разделились на два лагеря — оборонцев и пораженцев. К первым в теории принадлежали только правые социалисты-революционеры, народные социалисты, "Единство" и трудовики. Прочие были за немедленное окончание войны. При голосовании по вопросу о войне к оборонцам присоединилась большая часть социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков. Выносимые формулы обычно носили печать двойственности: ни мира, ни войны.

Совет (позднее ВЦИК) не мог и не хотел, в силу своего состава и политической идеологии, оказывать сдерживающее влияние на народную стихию, ибо члены его были вдохновителями этого движения, и все влияние Совета находилось в зависимости от степени потворствования принципам масс. А массы, как указывал К. Каутский, "как только революция втянула их в свое движение, знали лишь о своих нуждах и своих стремлениях и плевали на то, осуществимы ли и полезны ли обществу их требования".

Внутри самой революционной демократии также образовалось противостояние левого крыла во главе с большевиками основному блоку социалистических партий. Деятельность большевиков заключалась в борьбе за власть путем упразднения всего буржуазного строя и дезорганизации армии. Тактика их, определенная "Апрельскими тезисами" Ленина, исходила из конкретных положений: 1. свержение правительства и разложение армии; 2. возбуждение классовой борьбы в стране и внутриклассовой в деревне; 3. принцип демократических форм государственного строя и переход власти к меньшинству — "меньшинству хорошо организованному, вооруженному, централизованному". Так как идеология партии была малопонятна не только темным массам народа, но и второстепенным партработникам, были брошены лозунги простые, ясные, требующие немедленно

проводить их в жизнь и отвечающие желаниям и потребностям масс.

Первым объектом борьбы было Временное правительство — "орудие контрреволюции и международной реакции". Левое крыло всеми силами предлагало "оборонческому" блоку, так как за ним было большинство, взять власть в свои руки, а блок открещивался от этой власти. В Советах шло сближение большевиков с левыми эсерами и меньшевиками, причем до сентября большевики не имели большинства ни в Петроградском Совете, ни в большинстве провинциальных. Формула "Вся власть Советам!" казалась в их устах или самопожертвованием или провокацией. (Троцкий разъясняет: "благодаря постоянным перевыборам механизм Советов мог отражать правильное настроение рабочих и солдатских масс, все более склоняющихся влево, а после разрыва с буржуазией крайняя тенденция должна была возобладать в Советах.")

По мере выяснения истинной физиономии большевизма это расхождение принимало все более глубокие формы, не ограничиваясь рамками программ и партийной тактики. Это была борьба демократии с пролетариатом; меньшинства с большинством интеллектуально наиболее отсталых, но сильных своим бунтарским дерзанием и возглавляемых людьми сильными, абсолютно беспринципными; демократических принципов всеобщего избирательного права, политических свобод, равенства и т.д. — с диктатурой привилегированного класса, с безумием и грядущим рабством.

3—5 июля большевики подняли мятеж в столице. Восставшие требовали от революционной демократии взять власть в свои руки, на что последовал категорический отказ. Восстание было подавлено, но оно доказало все же, что "за исключением юнкеров никто не был расположен сражаться против большевиков за правительство или за руководящие партии Совета".

В этом и заключался весь трагизм положения правительства Керенского и Совета. Толпа оказалась одинаково

равнодушной и к родине, и к революции, и к Интернационалу и не собиралась ни за одну из этих ценностей проливать кровь и жертвовать своей жизнью. Толпа шла за обещаниями тех людей, которые потворствовали ее инстинктам.

КТО БЫЛ КТО ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Владимир Зензинов (1881-1953 гг.) — лидер Партии социалистов-революционеров. В 1904 г. окончил университет в Германии. Член ПСР с 1903 г. В 1905 г. — руководитель Московского комитета ПСР, один из организаторов московского восстания. С 1906 г. — в боевой организации ПСР. С 1909 г. — член ЦК ПСР. Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылкам. В 1917 г. — член исполкома Петроградского Совета, редактор центрального органа ПСР "Дело народа". Активно боролся с советской властью. В эмиграции с 1920 г.

Александр Кривошеин (1858-1923 гг.) — соратник П. Столыпина, работал в Министерстве внутренних дел, Министерстве финансов, служил главноуправляющим землеустройством и земледелием. После февраля 1917 г. — лидер Всероссийского союза земельных собственников. После октября 1917 г. руководил в подполье контрреволюционной организацией Правый центр. В 1920 г. — глава правительства, созданного генералом Врангелем в Крыму. Эмигрировал во Францию.

Юлий Мартов (Цедербаум) (1873-1923 гг.) — лидер меньшевистского течения в социал-демократии, начиная со II съезда РСДРП. Вступил в социал-демократическое движение студентом Петербургского университета. Подвергался арестам и ссылкам. С 1901 г. — в эмиграции. В годы первой мировой войны возглавил фракцию меньшевиков-интернационалистов, в августе 1917 г. вошел ее представителем в ЦК РСДРП (объединенной). На II съезде Советов выступал за создание социалистического правительства, но после ухода делегации РСДРП(б) остался на съезде. В 1919 г. входил во ВЦИК, в 1919-1920 гг. был депутатом Моссовета. В 1920 г. эмигрировал. Умер в Германии.

Павел Милюков (1859-1943 гг.) — историк, приват-доцент Московского университета. В 1895 г. был уволен из университета за поддержку студенческого движения. В 1904-1905 гг. участвовал в земском движении. Один из основателей Конституционно-демократической партии. С 1917 г. — председатель КДП. Редактор газеты "Речь". Депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов. После февраля 1917 г. входил во Временное правительство как министр иностранных дел. После октября 1917 г. сотрудничал с Деникиным. С 1920 г. — в эмиграции в Лондоне, с 1921 г. — в Париже. В годы второй мировой войны отказался от сотрудничества с гитлеровцами.

Владимир Пуришкевич (1870-1920 гг.) монархист, бессарабский помещик. С 1901 г. служил в Министерстве внутренних дел России. В 1904—1906 гг. — чиновник особых поручений МВД России. Один из основателей Союза русского народа, заместитель председателя Союза. После раскола Союза возглавил Союз Михаила Архангела. Депутат Государственной Думы второго и четвертого созывов. В 1916 г. участвовал в убийстве царского фаворита Григория Распутина. После февраля 1917 г. выступал против Временного правительства, за восстановление монархии. В январе 1918 г. был приговорен Ревтрибуналом к четырем годам исправительных работ. В мае 1918 г. амнистирован. Сотрудничал с белогвардейцами. Умер в Новороссийске.

Михаил Родзянко (1859-1924 гг.) — Екатеринославский помещик, лидер Союза 17 октября, депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов. С 1911 г. — председатель Думы. Ориентировался на союз с кадетами. После февраля 1917 г. возглавил Либерально-республиканскую партию. В годы гражданской войны сотрудничал с Деникиным. С 1920 г. — в эмиграции. В 1924 г. убит в Белграде белогвардейцами-монархистами.

Мария Спиридонова (1884-1941 гг.) — дворянка, вступила в ПРС в 1905 г. В 1906 г. застрелила Г.Н. Луженовского — организатора карательных экспедиций в деревнях; была

приговорена к смертной казни, но приговор был заменен вечной каторгой. После февраля 1917 г. — лидер левого крыла ПСР, затем — член ЦК ПЛСР. Была членом ВЦИК. После левозсеровского мятежа в июле 1928 г. была осуждена, но затем амнистирована. Участвовала в подпольной работе ПЛСР, неоднократно подвергалась арестам, затем отошла от политической борьбы. Жила в ссылке в Уфе. Впоследствии снова арестована и расстреляна в сентябре 1941 г. в Орловской тюрьме.

Виктор Чернов (1873-1952 гг.) — лидер Партии социалистов-революционеров. В революционном движении с 80-х годов XIX века. В 1901 г. был одним из создателей ПСР, автор ее программы, принятой на I съезде ПСР в январе 1906 г. Возглавлял центристское направление в ЦК. В мае—августе 1917 г. — министр земледелия Временного правительства. В январе 1918 г. был избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции. В годы второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления.

Николай Чхеидзе (1864-1926 гг.) — лидер РСДРП, участник социал-демократического движения с конца 90-х годов XIX века. С 1907 г. — депутат Государственной Думы третьего и четвертого созывов, глава социал-демократического Совета, затем первый председатель ВЦИК. После октября 1917 г. — председатель Учредительного собрания Грузинской республики. С 1921 г. в эмиграции. Покончил жизнь самоубийством в Париже.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Астрахан, Х.М. *Большевики и их политические требования в 1917 г. Л.*, 1973
- Винавер М.М. *Тактика Партии народной свободы*. Пг. 1917
"Год русской революции. 1917—1918". М., 1918
"Демократия и ее политические задачи", Пг., 1917
- Деникин А.И. *Очерки русской смуты*, тт. 1—5. Берлин, 1921-1926
- Иванов Н. *Русские партии и аграрный вопрос*. Пг., 1917
- Иванович С. *Сумерки русской социал-демократии*. Париж, 1921
- Изгоев А. *Партии во II Государственной Думе*. СПб., 1907
- Изгоев А. *Наши политические партии*, Пг, 1917
- Ильин И.А. *Порядок или беспорядок*, М., 1917
"Исторический опыт трех российских революций", кн.2, М. 1986
- Камков Б. *Две тактики*, М., 1918
- Камков Б. *Кто такие левые социалисты-революционеры?*, Пг. 1918
- Корнилов А.А. *Партия народной свободы*, Пг., 1917
- Куликов И. *Учредительное собрание и большевистская власть*, Пг., 1917
- Маркин П.А. *Большевики и меньшевики*, М., 1917
- Мельгунов С.П. *Последний самодержавец*, Л., 1929
- Мякотин В. *Революция и ее ближайшие задачи*, М., 1917
"Народовластие. Сборник статей членов Учредительного собрания, фракции социалистов-революционеров", вып. 1—3, М., 1918
- "Непролетарские партии России в трех революциях"*, Сборник статей, М., 1988
- "Непролетарские партии России: урок истории"*, М., 1984
- Нестроев М. *Максимализм и большевизм*, М., 1919
- Новомирский. *Манифест анархистов-коммунистов*. М, 1917
- Пешехонов А. *Правона землю, "Русское богатство"*, Пг., 1917
"Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)", М., 1918
- Пуришкевич В. *Республика или Монархия.*, Ростов-на-Дону, 1919

"Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 г.", Л., 1989

Родзянко М.В. *Государственная Дума и Февральская революция*, Ростов-на-Дону, 1919

Родзянко М.В. *Крушение империи*, Л., 1929

"Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний", Харьков, 1920

"Советская историческая энциклопедия", М. 1960—1976

"Социалист-революционер" (сборник), М. 1918

"Социалисты о текущем моменте. Материалы Великой революции 1917", М. 1917

Спиридович А.И. *Партия социалистов-революционеров и ее предшественники*, Петроград, 1918

Спиридович А.И. *Революционное движение в России*, вып. 1—2, СПб., 1914-1916

Спирин Л.М. *Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. Начало XX в. — 1920 г.*, М., 1977

Спирин Л.М. *Россия, 1917 г.: из истории борьбы политических партий*, М., 1987

Суханов Н. *Записки о революции*, Берлин-Петроград-Москва, 1922-1923

"III съезд Партии социалистов-революционеров", Пг. 1917

Церетели И.Г. *Воспоминания о Февральской революции*, кн. 1—2, Париж, 1963

Штейнберг И.З. *От февраля по октябрь 1917*, Париж-Милан, б/г

Энциклопедический словарь "Великая Октябрьская Социалистическая революция", М., 1980

ЧАСТЬ II

ГОД 1990

СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В СССР

Возрождение многопартийности в нашей стране реально началось лишь в 1990 г. Несмотря на непрекращавшиеся все годы существования советского государства попытки создания альтернативных партий (такие случаи известны в 20-е и даже 30-е и 40-е годы, не говоря уже о 60-х и 70-х, когда возникновение подпольных партий стало делом обыденным) только близкое к краху государства ослабление центральной власти в конце 80-х — начале 90-х годов создало условия для начала формирования партийных структур.

Этому предшествовал двухлетний период так называемой клубной фазы развития общественного движения с 1986 — 1988 гг. Многочисленные клубы, являвшиеся тогда единственной разрешенной формой организации, возникли в вузах, НИИ, даже на производстве и при церквях. Возможность легальной формы существования общественных организаций притягивала сильнее, чем духовно истощившееся к тому времени подполье. Это обеспечило включение большинства социально активных людей в клубную деятельность.

Клубы 1986—1988 гг. стали питательной средой, в которой формировались основы будущей многопартийной системы. Пионерами московских клубов были основанные в 1986 г. "Перестройка" и Клуб социальных инициатив. Из среды их членов и постоянных посетителей вышли впоследствии лидеры ведущих современных партий: Конституционно-Демократической (Виктор и Анна Золотаревы), Социал-демократической (Олег Румянцев, Павел Кудюкин и др.), Российского христианско-демократического движения (Виктор Аксюциц), Социалистической партии (Борис Кагарлицкий) и др.

К весне 1988 г. клубная форма организаций начала исчерпывать себя. В мае этого года была образована первая советская альтернативная политическая партия — Демократический союз. Конечно, ДС не является партией в принятом смысле этого слова. Его цели исчерпывались созданием прецедента альтернативы КПСС. Это было даже зафиксировано в его названии: "Оппозиционная политическая партия". Однако прецедент, действительно, был создан, и несмотря на то, что более года ДС был единственной партией в стране, открыто заявлявшей о своей деятельности, видимо, не пропал даром.

С весны 1988 г. до середины 1989 г. общественное движение, еще не готовое к партийной форме организации, развивалось путем создания народных фронтов. Народные фронты, по сути дела, большие клубы, с гораздо более высокой степенью политизации и способностью к действиям, стали переходным этапом от клубов к партиям. Необходимость такого перехода была вызвана, в первую очередь, требованием увеличения числа членов и выхода политики на улицу из замкнутых клубных дискуссий. Что касается самой формы народного фронта, то здесь, безусловно, сказался пример Прибалтики.

Народные фронты объединяли разнородную массу политически активных людей. В них как в единственную в то время форму организации общественного движения вступали люди различных политических убеждений — от анархистов до монархистов и сторонников социалистической модели развития общества. Однако деятельность народных фронтов была в основном направлена на поддержку реформ, проводимых руководством Горбачева. Многие народные фронты так и назывались "Народный фронт в поддержку перестройки".

К лету 1989 г. кризис организованного реформирования общества (перестройки) стал очевиден. К тому же за более чем год существования народных фронтов в них произошла значительная поляризация сил по политическим убеждениям.

Придерживающиеся различных взглядов группы действовали практически сепаратно. Начался процесс организационного выделения обособившихся групп и поддерживающей их общественности из народных фронтов. В августе 1989 г. образовалась Демократическая партия Советского Союза, ориентированная на жесткую рыночную модель развития общества. Это было одним из первых решительных отмежеваний от идеи социалистического развития ("социализма с человеческим лицом"), господствовавшей в массе народных фронтов. Осенью того же года происходило образование и консолидация социал-демократических, социалистических, демо-христианских и конституционно-демократических групп в протопартийные структуры, окончательно оформившиеся лишь к весне 1990 г.

Дифференциация общественных интересов, происходившая чрезвычайно быстрыми темпами, с 1988-1989 гг. позволила создать базу для восстановления почти всех существовавших в России до революции политических партий — кадетов, социал-демократов, народников, марксистов и черносотенцев (партии, образованные различными группами "Памяти"). К этому добавились характерные для современной ситуации популисты — Демократическая партия России, а так же зеленые, социалисты и христиане. К совершенно первым явлениям российской политической жизни следует отнести формирование в начале 1990 г. филиалов двух западных партий — Радикальной (РАМС) и Либертарианской.

К весне—лету 1990 г. в СССР сложился более или менее устойчивый партийно-политический спектр. Его основной особенностью является смещение центра тяжести вправо, особенно на правый центр, и очень слабо представленный левый фланг. К этому же времени возможности экстенсивного роста партийных структур, вероятно, оказались исчерпанными, чем можно объяснить появление неполитических партий — Информационно-народной, Партии мира, Партии гуманизма и др.

Такая перекомбинация уже началась: в сентябре 1990 г.

сформировался блок ДПР-СДПР-ДПРФ. С конца лета и до ноября не прекращались попытки сформировать так называемый блок центристских партий, составленный из Либерально-демократической и Народно-информационной партий, Партии городских и сельских хозяйств, Демократической партии (Убожко), Союза демократических сил имени академика Сахарова и ряда других малочисленных организаций, не пользующихся сколько-нибудь серьезным влиянием. Характерно, что в этом блоке в качестве наблюдателя участвовало Синее движение, членами которого стали многие сотрудники аппарата ЦК КПСС. В конце октября блок распался. Одновременно произошел раскол в Либерально-демократической партии. Демократическая партия (Убожко) преобразовалась в Консервативную партию.

В ноябре началось формирование блока так называемых малых партий и движений — от Конституционно-демократической и Либерально-демократической партий до "Памяти" Сычева. Этот альянс образовался с ведома и по инициативе представителей правительства СССР (в том числе председателя Верховного совета СССР А. Лукьянова). В создании нового партийного союза приняли участие все представители Центристского блока.

Однако создание блоков и альянсов не означает достижения консенсуса в демократическом движении в целом. Состоявшийся в октябре 1990 г. съезд движения Демократическая Россия не смог объединить присутствовавших на нем партий и движений. Неоднократно заявляли о своем неприятии попыток втянуть демократическое движение в жесткие организационные рамки лидеры Христианско-демократического движения, Демократической партии России и других организаций. Конфликты возникали также внутри самих партий. Очевидно, период существования протопартийных структур и реальной парламентской деятельности вызывает кризис, и при отсутствии четко сформулированных политических и экономических программ ведет к межличностным конфликтам на уровне лидеров.

Наконец, осень 1990 г. ознаменовалась реорганизацией Демократической платформы вне КПСС в Республиканскую партию Российской Федерации. В отличие от других партий, она обладает определенной инфраструктурой на местах, основу которой составляют бывшие первичные организации КПСС. Как показывают последние социологические опросы населения и соотношение представителей новых партий в органах власти, Республиканская и Демократическая (Травкина) партии и Российский христианско-демократический союз являются основными политическими структурами, определяющими развитие многопартийности в России.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ (ДПР)

26—27 мая 1990 г. в Москве состоялась конференция представителей 99 городов и 85 областей РСФСР, на которой была учреждена Демократическая партия России (ДПР). Численность — около 10 тыс. человек. Печатный орган — еженедельники "Демократическая Россия" и "Свобода".

Демократическая партия России — наиболее левая из демократических партий. В идеологии сильны популистские элементы. Основная идея — создание рынка при сохранении и даже увеличении социальных гарантий. Программа представляет собой набор общедемократических требований.

Конференцию подготовил оргкомитет, образованный из представителей Межрегиональной группы, депутатов блока "Демократическая Россия", вышедших и исключенных из рядов КПСС сторонников Демократической платформы, активистов объединений избирателей, членов различных профессиональных, общественных и политических организаций. На конференции было избрано временное руководство партии. Намечено подготовить и провести в конце октября 1990 г. I Съезд Демократической партии России.

Учредительный съезд избрал правление партии, сопредседателей и председателя, которым стал народный депутат СССР и РСФСР Николай Травкин.

Основными принципами ДПР, обозначенными в декларации и программных тезисах, является примат производства над распределением. Среди основных целей ДПР — воссоздание российской государственности в форме демократической республики, консолидация всех демократических сил в борьбе за устранение аппарата КПСС от власти, принятие новой конституции России, соответствующей Всеобщей декларации прав человека и международным правовым актам, децентрализация государственного управления на основе народовластия, интегрирование России в экономическую систему мировых хозяйственных связей.

В декларации и программных тезисах ДПР содержатся требования: возрождение российской государственности в форме суверенной демократической федеративной республики с многопартийной системой; сокращение расходов на военные и другие строительства; пересмотр государственных программ и затрат; принятие программы социальной защиты; передача собственности на землю и произведенные на ней продукты крестьянским хозяйствам; привлечение иностранного капитала для повышения жизненного уровня населения; перестройка органов государственного управления и придания им функции лишь предварительного планирования; юридическое разграничение и законодательное закрепление государственной (республиканской) и муниципальной собственности; полная инвентаризация основных государственных фондов, после завершения которой вся собственность (кроме личной и кооперативной), предназначенная для производства товаров и услуг, поступает на аукционную продажу.

В программных тезисах указывается на необходимость введения единого налога на социальное страхование как единственного источника средств социального обеспечения со стороны государства. Максимальная суммарная ставка на прибыль предприятия и на индивидуальный заработок должны быть примерно равны и не превышать 30—35%.

ДПР указывает на необходимость поворота общественного мнения к предпринимательству как главному источ-

нику повышения благосостояния народа. ДПР признает за автономными национально-государственными образованиями ту степень суверенитета, которую они сочтут необходимой; поддерживает стремление народов и этнических групп России к национально-культурной самобытности и автономии. ДПР выступает за консолидацию общества на основе общечеловеческих ценностей и приоритета прав личности, взаимное уважение национальных культур, обычаев, верований, приоритетное развитие программ по охране окружающей среды, деидеологизацию образования и культуры.*

По инициативе председателя ДПР Н. Травкина в сентябре 1990 г. была создана коалиция ДПР-СДПР-ДПРФ. ДПР издавала крупнейшую из независимых газет "Демократическая Россия" (тираж 3 млн. экземпляров), однако после исключения из партии издателя газеты Георгия Хаценкова "Демократическая Россия" перестала быть партийной газетой.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Образована в августе 1989 г. Численность — около 5 тыс. человек. Пользуется некоторой поддержкой в Сибири, на Урале, в некоторых регионах Украины. Председателем партии был долгое время Ростислав Семенов. В августе 1990 г. он был исключен из партии и было введено сопредседательство.

Демократическая партия — крайне правая из демократических партий. В отличие от Демократической партии России, не склонна к популизму. Стремится выразить интерес мелкого бизнеса и фермерства. Выступает за рынок без ограничений.

На Учредительном съезде были приняты устав, программа партии, обращения к гражданам СССР и соотечественникам, проживающим за рубежом, утверждены "нравственные принципы внутрипартийных взаимоотношений", проведе-

* "Демократическая Россия" Приложение I, июнь 1990 г.

ны выборы руководящих органов партии. В соответствии с программой, ДПСС выступает за "осуществление последовательной демократизации различных сфер жизнедеятельности общества, создание правовой защищенности различных форм собственности, свободу конфессий и религиозных проповедей". Одной из основных задач своей деятельности ДПСС считает содействие развитию кооперативного движения, выступает за активное использование иностранного капитала в экономике страны.

В своей деятельности ДПСС предполагает "выражать интересы различных категорий предпринимателей (кооператоров, лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, фермеров), "интеллигенции", стремится опираться на "сознательные слои" рабочего класса. ДПСС выступает за "консолидацию всех демократических сил страны, включая и прогрессивные круги КПСС. Члены ДПСС считают себя "оппозиционной", но не альтернативной КПСС партией".*

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Образован в мае 1988 г. Численность около 5 тыс. человек. Руководящий орган — координационный совет. Основные центры — Москва, Ленинград, Новосибирск. Печатный орган — газета "Свободное слово". Наиболее известный лидер московской организации — диссидентка Валерия Новодворская.

Демократический союз, в соответствии с европейскими политическими оценками, — популистская партия. ДС выступает за полный набор демократических свобод, ничем не ограниченный рынок и одновременно усиление социальной защиты. По социально-политической ориентации близок к социал-демократии и демократическим партиям, но радикальнее их по методам. Основные программные положения — "требования реальной многопартийности, легальной деятельности оппозиционной прессы, свободы деятельности независимых профсоюзов;

* "ДПСС. Сборник программных документов".

законодательное закрепление равноправия всех секторов экономики и видов собственности;

создание эффективного механизма социальной защиты, включая гарантированный прожиточный минимум;

деидеологизация государства, разделение властей, обеспечение на деле права наций на самоопределение, включая отделение;

отмена политических статей уголовного кодекса, освобождение и реабилитация всех политзаключенных (с компенсацией); создание (вслед за роспуском КГБ) подчиненного демократическим институтам ведомства по борьбе с терроризмом и попытками насильственного свержения конституционного строя;

снятие ограничений на передвижение внутри страны (отмена паспортного режима и прописки), свобода выезда за рубеж и возвращения обратно;

отказ от военной, политической и идеологической экспансии как основополагающий принцип внешней политики; возвращение на территорию страны всех советских войск, размещенных за рубежом;

радикальное сокращение военно-промышленного комплекса и численности армии до подлинно оборонных нужд; использование высвобождающихся средств на социальные программы; введение права на альтернативную гражданскую службу и сокращение срока службы с последующей отменой всеобщей воинской повинности и переходом к профессиональной армии;

принятие новой конституции страны на основе Всеобщей декларации прав человека.*

ПАРТИЯ "ЗЕЛЕННЫХ"

Объявлена в марте 1990 г. Партия зеленых "Зеленая альтернатива" — самая левая после ПРП крупная партия. От всех современных партий ее отличает поиск так называемого пути развития России. В интерпретации современных зеленых, таковым является коммунизм.

*Листовка. "Основные политические принципы ДС"

Зеленые — принципиальная альтернатива по отношению ко всем традиционным партиям. Они стремятся к созданию общества, которое ориентирует свое развитие на гармонию между человеком и природой, а также на индивидуальную и социальную сущность человека. Зеленые полагают, что необходимо основополагающее изменение политики, проводившейся до сих пор. "Мы выступаем против неуважения прав человека, голода и нищеты, обострения кризисов окружающей среды и военно-политической конфронтации". Зеленые считают, что для этого срочного поворота необходима мобилизация всех экологических и демократических сил в парламентской и внепарламентской сферах. Цели партии зеленых — преодоление общественных отношений, в которых недальновидное мышление, ориентированное на безудержный рост производства, идущий на пользу лишь части населения, имеет приоритет перед экологическими, социальными и демократическими жизненными потребностями человечества. Путь к этой цели идет через преобразование экономической, социальной, государственно-политической и духовной жизни общества. Основное направление обновления должно быть экологическим, социальным, базисно-демократическим и отмеченным правом на самоопределение человека.

Организационными принципами Партии зеленых являются:

базисная демократия; федерализм;

обязательность решения базиса для всех лиц, занимающих посты в партии и представляющих ее в законодательных органах; регулярная отчетность их перед базисом и сменяемость в любой момент (императивный мандат);

ротация всех лиц, занимающих выборные посты;

гласность и открытость работы всех организаций и органов партии, добровольность выполнения меньшинством принятых решений при обязательном соблюдении устава, причем меньшинство имеет право выступать от собственного имени, а не от имени партии.*

* "Третий путь", № 8—9, май—июнь 1990.

КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (ПАРТИЯ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ)

Образована в мае 1990 г. в Москве. Численность около 300 человек. Руководящий орган — политкомитет. Откололась от Союза конституционных демократов.

Конституционно-демократическая партия находится в правом центре политического сектора. Строго придерживается программы кадетской партии образца 1918 г. и считает себя ее правопреемницей. В отличие от Партии конституционных демократов, делает ставку не на возрождение "профессорской" партии, но на представительство интересов интеллигенции и экономических кругов перед властью. Планирует играть роль конструктивной оппозиции. Обеспечивающей диалог между властью и прогрессивными силами государства.

Учредительный съезд избрал временный центральный комитет и председателя партии, которым стал лидер "традиционистского" направления в Союзе конституционных демократов Георгий Дерягин.

Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы) считается восстановленной, поскольку она никогда не заявляла о самороспуске. До созыва очередного (после почти семидесятилетнего перерыва) съезда партии будет действовать устав 1906 г. и программа, принятая УИ съездом в марте 1917 г., дополненная оригинальной концепцией приватизации экономики. Вошла в союз "малых партий" *

ПАРТИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Создана в мае 1990 г. в Москве на базе части созданного ранее Союза конституционных демократов. Численность — около 500 человек. Печатный орган — газета "Гражданское достоинство". Лидер партии — Виктор Золотарев. Партия делает ставку на возрождение интеллигентской, "профес-

* "Коммерсант", № 20, май 1990.

сорской" партии. Партия конституционных демократов — левая по отношению к правому центру. Традиционная программа кадетов образца 1918 г. осовременена за счет введения ряда демократических элементов. Соответственно расположена левее Конституционно-демократической партии, остановившейся на традиционном варианте кадетской программы. К теоретическому наследству дореволюционной партии кадетов склонна относиться творчески, считая многое устаревшим. В программе содержатся следующие требования:

 "осуществление в полной мере всех прав и свобод личности, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека;

 восстановление права частной собственности на любые виды материальных ценностей для каждого гражданина;

 восстановление права на свободную предпринимательскую деятельность в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг, любой другой области деятельности;

 обеспечение гражданам права на уведомительный порядок регистрации политических партий и других общественных ассоциаций; обеспечение гражданам реальных гарантий свободы слова и печати;

 разработка и принятие новой конституции;

 деидеологизация государства и экономики, деполитизация армии и правоохранительных органов;

 конституционное закрепление принципа разделения властей, создание института конституционного суда.

Партия кадетов выступает за "децентрализацию государства с преобразованием его в союз добровольно-территориальных образований, правовые отношения которых закрепляются конституцией, а также за культурную автономию дисперсно проживающих национальных групп с образованием общинного представительского собрания.

Партия конституционных демократов видит свою историческую задачу в активном участии в процессе экономического, политического и духовного возрождения страны на основе принципов гуманизма, открытой и честной соревновательности.

Основываясь на примате законности, партия конституционных демократов встала на путь восстановления утраченной вследствие государственного переворота 25 октября 1917 г. преемственности и легитимной власти". *

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Образована в марте 1990 г. в Москве. Численность — около 15 тыс. человек. Руководящий орган — Центральный комитет. Печатный орган — газета "Речь". Председателем партии избран 43-летний юрист Владимир Жириновский.

Либерально-демократическая партия — партия правого центра. Претендует на роль партнера КПСС в перестройке. Обозначенной в программе целью партии является создание правового государства.

В программе разработана система органов государственной власти и управления, которые должны быть созданы в случае победы ЛДП в парламенте. "Высшим органом является Государственное собрание (парламент) в составе 500-700 депутатов. Депутаты избираются на срок 5 лет, не более двух сроков подряд". В программе указывается, что "все виды собственности имеют одинаковые конституционные гарантии. Полная свобода для предпринимательства в любых формах и видах, свобода рыночных отношений". "Все доходы распределяются главным образом через заработную плату. Общественные фонды создаются на минимальном уровне для обслуживания инвалидов войны и труда".

ЛДП выступает за подтвержденную законом многопартийность. Программа ЛДП настаивает на деполитизации личного состава армии, милиции и органов безопасности, утверждает добровольный принцип комплектования армии. ЛДП будет добиваться провозглашения Россией и будущим союзным государством принципа нейтралитета, выхода из всех военных блоков, развития торговли и культурного сотрудничества со всеми государствами, независимо от их

* "Гражданское достоинство", № 21, июнь 1990 г.

политического режима; исключения любого вмешательства во внутренние дела других стран.

В августе-октябре 1990 г. ЛДП являлась стержнем центристского блока. В октябре 1990 г. произошел раскол, в результате которого образовались две Либерально-демократические партии во главе с председателем В. Жириновским и во главе с бывшим заместителем председателя В. Богачевым. Последняя объявила себя "оппозиционной" по отношению к КПСС; партия Жириновского подписала соглашение о союзе "малых" партий.

ЛИБЕРТАРИАНСКАЯ ПАРТИЯ

Партия образована 16 июля 1990 г. В Либертарианскую партию входит сейчас около 200 человек. Председателем партии избрана Евгения Дебрянская.

Либертарианская партия формально находится на левом фланге, рядом с зелеными. Однако, в отличие от левых, считает необходимым развитие рыночных отношений и ориентируется на западную модель демократии. В соответствии с программными тезисами, партия выступает за последовательную дезинтеграцию советской империи и поддерживает образование самостоятельных либертарианских партий в республиках (первая из них уже создана в Азербайджане). В ее программу входят требования легализации торговли наркотиками, сексуальной эмансипации общества. В программных тезисах указана также защита прав детей (каждый ребенок имеет право обжаловать в суде жестокое обращение со стороны как отдельных граждан, так и своих родителей), а также прав животных — животные должны быть реально ограждены законом от жестокого обращения ("зоопарки в их сегодняшнем виде являются концентрационными лагерями").

По словам лидера партии Евгении Дебрянской, важным направлением деятельности либертарианцев станет борьба за введение альтернативной воинской службы и освобождение "узников мира".

Коллективным членом партии является Ассоциация сексуальных меньшинств. Эта ассоциация — организация, занимающаяся защитой прав людей с нестандартной сексуальной ориентацией, выступающая за отмену статьи 121-1 Уголовного кодекса, которая запрещает гомосексуальные контакты, совершаемые по обоюдному согласию (срок — до 5 лет). Методы борьбы — кампании протеста, письма в адрес Горбачева.

В декабре 1990 г. партия объявила о переходе на нелегальное положение.

МАРКСИСТСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ — ПАРТИЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Создана в марте 1990 г. в Москве. Численность — около 8 тыс. человек. В создании партии приняли участие рабочие, представители крупных промышленных центров страны — Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Свердловска, Риги, Магнитогорска, Минска, Кишинева и др. (всего 60 городов). Они избрали руководящий коллективный орган — Совет партии — из 9 человек.

Марксистская рабочая партия в данный момент самая левая из значительных политических партий. Ориентируется на коммунистическое будущее, защищает интересы рабочего класса. Новых марксистов отличает неприятие террористических методов.

МРП "во главу угла ставит интересы рабочего класса, который фактически отстранен от управления государством. Именно рабочие, составляющие большинство в стране, должны возглавить борьбу крестьянства и прогрессивной интеллигенции за искоренение всех форм эксплуатации со стороны многомиллионного чиновничества и молодой советской буржуазии". МРП-ПДП понимает диктатуру пролетариата как демократию для большинства народа. Партия выступает за "действительное рабочее самоуправление, организацию рабочих советов (комитетов) с широкими политическими и экономическими правами, отмену системы

норм и расценок, за распределение по труду". МРП-ПДП убеждена в том, что свободный рынок, который предлагается стране нынешним руководством, ведет к обнищанию трудящихся. МРП-ПДП выступает за "пролетарский интернационализм, за единство рабочих, трудящихся всех национальностей и республик".

Партия блокируется с Союзом коммунаров — троцкистской организацией и с партией зеленых, отчасти с Социалистической партией. Они образуют так называемый Лево-радикальный блок.*

ПАРТИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Партия создана в марте 1990 г. в Свердловске. Устав и программа ПВР приняты на II съезде в мае 1990 г. Тогда же избран новый председатель партии, известный ленинградский воин-интернационалист, специалист по борьбе с сионизмом Александр Захарович Романенко.

Партия возрождения России — наиболее правая из крупных партий. Прямая наследница "Памяти". В отличие от черносотенных партий 1917 г., монархические элементы отсутствуют, их заменяет сталинизм. Основные идеи программы ПВР: сохранение единства России в границах 1945 г., территориальное равенство России — СССР; необходимость борьбы с наступлением капитализма, который Партия возрождения России отождествляет с сионизмом. Партия возрождения России не принимает в свои ряды граждан "сионистской национальности". Партия возрождения России допускает принадлежность своих членов к КПСС.**

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ

Создана 17 ноября 1990 г. на базе Демократической платформы — одной из наиболее крупных общественно-политических организаций страны.

*Программное обращение съезда МРП-ПДП, апрель 1990 г.

**Программные положения цитированы по сообщению информационно-исследовательского центра Службы ежедневных новостей от 27 мая 1990 г.

У истоков ДП стоят появившиеся в 1987-1988 гг. партклубы-объединения членов КПСС, пытавшихся реформировать партию "изнутри". С этой целью составлялись обращения к XIX партконференции, XXVIII съезду КПСС, создавались параллельные структуры управления в компартии. Члены ДП настаивали на отказе от принципа демократического централизма и территориально-производственного признака в формировании первичных структур. До XXVIII съезда КПСС организация носила название "Демократическая платформа в КПСС"; после съезда начался массовый выход сторонников ДП из компартии.

В декларации РПР отмечаются следующие ближайшие цели:

- 1) Поддержка основных направлений экономической программы российского правительства и готовность содействовать ее воплощению в жизнь;
- 2) прекращение полномочий народных депутатов СССР;
- 3) замена союзного правительства на межреспубликанский комитет, члены которого делегируются непосредственно республиками.

РПР провозгласила основной идеологией экономической политики прагматизм.

Среди лидеров РПР — народный депутат СССР Степан Сулакшин, народный депутат РСФСР Владимир Лысенко, бывший ректор Московской партшколы КПСС Вячеслав Шостаковский и другие члены бывшего Координационного совета Демплатформы.

РОССИЙСКАЯ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

По политической ориентации Российская христианско-демократическая партия принадлежит к так называемой левой христианской демократии. Программные положения незначительно отличаются от ХДСР. РХДП образовалась в мае 1990 г. в результате выделения из ХДС группы Александра Чуева. Печатный орган партии — "Вестник христианской демократии".

Политические принципы РХДП:

1) "Российская христианско-демократическая партия (РХДП) — народная партия России, движимая в своей деятельности духовными и нравственными идеалами Евангелия, данного Господом нашим Иисусом Христом". Исходя из христианской концепции человеческой личности, РХДП ставит во главу своей политики защиту ее свободы и суверенитета.

РХДП отстаивает основные ценности христианской культуры;

2) Своей целью РХДП ставит духовное, политическое и экономическое возрождение России посредством создания общественно-политической системы, основанной на принципах христианской демократии, что включает в себя:

— деидеологизацию государства через равноправие всех идеологий, кроме призывающих к насилию;

— парламентскую демократию через разделение законодательной, исполнительной и судебной властей;

— приоритет прав личности перед интересами государства;

— безусловное обеспечение гражданских прав и свобод;

— гарантированное обеспечение права наций на самоопределение, включая отделение, создание суверенной парламентской России;

— свободу вероисповеданий, миссионерства, религиозного образования и воспитания;

— обеспечение материального благополучия общества путем создания многоукладной рыночной экономики, базирующейся на различных видах и формах собственности;

— отказ от военной и политической экспансии и насильственной идеологизации.

РХДП выступает за конструктивное сотрудничество со всеми демократическими силами как внутри страны, так и за рубежом. *

* "Вестник христианской демократии", № 13, июнь 1990.

РОССИЙСКОЕ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Образовалось в апреле 1990 г. в Москве. Численность — около 10 тыс. человек. Руководящие органы — Дума и три сопредседателя. Один из трех — народный депутат РСФСР философ Виктор Аксюциц.

Христианско-демократическое движение — партия правого центра. Выступает за сильное государство, "самоуправление граждан на основе союзов". В политическом спектре стоит правее кадетов. Печатные органы — газета "Путь", журнал "Выбор".

В соответствии с программой, РХДД выступает за подготовку и созыв Всероссийского земского собора, который "призван восстановить прерванную революционным переворотом преемственность законной верховной власти в России". РХДД считает "наиболее жизнеспособной для России президентскую республику, где президент избирается всенародным и тайным голосованием". Власть президента должна быть ограничена проведением принципа разделения властей, а также местным и общественным самоуправлением. РХДД считает необходимой "борьбу за полный отказ от коммунистической идеологии как официальной идеологии государства", "отказ от политики государственного атеизма, от любых идеологических и партийных структур в государственных учреждениях, на промышленных предприятиях".

Партия будет способствовать "творческому строительству гражданского общества, основанного на самоуправлении свободных граждан и их союзов", "становлению правового государства", поддерживать "воспитание путем просветительства в российских гражданах творческого правосознания, формирование независимых культурных, общественных, профессиональных организаций", способствовать "поэтапному переходу от всеобщей воинской обязанности к профессиональной армии".

Партия выступает за прекращение любых видов помощи террористическим тоталитарным режимам; за независимость судебной власти; восстановление российской национальной государственной символики, возвращение исторических названий населенным пунктам и улицам; за последовательное проведение принципа отделения церкви от государства и невмешательства государства в дела церкви; деидеологизацию экономической политики государства.

Для восстановления народного хозяйства, как указывается в программе РХДД, "необходимы децентрализация экономики и переход от "плановой" к социальной рыночной экономике, обеспечение всем российским гражданам достойного человека прожиточного минимума, создание свободных профсоюзов, гарантии прав национальной автономии". Все национальные меньшинства должны иметь равные возможности развития самобытной культуры, изучения родного языка в учебных заведениях.

РХДД считает, что "органичным для Российского государства явилось бы разнообразие национально-автономных государственных форм: федеративных, конфедеративных и иных".

Партия принципиально отличается от других возможностью двойного членства: членом РХДД может стать как тот человек, который поддерживает политическую программу РХДД, так и тот, кто разделяет только общегуманитарную Декларацию движения. Это создает хорошо организованное партийное ядро и широкое христианско-демократическое движение вокруг него, дающее РХДД массовую поддержку. РХДД — вторая после СДПР партия по числу представителей в Советах разных уровней. РХДД неохотно вступает в альянсы с другими партиями и политическими силами, так как ее лидеры склонны считать, что большинство партий, в отличие от РХДД, еще не оформились. В отличие от них, в РХДД до сих пор не было ярко выраженных конфликтов, могущих привести к расколу партии.*

* "Основные положения политической программы РХДД".

СВОБОДНАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

8—9 июля 1990 г. в Ленинграде состоялась Северо-Западная региональная учредительная конференция Свободной демократической партии (СДП). Была принята учредительная декларация, одобрен устав, выбраны руководящие органы регионального отделения СДП.

Свободная демократическая партия — центр Демократической группы партий. По программным установкам близка к конституционной демократии. От лево-популистской Демократической партии России отличается полным неприятием социалистической идеологии. Осознает себя в традиционной роли кадетской партии 1917 г., добившейся смычки между правительством, интеллигенцией и бизнесом, однако в 1917 г. стояла бы левее кадетов.

Идея создания Свободной демократической партии возникла в мае на учредительной конференции Демократической партии России (ДПР). В знак протеста против "диктатуры Травкина" несколько десятков делегатов конференции покинули зал заседания. Среди них оказались и члены оргкомитета ДПР народные депутаты РСФСР Лев Пономарев и Марина Салье. Они приняли решение не вступать в ДПР и начать работу по созданию другой партии — СвДП. В работе учредительной конференции приняли участие 136 делегатов из Ленинграда, Новгорода и Пскова.

Основные цели СвДП — духовное и экономическое возрождение России, создание гражданского общества и правового государства. СвДП выступает против теории и практики КПСС, социальные эксперименты которой стоили народам СССР десятков миллионов жизней. Партия готова взаимодействовать со всеми другими демократическими партиями.

СвДП отличается

— от Социал-демократической партии отсутствием каких-либо социалистических целей в программных документах;

— от Демократической партии России (ДПР), возглавляемой Н.И. Травкиным, неприятием авторитаризма и жесткого централизма в организационных структурах. Выступает за созыв учредительного собрания, против коллективного членства.

За период по ноябрь месяц численность рядов росла медленно. Опора в Москве и Ленинграде — клубы избирателей, раскалывающиеся по принципу близости к тем или иным лидерам. Наиболее серьезной силой СвДП обладает в Ленинграде, в провинции малоизвестна.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Создана в июне 1990 г. в Москве. Численность около 1,5 тыс. человек. Социалистическая партия относится к так называемому левому блоку. В политическом спектре стоит правее зеленых и левее социал-демократов. Признает эффективность социалистического пути. Главная идея — муниципализация собственности и передача власти местному самоуправлению в лице Советов.

Учредительный съезд принял программу партии, в которой определены ее задачи и практические пути их реализации. В соответствии с программой, "важнейшей задачей структурной перестройки является создание внутреннего рынка в стране". "Первым шагом на пути к этому должно быть введение политики государственного протекционизма". "Одновременно должно последовать замораживание капиталов крупных частных и совместных предприятий с последующей их передачей в ведение тех или иных форм общественного управления и юрисдикции". Социалисты выступают против интеграции в мировой рынок, но не хотят, чтобы страна жила по принципу: "им — доходы, нам — отходы".

Практические действия, намеченные в программе партии, предполагают программы прямого сотрудничества со странами "третьего мира". В программе указывается на необходимость создания новых отраслей и предприятий

при одновременном свертывании производства, сокращения рабочих мест в ряде старых производств, а также борьбы с монополистическими тенденциями в экономике. "Для повышения ответственности и дополнительной социально-психологической стабилизации должен быть введен запрет на простое увольнение человека с производства".

Социалистическая партия считает, что "улучшение ситуации в сельском хозяйстве должно быть достигнуто прежде всего за счет организационной перестройки при минимальных капиталовложениях непосредственно в производство". Социалисты считают неизбежным наличие смешанной экономики, но настаивают на стимулировании ее общественных форм. Социалистическая партия считает необходимым "отменить все льготы, предоставляемые совместным предприятиям, основанным в стране зарубежными фирмами; уравнивать в правах предприятия, принадлежащие государству (Советам) с кооперативными и смешанными предприятиями, предоставив общественному сектору возможность равноправной конкуренции с частно-кооперативными и смешанными предприятиями".

Программа партии предполагает передачу государственных предприятий в собственность Советов различных уровней. Согласно программе Социалистической партии, "самоуправление как источник инициативы снизу может стать реальным фактором экономического обновления". Социалисты выступают за "свободные, прямые и равные выборы в Советы, в руках которых должна находиться вся полнота власти. Структура Советов должна быть радикально изменена. Правительство должно формироваться партией или коалицией партий". Осуществление прав граждан должно гарантироваться независимостью от власти системы судебных органов.

Социалистическая партия выступает за новую федерацию, основанную на союзном договоре, за культурно-национальную и территориальную автономию и за полное равноправие всех наций и народностей.*

** "Путь к свободе" — программа Социалистической партии.*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Образована в мае 1990 г. в Москве. Численность — 4,5 тыс. человек. Руководящие органы — правление и президиум. Местные отделения партии открыты более чем в 50 городах. Печатный орган — газета "Альтернатива".

Социал-демократическая партия России старается соответствовать принципам классической социал-демократии. Политическая позиция — в центре, правее социалистов и левее демократов. Выступает за реформистский путь развития общества в сочетании с умеренными социальными гарантиями (в основном за счет ставки на парламентский метод деятельности и сильное государство).

Учредительный съезд принял лишь декларацию и устав, однако очевидно, что СДПР является скорее традиционной социал-демократической партией не в российском понимании, а в западноевропейском. Опирается на техническую интеллигенцию и квалифицированных рабочих. Имеет самую сильную парламентскую фракцию в Верховных Советах СССР и РСФСР — 70 и 50 человек соответственно. Руководящие органы — правление и президиум. Тремя сопредседателями партии стали народный депутат СССР Александр Оболенский, народный депутат РСФСР Олег Румянцев и историк Павел Кудюкин.

Программная декларация СДПР содержит определение социал-демократии как последовательно реформаторской партии. "... Наши духовные источники — лучшие черты российской социал-демократии, традиции демократического движения страны, теоретическое и практическое наследие".

В декларации указывается, что "СДПР выступает за трезвый и деликатный подход к традициям различных социальных, культурных и национальных групп. СДПР — партия гуманистического интернационализма, гражданского мира и межнационального согласия". "СДПР будет работать над

тем, чтобы сделалось невозможным подавление общества и личности государством... СДПР будет добиваться необратимости прав личности через их прочную законодательную защиту... СДПР будет бороться с любыми попытками насильственной ломки национальной или социальной культуры и против искусственного навязывания традиционных культур... СДПР приложит усилия к возврату России в число равноправных и свободных членов мирового цивилизованного сообщества".

Согласно декларации, партия выступает за "неотчуждаемость прав личности на самостоятельную общественную, политическую, интеллектуальную и хозяйственную инициативу; неотчуждаемость прав гражданина на владение имуществом, право на свободный труд и коллективную социальную защиту через свободные от государства (и от любых видов нанимателей) профсоюзы; ориентируется на защиту и восстановление природной среды обитания человека на основе социально и экономически сбалансированных мероприятий".

СДПР ориентируется на политику широкой и свободной самоорганизации и муниципальное самоуправление.

В декларации отмечалось, что СДПР будет бороться за деидеологизацию всего государственного аппарата, вооруженных сил, органов госбезопасности и внутренних дел. СДПР вступила в коалицию СДПР-ДПР-ДПРФ.*

ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ РОССИИ

ХДС России — вторая по величине христианская партия в стране после РХДД. Оформилась в марте 1990 г. Руководящий орган — Собор (съезд). Председатель — Александр Огородников.

Христианско-демократический союз России — основная

* "Социум", № 1, май 1990.

партия так называемого левого христианского демократического блока. Придерживаясь традиций религиозного диссидентского движения 60—70-х годов, выступает за традиционные демократические свободы, деполитизацию государства, разделение властей. Может выступить в блоке социал-демократией.

1) "ХДС России — политическая организация, опирающаяся в своей деятельности на мировоззренческий и нравственно-этический фундамент, заложенный в Евангелии, данном Господом нашим Иисусом Христом. Во главе политики ХДС России стоит человек. Мы обращаемся к достоинству человека, его свободе и суверенитету личности как образу и подобию Божию";

2) ХДС России выступает за основные ценности христианской культуры — любовь, свободу, милосердие и соборность;

3) ХДС России ставит своей целью духовное возрождение России; выражение интересов христиан независимо от их конфессии, защиту их образа жизни и гражданских прав; построение правового демократического государства, исходя из принципов христианской демократии, что включает в себя:

— деидеологизацию государства, равноправие всех идеологий, кроме призывающих к насилию, религиозной или национальной вражде или оправдывающих их;

— парламентскую демократию, многопартийную систему, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, свободные выборы;

— приоритет прав личности перед интересами государства как основной принцип правовой системы;

— безусловное обеспечение гражданских прав: свободы слова, печати, организаций, собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, паломничества, эмиграции, выбора мест жительства, движения людей и идей;

— обеспечение права наций на самоопределение, включая отделение; создание суверенной парламентской России;

— свободу вероисповедания, миссионерства, религиозного образования и воспитания, доступа верующих к средствам массовой информации и владение ими.

Программа ХДС России предусматривает:

1) Признание примата прав личности: права личности выше прав каких-либо коллективов, партий, государства;

2) отсутствие упоминания о социализме (христианская демократия — несоциалистическая идеология);

3) требования реальной свободы совести, свободы проповеднической, просветительской и благотворительной деятельности церкви. Требование, чтобы государство признало необходимость компенсировать церкви и верующим нанесенный им в годы гонений моральный и материальный ущерб;

4) патриотический призыв к национальному возрождению России через нравственное обновление, через обращение к накопленным нашими предками духовным сокровищам. В этом отношении христианская демократия противостоит "Памяти", которой показной русский патриотизм нужен только для отвода глаз от большевиков — единственных виновников беды нашего народа;

5) отсутствие образа врага. Отсутствие ненависти, в отличие, скажем, от программы "блока патриотических движений". Здесь господствует правило: хвали, не хуля;

6) все положения своей предвыборной платформы христианские демократы выводят из Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа".

В последнее время ХДС активно устанавливает контакты с Западом, проводит в жизнь благотворительные программы: бесплатные столовые, раздача одежды неимущим и т.д.

РЕЙТИНГИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Говоря о рейтингах политических партий в 1990 г. в связи с их представительством в выборных органах власти, нельзя провести прямых аналогий с 1917 г. Прежде всего, выборы в

Советы всех уровней были проведены еще до того, как большинство партий объявило о своем существовании. Соответственно, выборы проходили не по партийным платформам. В подавляющем большинстве случаев образующиеся парламентские фракции возникают в ходе решения некоторых конкретных проблем, а не в силу принадлежности депутатов к той или иной партии. Например, в ряде регионов страны сейчас пользуются большим влиянием в Советах депутаты-экологи, однако это вовсе не означает, что они непременно являются членами партии зеленых.

Таким образом, каждая партия в отдельности пока не представляет реальной силы в каком-либо органе власти. Кроме того, практически все партии еще только выработывают конкретные политические и экономические программы и пока что говорить о борьбе партий, предлагающих разные правительственные программы, не приходится.

И, наконец, политическая ситуация в провинции отстает от центральных районов страны на один-два года. В большинстве областных, краевых и других центров новые партии находятся в стадии организации.

Проанализируем составы Советов крупнейших центров страны — Москвы и Ленинграда.

Из 498 мест в Моссовете 380 принадлежит фракции Демократическая Россия. Фракция объединяет активистов демократического движения, членов Московского народного фронта, социалистов, кадетов и представителей Партии городских и сельских хозяев. В рамках фракции Демократическая Россия образована Либерально-демократическая группа, включающая представителей объединения "Московская трибуна", Российского народного фронта, кадетов и др.

Депутаты, стоящие на платформе КПСС, объединены в группу "Москва" (94 человека). Существуют также группы: "Отечество" из 10 человек, представляющая блок патри-

отических общественных организаций, и группа "независимых депутатов" (14 человек). В состав Моссовета также входят два депутата, представляющие Союз христианского возрождения и выступающие за "народную монархию".

В Ленсовете, состоящем из 400 депутатов, около 100 человек поддерживают платформу Ленинградского народного фронта. Фракция "Возрождение Ленинграда", выражающая позицию коммунистов и их сторонников, насчитывает 50 человек, примерно столько же "независимых депутатов". Остальные депутаты разбиты на более мелкие группы, поддерживающие по разным вопросам ту или иную фракцию.

В Ленсовете представлены: Либерально-демократическая партия, Молодежная либерально-демократическая партия, Демократический союз, Свободная демократическая партия и некоторые другие.

Ситуация в провинции, как правило, характеризуется общедемократическими, а не партийными фракциями в местных Советах. Наиболее популярными из партий являются ДПР и СДПРФ. В связи с массовым выходом из КПСС хорошая социальная база могла бы быть у СДПРФ, но около 70% вышедших из КПСС (особенно рабочие) не хотят вступать ни в какие политические партии.

Как правило, представительство новых политических партий в провинциальных Советах ограничивается единичными депутатами, так как местные отделения партий находятся в стадии формирования.

НЕЗАВИСИМЫЕ ЭКСПЕРТЫ О МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Андрей Фадин, заведующий отделом политики газеты "Коммерсантъ"

СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

* * *

Становление многопартийности в Советском Союзе на рубеже 1980-х — 1990-х годов реализует некоторые исторические закономерности в развитии страны, и в этом смысле многопартийная система носит характер исторической неизбежности — при победе реформистской альтернативы развития, конечно.

Социокультурная нивелировка общества, целенаправленно и последовательно проводимая тоталитарным режимом на протяжении более чем 30 лет, не могла не привести к уничтожению в стране всех сколько-нибудь политических активных социальных групп, любых культурно автономных от государства "групп сознания". С этой точки зрения итоги функционирования тоталитарной модели были абсолютно успешны: исчезли не только старые дореволюционные партии, не только партии революции и фракции в победившей партии, но и сами социокультурные группы, интересы которых эти партии могли бы потенциально выражать и защищать.

Однако индустриализация, идеологически обоснованная противостоянием с Западом, постоянные усилия режима по воспроизведению хотя бы военно-технических элементов западной цивилизации объективно работали на разрушение идеально управляемого социального монолита. Многочисленные служебно-профессиональные касты начали возникать внутри и на периферии правящего класса номенклатуры уже после войны. Начало ядерной, а затем и ракетно-космической гонки, потребовавшей не просто напряжения сил, а создания иной структуры производства и

инного работника, вызвали скачкообразное усложнение социально-профессиональной структуры общества в 1960-е годы

В свою очередь, это не могло не привести к неизбежной социокультурной плюрализации советского общества, зарождению в нем структур и механизмов гражданского общества

Именно этот процесс плюрализации, затронув сначала профессиональные и бытовые стороны жизни, а затем сферу социальных интересов и сознания, заложил основы той латентной скрытой многопартийности, которая де-факто сложилась в стране к середине 80-х годов. В этом смысле процесс "разбегания" ценностей и политических ориентаций начался еще в недрах сталинского монолита, приобрел характер необратимой общественной тенденции к концу после-сталинского тридцатилетия — и открыто проявился с началом перестройки. Необходимым условием "выявления неявного" стали три фактора: окончательный раскол правящего класса номенклатуры на "модернизаторов" и "иммобилистов", отключение механизмов репрессивного политического контроля и начала политики гласности.

Запуск этих трех факторов сделал выход латентной многопартийности на поверхность общественной жизни — неизбежным.

Материал, с которым имеет дело новая политическая система, отчасти заимствован из современного политического спектра Запада, отчасти — из отечественной традиции. При анализе нынешнего процесса становления многопартийности необходимо учесть несколько принципиальных положений.

Во-первых, наряду с системой координат европейской политической геометрии существует несводимая к ней специфическая российская. Различие российской и европейской систем координат относится к понятийной па-

ре: "левый — правый". В европейской традиции понятие "левый" связано с высокой ролью государства и госсобственности, социальной справедливости, которую должна гарантировать власть, с приоритетом стабильности над динамикой, надежности — над риском, социальной справедливости — над экономической эффективностью. С европейской точки зрения, шведское и немецкое социал-демократические правительства — левые, правительство Тэтчер — правое.

В России также существует эта шкала, но в общественном сознании существует и другая, в которой понятие "левые" связано не столько с содержательными моментами программы, сколько с отношением ее носителя к власти, к существующему режиму. И в этой системе координат, например, современный Демократический союз, отстаивающий традиционно противоположные "левым" ценности свободы собственности и предпринимательства, минимализацию государственного участия в социально-экономической жизни общества, воспринимается общественным мнением как "левый".

Таким образом, "левизна" в этой специфически российской (советской) шкале — это уровень отвержения существующей власти, синоним любого радикализма, что является следствием пути исторического развития России как "социума власти".

Во-вторых, слабая кристаллизация социальных интересов вообще делает образующиеся партии в значительной мере отражением не столько реальных социально-профессиональных, локальных или региональных групп, сколько отражением "групп сознания", объединенных вокруг определенных символов, лидеров, лозунгов. Анализ программ новых партий показывает, в частности, что различие их (особенно партий одного направления или претендующих на одно и то же наследие) минимально; между тем борьба между ними идет острейшая (например, между христианскими партиями или между партиями конституционно-демократическими).

Таким образом, речь идет не о борьбе за выбор альтернативы развития страны, а о складывании нормального политического рынка, о групповой борьбе за участие в новых структурах выборной власти.

В-третьих, новые партии не столько отражают кристаллизованные интересы социальных групп, сколько ищут группы, способные поддерживать их программы. Хотя, с другой стороны, выборы по партийным спискам, если они состоятся, изменят ситуацию существенно, поскольку необходимость соответствовать ожиданиям избирателя столкнется с необходимостью определения собственной, отличной от других партий физиономии.

* * *

Вячеслав Игрунов, Сергей Митрохин
(политологи)

АВТОРИТАРНЫЙ ВЫЗОВ: О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИИ

Игрунов: Прогнозировать становление многопартийной системы невозможно вне общего контекста развития политической ситуации. А политическое развитие сейчас в основном зависит от двух факторов: во-первых, каким образом будет проходить распад Союза и самоопределение республик, и, во-вторых, — насколько быстро и остро будет проходить экономическая реформа. Оба эти фактора определяют степень социальной стабильности, социального равновесия, от чего, в свою очередь, будет зависеть отношение населения к политике вообще и к отдельным партиям, в частности. Из этой ситуации и будут складываться политические предпочтения, отдаваемые населением различным лидерам и идеям. Сложность прогноза определяется тем, что развитие экономики на местах стимулирует национальные силы, которые начинают строить свою особую экономику; взаимодействие обоих факторов неизбежно — они так тесно переплетены, что проследить их значение в отдельности почти невозможно.

Одно из наиболее вероятных событий ближайшего времени — стремительное "очищение" национальных окраин от инородцев, внутрисоюзная эмиграция, а значит, — проблема беженцев. Разумеется, уезжать будут не все — казацкое население в Алма-Ате, например, никуда бежать не собирается и настроено достаточно агрессивно. Ясно, что при этом неизбежно развитие национализма и с той, и с другой стороны. Кроме того, "некоренным" нациям часто бежать просто некуда, на "исторической родине" их тоже никто не ждет. Осаждая правительственные комитеты в столицах, разбредаясь по родственникам и знакомым, самим своим существованием беженцы создают политическую проблему, которая будет усиливаться. При этом важно, что в соответствии со своим прежним социальным статусом беженцы будут постепенно проникать всюду, затрагивая все слои населения т.е. будут политизировать население в целом. Чрезмерная политизация — будь то из неприязни к беженцам или сочувствия к ним, охватив все слои населения, станет дополнительным фактором нестабильности и усилит тягу к авторитарной "сильной власти", которая способна решить возбуждающую всех проблему простейшим (т.е. насильственным) путем.

Поскольку в массовом сознании практически полностью сохранился менталитет, выработанный всей предыдущей историей, неизбежно будет расти сила и влияние авторитарных партий, авторитарных лидеров. Есть шансы на быстрый рост авторитета и влияния партии Травкина, который, несмотря на призывы к демократии, своей яростной борьбой с КПСС проявляет и стиль, и манеры истинного коммуниста весьма авторитарного толка. Велики возможности для роста политической популярности Российского христианско-демократического движения во главе с Виктором Аксюцием — тоже лидером весьма властным, авторитарным.

Поэтому чем свободнее будут следующие выборы, тем в большей мере именно авторитарные партии могут сыграть решающую роль в определении лица новой политической системы — роль, может быть, трагическую, демократическим путем восстанавливая тоталитарное мышление.

При этом стремительное развитие экономической реформы только подольет масла в огонь: быстрое имущественное расслоение без социальных гарантий со стороны государства, без развития благотворительных институтов только усилит кризис и тем вернее отбросит нас к авторитаризму. Может резко возрасти влияние партий "русской национальной идеи", а также отдельных лидеров из блока ОФТ-РКП — и из-за того, что люди со старым менталитетом, в том числе и пенсионного возраста, тоже включаются в политику. При свободных выборах в условиях бурного развития рынка представители блока ОФТ-РКП могли бы завоевать до 10-15% голосов избирателей, "патриоты" — до 10%.

Митрохин: Беженцы — серьезный политический фактор, но ростом национализма они угрожают в большей мере тем регионам, где уже сформировавшееся национальное сознание было травмировано и сейчас особенно обострено. В России, где национальное сознание аморфнее, противоречивее и слабее, беженцы скорее всего будут встречены агрессивно (особенно в городах). В этом случае они превратятся в разбросанные по стране скопления маргиналов, "париев", дискриминированные по всем признакам — потенциальный авангард малоимущих слоев.

Как следствие выталкивания беженцев, а также нарастающего недоверия к центру (Москве) на широких просторах России вместо национализма большую популярность может приобрести регионализм — Дальний Восток, Красноярск, Кузбасс, Поволжье могут стать центрами региональной политики и регионально ориентированных партий. При беспрепятственном развитии этого процесса не исключено, что в более отдаленном будущем на этих территориях из русскоязычного субстрата возникнут не только новые государства, но и новые нации.

Противоположный вариант развития связан со становлением общерусской нации в случае, если процесс раздробления России вызовет болезненную реакцию в широких слоях населения. При этом следует ожидать резкого

усиления националистических партий — не только за счет этих настроений, но и благодаря вышеупомянутому разрастанию числа изгоев, которые ухватятся за шанс преодолеть свою маргинальность сначала в сплоченных рядах военизированного национал-патриотизма, затем — в спасительном единстве новообразованной мощной супергруппы — **Нации**.

Однако с развитием социальных процессов осмысление новых задач может меняться, как и программы самих "национальных партий". На первом этапе политизации каждая из групп имела "свою" особую проблему, как, например, "Память" — русский национальный вопрос. Теперь постепенно эта проблема становится общей, о ней говорят уже все другие политические группы, ее обсуждают и демократы, и либералы.

Все дело в том, какое наполнение будет приобретать в разных партиях национальная идея русского народа. Есть основания полагать, что фикция жидо-масонского заговора не останется единственной ассоциацией, связанной с идеологией русского возрождения. Конкуренция различных предложений может вылиться в борьбу разных национально ориентированных партий. В итоге можно ожидать оформления, например, национал-либерального блока, основу которого могут составить как православно окрашенные партии (типа РХДД), так и индифферентные к религии (вроде той же ДПР).

До сих пор национальная проблематика увязывалась, в основном, с реакционным крылом в политике; теперь следует ожидать большего разнообразия, образования различных **блоков национальных партий**.

Игрунов: Рассмотрение "блоков партий" — это не уход от конкретности прогноза, так как сейчас именно такие "блоки" составляют политическую реальность, в то время как большинство "партий" — полная фикция. Ведь партия — это не кучка людей, это часть общества, и на сегодняшней стадии развития реальная партия — это конгломерат пока не состоявшихся партий.

Показательный пример: на последних выборах сколько-нибудь серьезную роль сыграл именно блок партий — "Демократическая Россия", а не кадеты и не социал-демократы. Не случайно "Демроссия" решила утвердиться как единая самостоятельная структура. На сегодня она, вопреки возражениям некоторых партийных лидеров, единственная реально существующая партия. Другой вопрос — зачем нужна эта скороспелая партия после республиканских и местных выборов? Ответ напрашивается сам собой: при всех декларациях о парламентаризме демократы сознательно и бессознательно настроены на революционные действия.

Митрохин: Партия есть инструмент мобилизации масс. Выборы (наряду с массовыми дестабилизирующими акциями и восстаниями) являются точнейшим и беспощадным критерием существования партии. С этой точки зрения, действительно, сегодня партиями в полном смысле этого слова являются лишь "Демроссия" и патриотический блок, реально привлекавшие голоса на выборах. А все остальные — это структуры протопартийного типа: их шансы на превращение в партии очень различны.

Многие из них — это просто фикции, плоды идеологизированного либо досужего сознания. "Антикварные", ретроспективные протопартии (кадеты, монархисты, эсеры и т.д.), а также поверхностные имитации фрагментов западного спектра (ХДС, либерал-демократы, радикалы и пр.) не имеют будущего. Следом за ними уйдет в небытие Социал-демократическая партия — в случае, если поставит своей целью разработку и пропаганду идеологии, а не свободные от "принципов" демагогию, организацию и стратегию. В настоящее же время слишком опасен разрыв между интеллигентской элитой СДПР и популистской массой. Выживание возможно не на пути "просвещения" рядовых членов, а в силу "опрощения" элиты, либо благодаря ее способности к манипуляции массой.

Вообще в условиях расплывчатости, текучести общественного сознания идеология может оказаться наименее

притягательным аспектом партийной активности. Гораздо более мощными факторами будут, во-первых, личность лидера, во-вторых, — высокая степень организации, не идущая во вред максимальной открытости партии, что само по себе предполагает минимум идеологии. (Залогом великого будущего для партии было бы создание стойких традиций — стереотипов поведения и мышления, не находящихся в резком противоречии с рефлексам массового сознания).

Именно поэтому я считаю самыми перспективными плебисцитарные партии типа травкинской (отсюда еще не следует, что победу одержит именно ДПР).

Теоретически такая структура может возникнуть вокруг лидеров, подобных Гдляну, Иванову, Калугину, или нынешним лидерам Московского объединения избирателей. Однако для этого необходимо редкое в наше время сочетание сотрудничества яркого харизматического лидера с выдающимся организатором (желательно не одним). Теперь же ситуация такова, что харизматики прозябают в одних структурах, а организаторы затрачивают почти сизифовы усилия в других. Травкин совершил большую ошибку, изгнав из ДПР способного организатора Хаценкова. Разумеется, после прихода к власти подобных партий не следует ожидать разгула демократии.

То, что я сказал об идеологии, не надо воспринимать однозначно. По-видимому, основные современные идеологи действительно исчерпают свой пропагандистский потенциал. Однако не исключена возможность, во-первых, удачной эклектики, во-вторых, — новой мировоззренческой инновации, способной проторить событиям новое русло.

Именно теперь огромное значение приобретает интеллектуальный процесс. Легко проследить даже за последние несколько лет, какое влияние на развитие общественных движений оказала параллельная демократизация прессы, как сильно появлявшиеся серьезные и не очень серьезные

публикации влияли на политические ориентации формирующихся лидеров. Сейчас уже вся масса населения активно читает, обсуждает и спорит о политике. Возбужденная, политизированная масса, не обладающая высокой индивидуальной культурой, еще больше внушаема и управляема, чем масса апатичных и равнодушных — ведь со страниц печати ждут решений. Сейчас наступает такой момент, когда идеи могут приблизиться к зениту своего влияния, вступить в соприкосновение с глубинными ожиданиями масс. В этой критической точке борьба обострится, ибо это уже будет борьба за судьбу.

Игрунов: Попробую проиллюстрировать эту мысль. Столб, который намертво врыт в землю, повалить сразу невозможно. Его надо сначала хорошенько расшатать, "раскачать", а потом достаточно лишь маленького усилия, чтобы свалить его в нужную сторону. Неподвижный ранее столб нашего общественного сознания уже расшатан до предела. Теперь выиграет тот, кто в политической игре окажется умнее и сможет "угадать" ту самую глубинную идею, куда этот столб кренится сам собой, и своим интеллектуальным усилием направит скопившуюся в неведомых размерах энергию.

КТО ЕСТЬ КТО ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Виктор Аксюциц, сопредседатель партии Российское христианско-демократическое движение. Родился в 1949 г. в Западной Белоруссии. Отец работал грузчиком, мать — дворником. Окончил Рижское мореходное училище, служил во флоте. В 1972 г. поступил сначала на заочное, а потом на дневное отделение философского факультета МГУ. С 1971 по 1979 гг. был членом КПСС. Вышел из партии по идеологическим соображениям. После этого был лишен возможности работать по специальности. Нанимался на сезонную работу в колхозах и совхозах Сибири, Дальнего Востока, центральной полосы. В свободное время занимался философскими проблемами возрождения России. С 1987 г. вместе с Глебом Анищенко издает религиозно-философский журнал "Выбор". Народный депутат РСФСР.

В последнее время Аксюциц неоднократно выступал с резкой критикой партий блока демократического движения. РХДД отказалась вступить в коалицию ДПР-ДП-СДПР, мотивируя это недостаточной политической зрелостью ее участников. В своих выступлениях он неоднократно подчеркивал необходимость сначала духовного, а уже затем экономического возрождения России. По его мнению, христианская модель демократии имеет ряд преимуществ перед социал-демократической, что и определяет перспективность объединения РХДД с новыми политическими партиями социал-демократического толка.

Владимир Богачев, родился в 1944 г. Образование высшее музыкальное; женат, имеет сына. Политической деятельностью занимается с 1967 г.; привлекался к уголовной ответственности по ст. 70 (антисоветская пропаганда и агитация), ст. 98 (нарушение паспортного режима), 147 (мошенничество) УК РСФСР. Входил в руководство Демократического союза, был исключен из ДС за "предательство", после того как с несколькими единомышленниками написал открытое письмо с

критикой методов организации, которое частично было перепечатано газетой "Вечерняя Москва". После раскола ЛДП — освобожденный главный координатор Либерально-демократической партии Советского Союза.

Дмитрий Васильев, 45 лет. Учился в театральном институте на актерском факультете, но не окончил его. Работал фотохудожником в студии известного советского художника Ильи Глазунова. Занимался художественной фотографией. В 1984 г. вступил в "Память". Ключевые позиции в организации начал занимать с 1985 г. В 1988 г. стал председателем движения. Участвовал в наиболее известных акциях "Памяти": демонстрациях и первой встрече с Борисом Ельциным в 1988 г.

В 1988 г. произошел раскол организации "Память", и Васильев организовал собственный Национально-патриотический фронт "Память", численность которого в разное время оценивалась от нескольких десятков до нескольких сотен активистов. Некоторое время Васильев продолжал поддерживать контакт и сотрудничество с "Памятью" художника Сычева, но в конце 1989 г., после взаимного обмена обвинениями в провокационной деятельности, эти контакты были прерваны. Васильев впервые в "Памяти" выдвинул тезис о борьбе с всемирным сионистско-масонским заговором, подчеркивая, что "Память" является антиссионистской, но не антисемитской организацией. По убеждениям — православный монархист.

Владимир Воронин, родился в 1937 г. Окончил Тбилисский институт физкультуры, работал тренером по конькобежному спорту, инженером-технологом, преподавателем. Прошел курс в университете марксизма-ленинизма как журналист-международник; защитил дипломную работу на тему "психологическая война США". В 1976 г. был арестован по обвинению в хищении государственных средств в особо крупных размерах и в спекуляции валютными ценностями. По его словам, условно-досрочно освобожден в 1979 г., после чего работал председателем городского комитета по физкультуре и спорту в подмосковной Сходне. В 1983 г. вышел на пенсию по

состоянию здоровья и начал заниматься общественно-политической деятельностью. В феврале 1990 г. основал Союз демократических сил имени А.Д.Сахарова. В июне вступил в центристский блок политических партий и движений, лидеры которого избрали Воронина председателем оргкомитета по проведению "форума всех демократических сил СССР". Член ЛДП.

Вадим Дамье, родился в 1959 г. Окончил университет и поступил в 1982 г. в аспирантуру Института всеобщей истории. Политическими проблемами занимается с 1987 г. Эволюционировал от марксизма и троцкизма к экоанархизму. Выражает идеологию "третьего пути". Публиковал работы в самиздате. Участник и организатор многочисленных экологических акций, митингов, пикетов, демонстраций. Связывает экологическую безопасность общества с принципиальным изменением структур государственного управления и переустройством общественной жизни, полагая, что существующие природоохранные структуры не могут успешно работать, так как вписаны в заведомо недееспособную систему. Он член координационного совета Московской экологической федерации. С 1988 г. — участник движения за создание партии зеленых, один из организаторов и с мая 1990 г. — сопредседатель московского отделения партии, объединившей несколько групп московских зеленых. С мая 1989 г. — член КАС. В настоящее время — научный сотрудник Института всеобщей истории.

Владимир Жириновский, родился в 1947 г. Образование юридическое, женат, имеет ребенка. Работает юрисконсультom издательства "Мир". Политической деятельностью начал заниматься с апреля 1967 г., когда направил в адрес ЦК КПСС письмо с проектом широких реформ в стране. В мае 1988 г. участвовал в учредительном съезде ДС. Баллотировался в руководящие органы, но, не будучи избранным, выступил с инициативой создания социал-демократической партии. В 1989 г. участвовал в подготовке программных документов и организации Либерально-демократической партии. Избран председателем ЛДП и оставался им вплоть до раскола ЛДП

в октябре 1990 г., когда был обвинен своим заместителем Владимиром Богачевым в том, что выполнял осведомительскую работу для КГБ. Основал собственную партию. Как председатель ЛДП был одним из наиболее активных инициаторов создания блока центристских партий, в который, кроме ЛДП, вошли: Демократическая партия (председатель Л.Убожко), Союз демократических сил имени академика Сахарова, Партия городских и сельских хозяев, Народно-информационная партия и, в качестве наблюдателей, Синее движение и ряд других небольших общественных организаций и партий. Вместе с рядом представителей центристского блока Жириновский участвовал в октябре 1990 г. во встрече с премьер-министром СССР Николаем Рыжковым, где обсуждался механизм взаимодействия между правительством и новыми политическими общественными структурами.

Виктор Золотарев, родился в 1960 г. Закончил географический факультет МГУ. Три года работал учителем в школе, затем — в одном из институтов Академии наук СССР. В 1987 г. на встрече общественных организаций "Общественная инициатива в перестройке" основал правозащитное движение "Гражданское достоинство". Вместе с организацией анархистов "Община" организовал серию первых митингов на Пушкинской площади в Москве в мае—июне 1988 г. Был членом Организационного комитета кадетской партии, ставшей впоследствии Союзом конституционных демократов. С мая 1990 г. — сопредседатель Партии конституционных демократов. Главный редактор газеты "Гражданское достоинство".

Виктор Кузин, родился в 1953 г., окончил юридический факультет МГУ. Участвовал в правозащитном движении, получил официальное предупреждение от органов КГБ за организацию теоретического политического кружка. Один из основателей Инициативной группы за увековечение памяти жертв репрессий, член общества "Мемориал" с момента основания, соредатор общественно-политического журнала "Точка зрения", один из основателей и членов Совета право-

защитной организации Комитет социальной защиты. В 1988-1989 гг. защищал как юрист незаконно репрессированного независимого свердловского журналиста Сергея Кузнецова. Входил в состав комитета по подготовке учредительного съезда Демократического союза — первой некоммунистической партии; принимал участие в разработке программы и устава ДС. Член координационного совета политической партии Демократический союз.

Вопреки принятому КС ДС решению о бойкоте выборов 1990 г., Кузин был выдвинут кандидатом от "Мемориала" и поддержан блоком "Демократическая Россия". Депутат Моссовета, член комиссии по охране прав граждан.

Владимир Лысенко, родился в 1956 г. Окончил исторический факультет МГУ. Преподаватель политологии в Московском авиационном институте. В 1987 г. был одним из создателей общества "Мемориал", московского партклуба и Демократической платформы, член координационного совета Демократической платформы Российской Федерации (1989 г.), народный депутат РСФСР. В общественном движении — с 1986 г., участвовал в первых политических клубах "Перестройка" и "Демократическая перестройка".

Принимал активное участие в организации горизонтальных структур Демократической платформы в России. В ряде поездок по стране выступал на митингах и в средствах массовой информации, приобрел широкую известность в региональных отделениях ДП. Занимает умеренно-центристские позиции. Выступает за социал-демократическую модель развития России, с учетом и при поддержке правящих социал-демократических партий Западной Европы. Был одним из инициаторов создания коалиции ДП-ДПР-СДПР, хотя считает жесткие партийные структуры ДПР недостаточно демократическими. Ведет агитационную работу. Принимал участие в разработке общеполитических аспектов программы ДП. После образования в ноябре 1990 г. Республиканской партии является одним из ее лидеров. Член Комитета по гласности Верховного Совета РСФСР.

Валерия Новодворская, родилась в 1950 г. в Москве. Закончила Институт иностранных языков. В правозащитном движении участвует с 1968 г. Первой акцией, предпринятой В. Новодворской, стало составление листовок со стихами собственного сочинения, критикующими компартию и государственное устройство страны. Новодворская разбросала эти листовки в зале Кремлевского дворца съездов во время спектакля. На нее было заведено уголовное дело. Позднее В. Новодворская неоднократно привлекалась к ответственности за антикоммунистическую пропаганду, была помещена в психбольницу. Работала библиотекарем во втором медицинском институте.

В 1988 г. вошла в оргкомитет по созданию партии Демократический союз, а затем — в координационный совет ДС. Известна как организатор многочисленных несанкционированных митингов и акций гражданского неповиновения властям. Неоднократно задерживалась властями; объявляла голодовки. Ей было предъявлено обвинение в оскорблении чести и достоинства президента СССР в связи с публикацией в газете "Свободное слово" статей о Горбачеве ("Хайль Горбачев") и "оскорбительных" лозунгах на митингах ДС, а также в организации несанкционированных митингов. Суд оправдал Новодворскую по статье об оскорблении президента и приговорил к двум годам исправительных работ за организацию несанкционированных митингов.

Александр Огородников, родился в 1950 г. Работал токарем, был активистом ВЛКСМ. Учился на философском факультете Уральского университета, во ВГИКе. В 1971 г. был исключен из ВЛКСМ за образ мышления, несовместимый со званием комсомольца и студента. Организовал Христианский семинар по проблемам духовного нравственного возрождения России, сельскохозяйственную общину на принципах самокупаемости. С 1978 по 1987 гг. был в заключении по ст. 209, 190, 70 УК РСФСР. Стал главным редактором "Бюллетеня христианской общественности", председателем ХДС. По мнению Огородникова, ХДС — первая демократическая организация в России. В сотрудничестве с Оксфордским

университетом и Исследовательским центром США, Канады и Франции Огородников организует в Москве Гуманитарный лицей и осуществляет программу создания в Москве сети благотворительных учреждений, столовых и т.п.

Константин Осташвили, (псевдоним — Смирнов-Осташвили). Родился в г. Юхнове Калужской области. Единственный из лидеров "памятных" групп, пришедший в "Память" уже в 1987 г. В конце того же года откололся от организации, создав Союз за национально-пропорциональное представительство "Память". Основной целью видел пропорциональное представительство евреев в государственных органах. Организация Осташвили насчитывает около 150 человек в Москве. Входит в коалицию Национально-православное движение вместе с организацией "Память" Кулакова, Русским освободительным союзом и Христианско-патриотическим союзом (коалиция образована в феврале 1990 г.). Участвовал в скандальной акции в Центральном доме литераторов во время заседания писательской организации "Апрель". За хулиганские действия был приговорен к трем годам лишения свободы. В апреле 1991 г. погиб в колонии. Ему было около 60 лет.

Вячеслав Полосин, родился в 1956 г. Окончил философский факультет МГУ и Московскую духовную семинарию. Имеет приход в г. Обнинске Московской области. С 1988 г. начал заниматься политической деятельностью. Принимал участие в создании и разработке программных документов РХДД, заместитель председателя РХДД. Придерживается курса не на создание массовой партии, а на окружение партийного ядра широким демохристианским движением, которое должно обеспечить РХДД голоса избирателей. Народный депутат РСФСР. На выборах поддерживался блоком "Демократическая Россия". В политических взглядах демонстрирует сдержанность, не акцентирует антикоммунистической направленности РХДД. Полагает, что церковным деятелям не подобает применять грубые методы политической борьбы, однако участие в общедемократическом движении священников — дело их со-

вести. Ведет активную работу среди верующих, участвует в издании печатных органов РХДД журнала "Выбор" и газеты "Путь".

Николай Травкин, председатель Демократической партии России. Родился в 1946 г. в поселке Шаховская Московской области. Получил высшее педагогическое образование, но работал строителем. До 1984 г. — бригадир, затем — на руководящей работе; последняя должность — начальник строительного объединения. Был слушателем Московской высшей партийной школы. Председатель подкомитета по самоуправлению Верховного Совета СССР. Политической деятельностью занимается с 1988 г. "Все мои продвижения по службе были связаны с экономикой. На последней ступеньке мне стало ясно, что мы не сможем перестроить экономику без политических преобразований", — говорит Николай Травкин.

ДПР, по определению Травкина, должна стать организацией с мощной дисциплинированной структурой, способной конкурировать с КПСС. Травкин выступил инициатором создания коалиции ДПР-ДП-СДПР и предлагал объединить их в одну партию. Вместе с тем Травкин выступил против возрождения блока "Демократическая Россия", считая его слишком аморфным образованием.

Политические деятели других партий отмечают стремление Н. Травкина к авторитарному руководству движением.

Лев Убожко, председатель Демократической партии (в отличие от партии Травкина, эта партия создана самим Убожко). Родился в 1933 г. Окончил Московский инженерно-физический институт, работал инженером. В 1965-1968 гг. учился на заочном отделении юридического института. В 1970 г. был арестован и отправлен в лагерь на 3 года по ст. 190-1 ("клевета на советский общественный и политический строй"). В лагере ему была инкриминирована ст. 70 ("антисоветская пропаганда"), потом его отправили в спецпсихбольницу Ташкента, откуда он в 1975 г. бежал, но был пойман. В общей сложности провел в спецпсихбольнице почти 15 лет. Освобожден по политической

амнистии в 1987 г. Принимал участие в создании партии Демократический союз. После первого съезда ДС занялся созданием собственной политической партии. Известен как незаурядный оратор, способный проводить мономитинги по несколько часов, не боящийся вступать в спор с оппонентом любого ранга.

Виталий Уражцев, родился в 1944 г. в Хабаровском крае. Учился в театральном училище. Затем окончил Рязанское воздушно-десантное училище. Служил строевым офицером в различных частях, затем в штабе воздушно-десантных войск. Параллельно занимался журналистикой и карикатурой, публиковался в "Правде", "Комсомольской правде", "Красной звезде". В 1988-1989 гг. стал организатором и сопредседателем Союза защиты социальных прав военнослужащих "Щит". Организовал при "Щите" Комитет солдатских матерей и Службу безопасности, занимающуюся, по его словам, предупреждением провокаций со стороны партийно-государственного аппарата и КГБ. Член ДПР, однако выступает за внепартийную структуру "Щита". Защищает идеи воссоздания в армии судов чести офицерства, дуэльного кодекса, выведения партийных органов из армии; сторонник альтернативной воинской службы и профессиональной армии. Организатор блокирования призыва в Советскую армию. Считает, что значительная часть лидеров демократического движения (Свободной демократической партии и др.) идет на сговор с союзным правительством.

Вячеслав Шостаковский, родился в 1937 г. Окончил Львовский медицинский институт и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Научной работой занимается с 1971 г. Доктор философских наук, профессор. Специальность — политология. С 1986 по август 1990 г. — ректор Московской высшей партийной школы. Был членом координационного совета Демократической платформы Российской федерации.

На XIX партийной конференции был одним из немногих выступивших против совмещения партийных и государственных постов. Будучи членом МГК КПСС, поддержи-

вал в ходе предвыборной борьбы Бориса Ельцина. В КС ДПРФ выступал против создания объединенной партии ДПРФ-ДПР-СДПР. Противник концепции сильной антикоммунистической партии. Представляет умеренное социал-демократическое крыло ДПРФ, выступая за последовательное развитие горизонтальных структур в провинциях.

Александр Шубин, родился в 1965 г. Сразу после окончания школы в 1982 г. поступил в Московский государственный педагогический институт. В 1985 г. был связан с подпольной марксистской группой, но не вступил в нее по идеологическим соображениям — разочаровался в марксизме. В течение 1986 г. выработал систему политических и философских взглядов, основанную на идеях анархизма. В том же году участвовал в дискуссии о реформе устава ВЛКСМ, вошел в "Демократическую фракцию в ВЛКСМ". После неудачных попыток реформировать ВЛКСМ в 1987 г. на базе дискуссионного студенческого клуба в институте МГПИ создал историко-политический клуб "Община", преобразованный в 1988 г. в Конфедерацию анархо-синдикалистов. Член редколлегии журнала "Община", один из авторов программы КАС, в 1988 г.

— организатор первого митинга на Пушкинской площади в Москве.

Один из создателей партии зеленых. С мая 1989 г. — сопредседатель Московского отделения партии зеленых. Участвовал в работе Совета представителей Конференции труда в качестве эксперта по подготовке документов. С июля 1990 г. — член совета КТ. В 1988-1990 гг. работал школьным учителем. С 1989 г. — аспирант Института всеобщей истории, занимается проблемами анархо-революционного движения и закономерностями общественного развития.

Сергей Энгельгардт-Юрков, маршал Православного монархического союза. Родился в 1954 г. Потомок старинного дворянского рода Энгельгардтов. Среди его предков — герой войны 1812 г. Павел Иванович Энгельгардт и сестра

светлейшего князя Потемкина-Таврического. Вступил в ПРАМОС в 17 лет (эта организация тогда находилась в подполье). Окончил Институт инженеров гражданской авиации, имеет диплом патентоведа. Около года был председателем одного из первых кооперативов. Последние два года занимается исключительно организацией партии. Считает, что в новых условиях ПРАМОС поставил перед собой беспрецедентную задачу, которая является смыслом существования организации: парламентским путем восстановить монархию в России.

Вениамин Ярин, родился в 1940 г. Образование среднее. Трудовую деятельность начал в 1958 г. разнорабочим на Нижнетагильском металлургическом комбинате. После службы в армии вернулся на НТМК. Дважды избирался освобожденным секретарем комсомольской организации цеха (с 1963 по 1968 гг.). Работал оператором прокатного стана. В 1987 г. партком и профком рекомендовали Ярина на должность председателя Совета трудового коллектива цеха. В начале 1988 г. принимал участие в разгоне несанкционированного экологического митинга, организованного клубом "Очищение" у НТМК после очередного выброса неочищенных газов в атмосферу.

После XIX партконференции был избран секретарем парторганизации. В начале 1989 г. был выдвинут и избран народным депутатом СССР. Вошел в Президентский совет после III съезда народных депутатов СССР. Принимал активное участие в организации Объединенного фронта трудящихся (является одним из сопредседателей ОФТ РСФСР), депутатского клуба "Россия", депутатской группы "Союз"; при создании Межрегиональной депутатской группы вошел в нее, но затем вышел.

3 марта 1990 г. на предвыборном митинге Демократического блока Нижнего Тагила, в который вошли Общественно-политический комитет "Возрождение", "Мемориал", "Клуб друзей «Огонька»", был начат сбор подписей за отзыв Ярина из Верховного Совета СССР в связи с невыполнением пред-

выборных обещаний и активным участием в ОФТ. В последнее время отошел от активного участия в акциях ОФТ, перенеся основную часть деятельности в Президентский Совет. В декабре исключен из ОФТ за "соглашательскую деятельность".

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

НАЦИОНАЛИЗМ И РАВНОВЕСИЕ СИЛ

(Беседа английского политолога Джорджа Урбана с профессором Лондонской экономической школы Эли Кедури)

I

Урбан: Ваш самый известный вклад в научные дискуссии о национальной самобытности и национальном сознании

можно суммарно сформулировать так: не существует какого-то естественного членения человечества на нации, и группы, претендующие на статус наций, не получают автоматически права на независимую государственность. Подобное утверждение вызывает возмущенную реакцию во многих углах нашей планеты, причем отнюдь не только в местах наибольшей активизации национального сознания. В частности, в Советском Союзе ваши воззрения произвели бы бурную реакцию. Русские, украинские, латвийские, литовские, грузинские, армянские и прочие критики сразу заявили бы вам, что в наше время доминирует как раз мнение об *естественной* разделенности человечества на нации и что советская система с самого возникновения содержала в себе зародыши собственного разрушения, поскольку марксизм-ленинизм не принял в расчет эту самоочевидную истину.

Доказывая, что нации обладают правом на сохранение своей самобытности, своего языка и культурных устремлений, для чего необходимо обеспечить национальную независимость в рамках суверенного государства, несмотря на то, что их материальные интересы лучше обеспечивало бы пребывание в крупном многонациональном государстве типа империи, критики приводили бы в пример Оттоманскую империю, Австро-Венгерскую монархию и Бри-

танское королевство; они ссылались бы на четырнадцать пунктов Вудро Вильсона, на статью 8 Заключительного Акта совещания в Хельсинки и т.д. А что бы им ответили вы?

Кедурн: Народы, входящие сейчас в состав Советского Союза, и в царские времена жили на тех же местах и в условиях сравнительной несвободы. Но тогда немногие из них осознавали себя нациями, и еще меньшее их число признавалось в этом качестве внешним миром. Идея, согласно которой нации, как бы они ни были определены, имеют право на независимость и самостоятельную государственность, - это нововведение, имеющее сложные корни в политическом мышлении Запада. Эта идея восходит к Французской революции, затем она распространилась в Оттоманской и Габсбургской империях, а потом по всему миру.

Из двух величайших нелепостей нашего времени — марксизма и национализма — национализм, конечно, более привлекателен, однако он все равно остается нелепостью, причем опасной. Почему я это говорю?

Не существует в человеческой природе или истории ничего такого, что позволило бы утверждать, что если вы грузин или узбек, вы в силу одного этого должны ставить на карту свое здоровье и жизнь, доходя до пределов своих физических возможностей, ставить себя на грань умирания только ради того, чтобы наслаждаться жизнью в независимом государстве. История некоторых недавно возникших государств и групп, защищающих независимость, свидетельствует, что в прошлом эти группы не чувствовали потребности в *государственной* независимости, а государства, которые в какой-то момент обретали независимость, вовсе не обретали при этом ни процветания, ни свободы, ни чего-либо еще, что позволяло бы вести достойное существование. Ныне литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, грузины, армяне — все хотят иметь независимые государства. Но в случае получения независимости им пришлось бы нести бремя независимой внешней политики, тратить средства на вооружение и учитывать возможность вовле-

чения в конфликты с соседями. И никто не может предсказать, смогут ли эти страны выжить в течение сколько-нибудь длительного времени. Зависимость таджиков, либо узбеков, либо азербайджанцев от московского центра обусловлена не советской властью как таковой, а определенными историческими и географическими условиями, особенно экспансионизмом Великого княжества Московского, которое еще в царское время разбухло в могущественную Россию и поглотило своих слабых соседей. Если исчезнут свойственные советской системе оправдания русского господства над этими окраинными республиками или если эта система изменится вследствие глубинных реформ или если республики отделятся и союз распадется — все равно в центре Евразийского материка сохранится в высшей степени могущественная Россия. Вероятнее всего соседи так или иначе будут ощущать ее мощь. Национальная независимость армян и украинцев все равно оказалась бы иллюзорной.

Урбан: Вы считаете, что международная жизнь протекает как бы в обширном магнитном поле, где один или два сильных магнита воздействуют на множество более слабых подвижных элементов. Качественные характеристики этих магнитов несущественны — значение имеет лишь их размер. На этой картине Соединенные Штаты — крупный магнит, который не допускает произвольного поведения Никарагуа или Панамы, а Советский Союз в равной степени неуступчив по отношению к Литве или Азербайджану. Однако все наши декларации, от Атлантической Хартии до Хельсинкского Заключительного Акта направлены против этих исторически обусловленных действий, если, конечно, они имеют место. Эти документы отрицают понятие "сферы влияния" и поддерживают самоопределение и национальную независимость. Не попали ли мы тем самым в ловушку, создав дилемму, не имеющую решения?

Кедури: Это воистину так. Ничто не может изменить того факта, что Эстония, население которой составляет около миллиона, вынуждена жить бок о бок с Россией с ее 150-миллионным населением; либо что Ирландия соседствует с

куда более могущественной Британией. Это не делает зависимость малых наций от больших более или менее моральной, однако это исторический факт, который мы не можем игнорировать.

Урбан: Но вы должны согласиться с утверждениями нынешних лидеров малых наций, что мы демонстрируем махровый цинизм, выступая на их защиту, лишь если это служит на пользу нашим собственным интересам, а не тогда, когда этого требуют право и справедливость? Например, и Конституция СССР, и статья 8 Хельсинкских соглашений содержат положения, из которых с несомненностью вытекает право прибалтийских наций на выход из состава Советского Союза. Но мы взвешиваем наши призывы к свободе на весах державной политики (или "международной стабильности", как любят называть это у нас), игнорируя свои же собственные многочисленные декларации о самоопределении. Как человек, потративший тридцать лет на то, чтобы вещать подчиненной Советскому Союзу Восточной Европе о приверженности Запада идее национальной свободы, я особенно чувствителен к обвинениям в лицемерии.

Кедури: Было бы абсурдным судить, какие именно группы, составляющие сейчас Советский Союз, вправе рассматривать себя в качестве наций, а какие нет. Позвольте мне лишь сказать, что инациональное правление было и остается в мировой истории скорее правилом, нежели исключением, так что европейское, — в данном случае русское правление в каких-то районах Азии ничего нового из себя не представляет. Я готов признать, что для европейских народов, таких, как прибалты и украинцы, привнесенная из Западной Европы идея национальной автономии и независимости приобрела в последние двести лет столь мощную притягательность, что теперь ее следует принимать в качестве серьезного фактора, влияющего на прочность советской империи и баланс международных сил. Я не говорю, что это плохо, если национальное освобождение сопряжено с освобождением личности и конституционным правлением.

Но если иметь в виду население азиатской части Советского Союза, то далеко не очевидно, что национальная автономия и обретение национальной государственности будут отвечать его интересам наилучшим образом. В европейской истории национальные государства не являются чем-то нетипичным. Скорее они — продолжение характерного для Европы после исчезновения Западной Римской империи положения, которое допускало наличие феодальных членений, свободных городов, суверенных республик и монархий. Однако для Азии типично иное политическое устройство — Китайская империя, империя Великих Моголов, Османская империя. Все это обширные разнородные территории, управляемые контролируемой из одного центра "номенклатурой". Ни национализм, ни идея национального суверенного государства не проросли на собственно азиатской почве; не являются они и непреодолимым устремлением человеческого духа. Это скорее европейский импорт, не приспособленный к местным условиям. Почти все направления азиатского и африканского национализма как программы действия или образ мышления являются искусственными. Это изощренные попытки перенести на свою почву чужие стандарты и категории.

Урбан: Это может быть вполне справедливо как историческое обобщение. Однако, возможно, в наше время требуется иной практический подход. Совсем недавно мы видели в деспотической советской империи основную опасность для окружающего мира. Не заслуживает ли поддержки все, что могло бы ослабить эту централизованную тиранию, прежде всего — национализм в нерусских частях империи? Может быть, следует признать и поощрять этот национализм в его различных проявлениях именно в универсальных интересах свободы. Опасения, что националистические течения могут выйти из-под контроля и проделать путь Мадзини или Мицкевича, этих порождений европейского национализма XIX века, были куда слабее, чем страх дальнейшего существования советской системы.

Теперь, когда советская империя может распасться, мы все чаще сталкиваемся с взаимосвязанными и, признаться,

озадачивающими меня аргументами: во-первых, что почти любой порядок лучше, чем отсутствие такового, и, во-вторых, что не следует поощрять идею национальных государств, особенно "новых". Те, кто понимают эту логику, по всей видимости, опасаются нестабильности гораздо больше, нежели отсутствия индивидуальных и национальных свобод. В ядерный век понятна озабоченность наших лидеров сохранением стабильности в мире. Но если бы "естественная справедливость" играла какую-то роль в международных делах, я бы сказал, что у нынешних сторонников сохранения Советского Союза как опоры международной стабильности очень короткая память. Они, похоже, забыли, что предшественники Горбачева без малейших колебаний стремились к подрыву Французской и Британской империй, и их не останавливали опасения нарушить мировой порядок. Напротив, они гордо провозглашали, что будущий "социалистический" порядок будет учрежден как раз на руинах прежнего мирового устройства.

Кедури: С точки зрения практической политики поощрять национальные движения в Советском Союзе означает надеяться на чистое везение — ведь возникает нечто, что в дальнейшем нельзя будет держать под контролем. Подъем национальных сил и создание национальных государств — отнюдь не обязательно благо. Взять, например, последствия развала империи Габсбургов. В 1918-1919 гг. там с энтузиазмом приняли идею покончить с Австро-Венгрией и осуществить принцип самоопределения, как он был сформулирован в четырнадцати пунктах Вудро Вильсона. Османская империя тоже распалась на части при сходных обстоятельствах. Но то, что возникло в итоге, было не конгломератом избавившихся от плохого правления и нормально живущих бок о бок стран, демонстрирующих преимущества независимости, а скорее лоскутное одеяло из слабых государств, в которых, за исключением Чехословакии, индивидуальные свободы не имели защиты, которые не отличались умеренностью во внешней политике и были слишком хилыми, чтобы противостоять гитлеровской или сталинской агрессии. Последствия этого распада оказались куда хуже болезней, которые они,

как предполагалось, должны были излечить. Но если говорить о Советском Союзе, мы совершенно бессильны и предотвратить распад и ускорить его. Поддержка Горбачеву, которая, по всей видимости, стала нынешней политикой Запада, не гарантирует его выживания, а если ему удастся выжить, то это вовсе не значит, что он сможет и захочет продолжать политическую линию, которая обеспечила ему поддержку правительств западных государств. К тому же, даже если он останется верен этой линии, она отнюдь не обязательно окажется полезной для Запада.

II

Урбан: Но не согласитесь ли вы признать, что зло, совершенное советской системой и советской империей, настолько превышает все грехи, которые мы можем приписать Австро-Венгрии или Оттоманской империи, что стоит пойти на какой-то риск, чтобы расшатать эту систему, даже если ради этого придется поощрить не поддающиеся контролю национальные движения? Ведь вряд ли кто-нибудь ждет нового монгольского нашествия на Европу, от которого нас защитит ли бы сплоченные ряды русских воинов...

Кедури: Но в чем состоит великое зло советской системы? Это централизованный деспотизм Москвы и коммунистическая идеология — фактически это две стороны одной медали. Конечно, каждое из этих зол огромно и, действительно, нам следует противостоять им. Но сейчас мы стали свидетелями их падения в результате их собственной нелепости, и теперь они уже больше нам не угрожают.

Урбан: Вы уверены, что они уже пали?

Кедури: У меня впечатление, что есть основания для такого вывода, судя по скорости, с какой распадается эта система. Каков бы ни был непосредственный результат политического боя, который сейчас ведет Москва, я воспринимаю его как свидетельство неспособности Кремля оценить и тем более контролировать происходящее в Туркмении или в Киргизии.

Макензи Уоллес, этот чрезвычайно наблюдательный путешественник по России в конце прошлого века, в своей книге "Россия", вышедшей в свет в 1877 г., рассказывает, что однажды он провел целый день на волжской пристани, дожидаясь парома, чтобы переправиться на другой берег в соответствии с планом своего путешествия. Поскольку паром все не появлялся, он спросил паромщика о причине задержки. "Здесь указано, что сейчас судно уже должно было отплыть", - сказал он своему собеседнику, размахивая расписанием. На все это достойное сожаления западное невежество русский только рассмеялся. "Нуи дурак же вы, если верите напечатанному", - сказал он. Я бы заметил, что эти слова приложимы ко множеству ситуаций, возникающих в России и в Советском Союзе. На бумаге Москва все еще контролирует империю, но в действительности этого контроля уже нет. Следует изменить соответственно и нашу политику.

Урбан: Я не убежден, что амбиции азиатских, восточно- и центральноевропейских наций удовлетворятся этим аргументом. Национальное самоопределение (статья 8 Хельсинкского Заключительного Акта) естественным образом вытекает из индивидуальных прав человека и основных свобод (статья 7). Таковым был результат революций 1848 г.: права личности и права наций оказались двумя сторонами одной медали. Уроки 1848 г., безусловно, не забыты народами Азии, и даже жители Восточной и Центральной Европы, сильно обжегшиеся на распаде Австро-Венгрии, все же возвращаются мыслями к тому времени, когда считалось, что личная свобода не имеет смысла до тех пор, пока свободные люди не получают права создавать свободные ассоциации, иначе говоря, суверенные и независимые национальные государства. Мое пессимистическое прочтение истории, однако, вынуждает меня отчасти согласиться с вашими рассуждениями и задать вопрос, не суждено ли африканским и азиатским народам пройти тот же круг несчастий, который уже прошли европейцы, и, более того, не обречены ли некоторые нации Восточной и Центральной Европы повторить этот цикл, прежде чем они, вновь испытав все трудности и несчастья, вольются в общеевропейский поток?

Кедури: Движения национального "обновления" XIX столетия, такие, как созданная Джузеппе Мадзини организация "Молодая Италия", и вправду сперва отождествляли идею индивидуальной эмансипации с идеей национальной свободы. В 1848 г. было широко распространено убеждение, что междуэтими идеями нет никаких различий и что состоящие из свободных личностей свободные нации создадут свободный и справедливый международный порядок. Но вскоре обнаружилось, что это было иллюзией: независимость нации и свобода личности оказались очень разными понятиями. Во-первых, возникшие на основе национальной идеи государства усвоили различные формы национального мессианства, их внутренняя политика оказалась деспотической, а внешняя — нетерпимой. Во-вторых, невозможно так перекрыть карту земного шара, чтобы в итоге получились только лишь однородные в национальном отношении государства. Это особенно очевидно в Восточной и Центральной Европе, где на территории Хорватии имеются значительные анклавы сербского населения, в Словакии и Румынии — венгерского и т.д. Неприятие политически и географически возможного под властью Оттоманской и Габсбургской империй и идеологические претензии национальных движений, которыми они не могли поступиться, привели к разрушительным для нашей цивилизации двум мировым войнам.

Сейчас появился новый фактор. Советский Союз, которому всего лишь семьдесят с лишним лет, сам возник в итоге подобной идеологической одержимости. Следствием этого стало стремление идеологизировать народы, которые это государство унаследовали от развалившейся царской империи. Стране был навязан жестокий, в высшей степени деспотический режим, и совершенно понятно, почему находящиеся под советским правлением народы заявляют, что они не могут обрести свободы, пока они не освободятся полностью от централизованного контроля Москвы и не станут независимыми нациями — это реакция на угнетение в прошлом. Она вполне естественна, но, с моей точки зрения, вряд ли разумна. Мне пришла на ум похвала лорда Актона Австро-Венгерской империи. Ее огромное достоинство он видел в том, что в ней

было возможно мирное сосуществование многих национальностей. "Государство, неспособное удовлетворить различные расы, обрекает себя на гибель", - писал он в работе "Национальность". По его словам, терпимость к другим расам и религиям является абсолютным критерием цивилизованной политики, и это воистину так.

Урбан: Но сейчас, в 90-е годы, как бы вы объяснили беспокойным литовцам или украинцам, что обретаемые ими права не должны включать права поднимать национальный флаг, права не служить в иностранной армии, права самим управлять своей экономикой, права иметь собственные законодательные органы и, в конечном счете, права на полную национальную независимость? Ждать от этих народов, чтобы они сегодня, в звездный час своего освобождения, помнили об уроках истории или любых других — не значит ли предъявлять слишком большие требования человеческой природе?

Кедури: Коллективные права человека не следуют автоматически из прав отдельной личности, по крайней мере, не до такой степени, чтобы всеми признанные индивидуальные права влекли за собой требование обретения национальных прав и национальных государств. Вот пример: Соединенные Штаты заселены людьми самых разных национальностей, и все граждане этой страны наделены равными для всех конституционными правами и гарантиями, однако при этом никто не утверждает, что для защиты прав небраскинцев нужно учредить независимую Республику Небраска.

Урбан: Маргарет Тэтчер, тогда премьер-министр Британии, ответила то же самое советскому интервьюеру во время организованной Би-Би-Си телефонной беседы с Москвой. Ее спросили (мне кажется, вопрос исходил от грузина): поддерживает ли она права малых наций на обретение независимой государственности как вытекающие из гласности и перестройки. Она дала взвешенный и осторожный ответ, что в Соединенных Штатах люди различного происхождения, языка и культуры живут все вместе в мире и процветании. Я не думаю, что задавший вопрос был удовлетворен этим

ответом. Сравнение американского "плавильного котла" с советской империей или с любой ситуацией в Центральной и Восточной Европе странно и, с моей точки зрения, исторически его трудно обосновать. В всяком случае, я вполне могу представить себе какой-нибудь большой американский штат, скажем, Калифорнию, где при определенных обстоятельствах развивается чувство калифорнийской самобытности и калифорнийское национальное сознание на основе принципа Эрнеста Ренана. В соответствии с этим принципом, когда очень и очень многие люди утверждают, что они, в силу солидарности, эмоций и "каждодневного плебисцита" являются нацией, то тем самым нация обретает существование.

Кедури: Ренановская аналогия замечательна. Нужно, однако, учитывать два момента. Если определять нацию плебисцитом такого рода, то это должно быть верно и применительно к семье, деревенской общине, дружбе, коллегиальности, к любым социальным связям вообще. Поэтому сколь бы заслуживающим внимания ни казался этот довод, он дает очень мало конкретных данных именно относительно нации. Во-вторых, нация — это не государство, и если мы говорим о государствах, как мы сейчас, то приходится признать, что плебисцит вряд ли может служить для него основой или организующей идеей. Плебисцит — это проведенное в определенный день голосование. Нет никаких причин, по которым такое голосование нельзя было бы проводить периодически. Но основывать существование государства на голосовании, итоги которого время от времени могут меняться, в высшей степени непрактично и попросту абсурдно. Кроме того, плебисцит не дает никаких указаний относительно правительства, конституции, юридической системы, администрации страны, а во всех этих вопросах именно детали имеют огромное значение, и, главное, такие детали, которые невозможно определить в помощью плебисцита.

III

Урбан: В своей книге "Национализм" вы показываете, причем куда убедительнее, нежели это сейчас сделал я в связи с Заключительным Актом Хельсинкских соглашений, как идея прав для индивидуума может обернуться требованием национальных прав, как кантовскую идею индивидуального самоопределения Фихте сделал ориентиром национального самоопределения и национального фанатизма. Для нас сейчас неважно, что вас критиковали за включение Канта в родословную фанатичного национализма, но меня беспокоит ваш акцент на тех непомерных бедах, которые национальное самоутверждение может причинить миру. Оно, это нужно признать, действительно часто их причиняло. Но нужно ли вместе с водой выплескивать ребенка?

Несколько лет назад Хью Сетон-Уотсон в дискуссии на такую же тему провел четкое разграничение между национальным сознанием и национализмом. Первое, с его точки зрения, заслуживает поддержки, второе же — нет.

"Можно, конечно, утверждать, что Гитлер оказался наследником глшатаев намецкой национальной идеи XIX века - допустим, Фихте. Но это будет верно лишь отчасти. Неверно, однако, думать, что стремление немцев к единству, которое развивалось с начала XIX века под воздействием гердеровских идей, неизбежно должно было породить Гитлера. События с таким же успехом могли эволюционировать и в другом направлении. Национальное сознание вовсе не обязательно перерастает в национализм, в озлобление против других наций. Такое перерастание случается, когда нация теряет перспективу, доходит до отчаяния. Но даже и после того, как национальные страсти накаляются до вражды, они все еще могут принести положительные плоды, выделив из национального движения более умудренных опытом, умеренных государственных деятелей.

...Тезис: "национализм — разрушительная сила, а потому национальное сознание надлежит подавлять" — совершенно

неверен. Именно такая презумпция определяла и определяет действия многих правительств. Они оправдывают свои репрессивные меры, направленные против национального сознания негосударственных, подчиненных наций в многонациональных государствах, утверждая, будто тем самым выступают проводниками более высокой цивилизации. Они считают, что не может быть несправедлива политика, направленная на нивелирование почти животного, деструктивного национализма непокорных национальных меньшинств. Но если история вообще способна чему-то учить, то один из первых ее уроков гласит, что попытки искоренить национальное сознание почти неизменно завершаются поражением угнетателя".¹

Я не думаю, чтобы вы стали оспаривать это...

Кедури: Спорить против этого я не буду, но кое-что об этом еще скажу. Свободное выражение национального сознания может быть в высшей степени благотворным, и если (возвращаясь к советскому контексту) оно вынуждает централизованный деспотизм Москвы к постепенному отступлению, то кто будет проливать из-за этого слезы? Однако, пытаясь заглянуть в будущее, я не могу избавиться от опасений, что история *mutatis mutandis* могла бы повториться. Подобно тому, как 1848 г. привел в конечном счете к ничем не ограниченному национализму и двум мировым войнам, так и нынешние освобождения могут породить крайне нежелательные последствия, если только не возобладают решительно разум и осмотрительность. Лорд Дэйкр (Хью Тревор Роупер) в беседе с вами, как вы помните, неоднократно повторял, что не опасается объединения Германии, потому что немцы стали демократами. Возможно, он прав, и я в высшей степени на это надеюсь. Однако экстраполировать в будущее сгодняшние тенденции значит рассуждать умозрительно. Мы знаем из исторического опыта, что такие националистические тенденции, которые, как мы видим, утверждают себя сейчас на руинах советской империи, в более ранних воплощениях, между 1848 и 1945 гг., приводили к экстремизму, тирании и войне.

Вы знаете работы Л.Б. Намье на эту тему. В одном из своих знаменитых эссе он писал:

"С 1848 г. началось немецкое стремление к власти, к преобладанию в Европе, к подчинению всего мира: национальное движение было общим знаменателем германской революции 1848 г., и ее главной цели — создания могущественной Германии, способной диктовать свою волю другим нациям. Лозунгом того времени было «Einheit, Freiheit und Macht» — «Единство, Свобода и Могущество», с ударением на первом и третьем понятиях"²

Немье назвал события 1848 г. революцией интеллектуалов. В политику идеологический стиль привносят интеллектуалы, вернее — интеллектуальные manquis (manque [фр.] — неудачник. - Примечание переводчика). Гитлер, как мне кажется, был таким интеллектуальным manque.

Урбан: Попытаемся взглянуть на связь между культурой и национальной жизнью под другим углом. В своих исследованиях вы показываете, что до Французской революции идея нации либо вообще не существовала, либо толковалась совершенно иначе, чем в течение двух последних столетий (вы пишете, что студенты Парижского университета разделялись на четыре "нации" — Францию, Пикардию, Нормандию и Германию; французская "нация" включала в себя итальянцев и испанцев; в германскую "нацию" входили как проживавшие на германской территории немцы, так и англичане). Людей объединяли скорее религия, империя и династия, служившие также источниками власти.

Согласитесь, что в европейской культуре очень многое, особенно у "молодых" или возродившихся наций вроде Италии, Германии, Польши и Венгрии, завязано на идее национального возрождения, и в европейской самобытности было бы утрачено что-то существенное, если бы мы сбросили эту идею со счетов только потому, что она "мазана одним миром" с национализмом. Нам пришлось бы тогда отбросить или как-то искусно "объяснить" немало прекраснейших

творений прозы и поэзии прошлого века, не говоря уже о музыке и изобразительном искусстве.

Кедури: Я далек от того, чтобы отвергать ценность любого из значимых аспектов культуры XIX столетия. Но следует различать культурное и политическое начала. Это как раз и противоречит доктрине национализма, утверждающей, что они обязательно взаимосвязаны и что без политической независимости невозможно создать национальную культуру. Это абсурд. Множество человеческих групп имели и имеют национальные культуры, не обладая политической суверенностью. Идея, что страна или группа людей, управляющая другой страной или группой, обязательно навязывают последним свой язык и свои обычаи, — очень недавнего происхождения. Вне всякого сомнения, этого не было в Османской империи и в империи Габсбургов; то же самое можно сказать об Индии времен британского владычества. Национальная культура, безусловно, может существовать и при отсутствии национальной независимости — взять хотя бы Бельгию или Швейцарию.

Урбан: Это, может быть, верно, если страна предоставляет всем своим гражданам полную культурную свободу, как было в странах, которые вы упомянули, хотя очевидное стремление Квебека к независимости ослабляет ваши аргументы. Но в тех странах, где такой свободы не существует, стремление к культурной свободе неизбежно приводит и к требованию национального освобождения и, в конце концов, — национальной независимости. Хорошие примеры такой системы — культурная и языковая русификация прибалтийских государств и венгерского меньшинства в Румынии раньше, при Чаушеску, и теперь, при Илиеску. Там, где отрицается право говорить и получать образование на родном языке, где искажают историю, литературу и традиции в угоду правящей нации, из душ обесправленных негосударственных наций исторгаются пусть иррациональные призывы не только к свободе в области культуры, но и к национальной независимости. Можем ли мы сейчас, в 90-е годы, ожидать от эстонцев или грузин, чтобы они умили свои национальные притязания до

размеров просяного зернышка, как это было в Оттоманской империи? Вряд ли имеют шансы на успех призывы извлечь уроки из распада Австро-Венгерской империи, когда их собственный повседневный опыт убеждает, что единственной надеждой начать собственную историю заново является разрушение советской империи до основания.

Кедури: Я далек от оправдания русификации или романизации. Там, где правящая нация играет в подобные игры, неизбежным итогом будет требование отделения и независимости. И советское государство, и Румыния должны реформировать себя от фундамента до крыши. Но если сепаратизм обосновывается соображениями о сохранении и развитии культуры, это плохое обоснование. Например, в германоязычном мире весьма заметны различия между культурами Баварии, Рейнланда и Пруссии. Но следует ли из этого, что германское объединение 1871 г. должно быть аннулировано, поскольку эти области по культурным критериям могли бы претендовать на отдельную государственность? Должны ли бретонцы, жители Прованса и корсиканцы претендовать на независимую государственность в силу того, что их культура и язык отличаются от французского языка и французской культуры? Как далеко можно зайти с такими аргументами? Много лет назад Исайя Берлин рассказал мне, что в 1919 г., в самый пик агитации за самоопределение, жители одного квартала на Невском проспекте в Петрограде обратились к властям с петицией о самоопределении. Почему бы и нет? Абсурдно, но логично.

Урбан: А вот утверждение, противоречащее моим собственным рассуждениям: некий исторический "закон", что "чем полнее самоопределение, тем сильнее деспотизм". Как только литовцы в марте 1990 г. провозгласили собственную независимость, они решили отказать живущим среди них полякам в праве на самоопределение. Грузины не лучше обошлись с абхазцами, а о судьбе армянского меньшинства Нагорного Карабаха в Азербайджанской республике можно и не говорить. Прежде чем неоправданно идеализировать либерализм Австро-Венгерской монархии, следует вспомнить, что вы-

свобождение Венгрии из-под австрийской опеки в 1867 г. не подвигнуло Будапешт на проведение либеральной национальной политики по отношению к словакам, румынам, сербам и хорватам.

Коммунистическим и "социалистическим" критикам не подобает осуждать прежнее венгерское двуединое государство за его реакционную политику, поскольку никто иной как Энгельс в 1848-1849 гг. высмеивал притязания небольших славянских народов и румын ("прогнившая нация"³) на независимую государственность. Словаков он сбрасывал со счетов как «"нацию", абсолютно лишенную исторического существования»⁴, и выражал сомнения относительно способности южных славян "сшить кое-как эти лоскутки, чтобы возникла сильная, независимая и жизнеспособная нация"⁵. Энгельс писал, что если «восемь миллионов славян" позволило четырем миллионам венгров держать себя в подчинении в течение *восьми столетий*, то уже одно это убедительно доказывает, что малое число венгров обладало большей жизненной силой и энергией, чем это множество славян.»⁶

Не ведет ли сама логика ваших аргументов к принятию старомодного либерального империализма как меньшего зла и не согласитесь ли вы с Марксом и Энгельсом, что права "исторических наций" шире, чем всякой мелюзги? А если вы с этим согласитесь, не станут ли ваши нападки на национализм косвенной поддержкой тиранической советской империи?

Кедури: Ни в коем случае. Я утверждаю лишь, что малые национальные движения вызывают к жизни малые государства, и это создает определенные опасные ситуации, которые мир вряд ли может себе позволить. Когда в 1919 г. четырнадцать пунктов Вудро Вильсона в какой-то мере были воплощены в жизнь, нестабильность в Европе усилилась, поскольку вновь созданные государства были слишком малы, чтобы иметь возможность защитить себя. Вне зависимости от того, предстояло ли им столкнуться с экспансионизмом нацистской Германии или большевистской России, это были небольшие государства, граничившие и с могущественной Германией, и с

могущественной Россией. Такая великая держава как Россия всегда будет источником опасности для своих малых соседей, и, возможно, то же самое справедливо в отношении объединенной Германии, сколь бы либеральными и демократическими ни были ее внутренние институты. Всегда будут возникать обстоятельства, при которых крупное государство, граничащее со слабой страной, будет испытывать искушение подчинить ее своей воле.

Урбан: Вы сказали: "сколь бы либеральными и демократическими ни были ее внутренние институты". Не противоречит ли это мнению, распространенному на Западе со времен второй мировой войны относительно тенденций диктаторских и демократических государств в сфере внешней политики, а именно, что правительства, агрессивные по отношению к своим гражданам и использующие против них насилие, склонны быть еще более агрессивными по отношению к другим странам, а правительства, придерживающиеся либеральных и демократических принципов, с куда меньшей вероятностью демонстрируют агрессивные тенденции на международной арене? Ведь вот в ноябре 1989 г. Вацлав Гавел, тогда только что избранный президент Чехословакии, сказал, что объединенная Германия с 80 млн. населения беспокоит его не больше, чем Федеральная Республика с 60 млн. — до тех пор, пока выросшая в размерах Германия остается свободной и демократической.

Кедури: Во-первых, сегодняшняя либеральная и демократическая страна не обязательно останется таковой и в следующих поколениях. Во-вторых, Германия как государство — это нечто огромное, производительное и заряженное энергией. При таком весе в мировом балансе сил она не может не стать центром притяжения для других стран; и власть имущие в Бонне или Берлине, кем бы они ни были, будут иметь искушение использовать его могущество. Во все не обязательно, что Германия будет использовать его с варварскими целями, как делали нацисты. Но, опираясь на исторический опыт, можно предсказать, что рано или поздно Германия решит, что

какое-то осложнение в одной из соседних стран, которое повлекло за собой неприятности в другой и в третьей, можно прекратить, только превратив какие-то соседние страны в своих сателлитов хотя бы ради создания санитарного барьера между собой и своим огромным соперником на востоке. Именно так поступают державы, и таковы традиционные способы сохранения равновесия сил.

IV

Урбан: Но не становятся ли наши бесконечные опасения относительно Германии через сорок пять лет после войны формой расизма: "немец — всегда немец"? Некоторые наши политики исходят из того, что германский характер (если таковой вообще существует) имеет какой-то генетический дефект. Я нахожу все это невежественным и оскорбительным. Представьте себе, какой бы разразился скандал, если бы они высказали хоть половину того жесамого о неграх или евреях.

Кедури: Я ни в коей мере не хочу создать впечатление, что у немцев плохой корень или что-то в этом роде. Я утверждаю лишь, что сознает каждый в какой-то степени знающий историю: Германия — крупное государство, расположенное в центре Европы и населенном одаренным и энергичным народом; государство, которое в состоянии перевесить на чаше весов. Я полагаю всего лишь, что немцы, как и мы все, не ангелы — если у них будет значительный перевес сил, они будут извлекать из него пользу.

Но вернемся к балансу сил: верх наивности само допущение (принятое за основу миротворцами 1919 г.), что между Германией и Россией можно основать независимое польское государство и оградить его от неизбежно конфликтных державных интересов этих крупных государств. Германии и России понадобилось лишь двадцать лет, чтобы вновь заявить о своих интересах, жертвой которых стала польская независимость. Ни в коей степени не предполагая возвращения в России Сталина, а в Германии Гитлера, я лишь напоминаю, что Берлин и Москва никуда не исчезнут с карты Европы и что у

этих столиц будут собственные внешнеполитические интересы, которые в одних случаях будут делать их союзниками, а в других — противниками. Во всех случаях Польше предстоит постоянно находиться между ними в подвешенном состоянии, а это для любой страны положение малоприятное и опасное. В 1919 г. американские, французские и английские устроители послевоенного мира поверили, что Польша сможет пережить столкновение интересов держав и что расчленение Австро-

Венгрии и создание на ее месте гетерогенных в национальном отношении государств-наследников сможет содействовать прочному миру. Это было в лучшем случае исторической аберрацией, в худшем же - чванством победителей.

Урбан: Не дает ли такой надежды то обстоятельство, что новое поколение лидеров в Западной Европе и в США, а также руководство Горбачева, великодушно забыли устаревший язык силовой политики или преднамеренно от него отказались? Я нахожу в высшей степени обнадеживающим, что молодые французы, немцы и итальянцы не могут не считать новую братоубийственную войну в Европе невыносимой ни при каких обстоятельствах и ни по каким причинам. И, если я правильно понимаю, они думают так не просто в силу существования Европейского Сообщества и не только из-за того, что ядерный фактор сделал любую войну абсолютно самоубийственной, но потому, что дух нашего времени, этот не поддающийся определению *Zeitgeist*, который так хорошо ухватили Горбачев и Шеварднадзе, полностью исключает войну как продолжение политики "другими средствами". Выступление Эдуарда Шеварднадзе на XXVIII съезде КПСС показывает, как далеко зашло горбачевское руководство в своем отказе от великодержавного бахвальства:

"...если мы будем продолжать тратить четвертую часть нашего бюджета на военные расходы, как мы это делали в прошлом, мы разрушим нашу страну; нам не понадобится тогда никакой обороны, поскольку разрушенная страна и доведенный до нищеты народ не нуждаются в армии. Нет смысла защищать систему, которая привела нас к эко-

номическому и социальному краху” (обратный перевод с английского. — Ред.).

Политические динозавры вроде Николаса Ридли на задворках Европы и кое-кто на периферии политической и военной жизни в Советском Союзе все еще держатся за идеи и фразеологию конфликтов вчерашнего дня, и это изумляет меня как нечто, требующее психологического объяснения.

Кедури: Это все прекрасно, и давайте надеяться, что подобные настроения определяют наше будущее. Но как историк, для которого прошлое является единственным источником знания, я должен предупредить против ошибочного принятия нынешней мирной картины за действительность во всей ее сложности. Готов согласиться, что ваши молодые итальянцы или немцы на самом деле не способны даже вообразить, что им придется обратить оружие против своих соседей. Но если вы подумаете о том, как изменчивы могут быть настроения людей, когда они собираются в толпу и когда к ним обращаются не как к отдельным личностям, а как к толпе, ваш оптимизм потребует поправок. Поведение футбольных болельщиков — это только в высшей степени мягкое проявление иррациональных массовых эмоций, хотя безумные действия многих английских болельщиков умеренными никак не назовешь. Когда англичане проиграли матч с командой ФРГ в полуфинале соревнований за мировой кубок в 1990 г., а было это за 700 миль отсюда, в Брайтоне, около трехсот немецких зрителей, преимущественно студентов, были спасены полицией от ярости обезумевшей толпы английских хулиганов. Можно задуматься, не пойдут ли такие субъекты под влиянием шовинистической пропаганды на войну против своих соседей, и не станут ли они драться с яростной жестокостью.

Массовый энтузиазм того или иного рода может овладеть любой группой населения. Я прекрасно могу понять причины, толкнувшие жителей Восточного Берлина, Лейпцига, Праги и Бухарестана демонстрации против их нечестивых правителей, и заслуживает восхищения, что повсюду, за исключением Румынии, гнев демонстрантов не привел к кровопролитию. Но

ситуация может меняться со скоростью молнии. Советские реформы не только развязали страсти против Москвы и ее приспешников — они восстановили азербайджанцев против армян, узбеков против киргизов, украинцев против русских, причем конфликты этого рода по интенсивности ничем не уступают столкновениям прежних времен. Припомните, какая судьба постигла армян в руках турок в 1915 г.; вспомните о других жесточайших нападениях одной национальной группы на другую, нередких в мусульманских районах нашего мира, и преимущества национального самоопределения, ведущего к отдельной государственности, придется серьезно поставить под вопрос.

Урбан: Но какой вывод делаете вы из этих печальных примеров — что в век прав человека и самоопределения национальные притязания и надежды должны быть тщетны?

Кедури: Я говорю только, что если нации предстоит сделаться государством, она должна принять во внимание риск, связанный с обретением государственности. Абсолютная независимость или полное подчинение власти централизованного деспотизма — это не единственная альтернатива; важно, чтобы между государствами существовало равновесие сил, поскольку это единственная надежная защита от всеобщего хаоса.

Баланс сил устанавливается не между нациями, а между государствами, так как лишь они обладают суверенитетом. Как только проясняется, какие интересы государства могут служить предметом переговоров для создания международной стабильности и какие вообще не подлежат обсуждению, поскольку государство не может пожертвовать ими, не ставя под угрозу свою сущность и свое выживание, оно может прийти к соглашению о балансе сил с другими государствами, которые аналогичным образом формулируют свои позиции. Именно так в духе взаимной терпимости сохранялся международный порядок вплоть до 1914 г.

Малые нации, не обладающие независимой государственностью — ваши армяне и молдаване — должны очень

серьезно подумать об издержках, связанных с ее обретением, и найти путь и способы мирного сосуществования внутри какого-то обширного и демократического государства, возможно, конфедеративного, вроде Габсбургской монархии. Это может не удовлетворить полностью националистические требования, но создаст в Центральной Европе безопасное убежище для нескольких малых наций, которые в отсутствие подобной структуры продолжали бы биться друг с другом, вновь и вновь попадая под власть и влияние могущественных соседей на Востоке или на Западе. Сейчас Югославия, Австрия и Италия, наряду с другими странами обсуждают возможность формирования подобной ассоциации, и это — ободряющий признак.

Урбан: Вы не прокомментировали высказывание Вацлава Гавела, что его не волнует перспектива возникновения единой 80-миллионной Германии при условии, что она останется либеральной и демократической. В этих словах много такого, что мы на Западе говорим миру на протяжении последнего полувека.

Кедури: Представление о малой вероятности войны между демократическими странами — это иллюзия. В широком смысле это то же самое заблуждение, в которое впал Кант, когда в "Вечном мире" высказал идею, что войны сделались бы невозможными, если бы все государства были республиками и объединились бы во всеобщую "лигу наций". В далеком от изобилия мире неизбежно возникают конфликты интересов между партиями, народами, государствами, которые по абсолютно законным и убедительным (с их точки зрения) причинам будут домогаться каких-то владений или преимуществ. Вспомните объяснение Руссо, что тирания возникла, когда первый человек окружил оградой свое жилище. Если мы примем это, то не будет натяжкой и утверждение, что само существование государств уже отягощено чем-то вроде "первородного греха". Гавел ошибочно полагает, что демократические институты сами по себе могут служить гарантией мира; для этого нужны сильные армии и решимость их использовать. Пелопонесская война была развязана знаменитейшей из демократий...

Урбан: Но она не была направлена против другой демократии...

Кедури: Это верно. Но важно, что афинские демократические институты не защитили афинян от соблазнов власти, грабежа и обогащения. Аналогично, демократические институты Соединенных Штатов не предотвратили гражданской войны между Севером и Югом, точно так же как (давайте уж опровергнем еще одну излюбленную гипотезу) войну между Германией и Великобританией в 1914 г. не предотвратило то обстоятельство, что обе эти страны имели высокоразвитые экономические связи и находились примерно на том же уровне промышленного развития. Неверно, что войны предотвращаются общими цивилизованными устоями. Германия, Франция, Италия и Британия принадлежат одной и той же цивилизации и, тем не менее, они дважды в этом столетии вцеплялись друг другу в глотки. Таким образом, я вновь возвращаюсь к утверждению, что только баланс силы публично провозглашенная готовность защищаться с оружием в руках могут предотвратить войну.

Урбан: Это печальная картина, которую с готовностью приняли бы лишь немногие из моих молодых друзей в этой стране или на континенте. Они воспринимают призывы к постоянной подозрительности, военной готовности и культивированию образа врага как анахронизм и безнравственность. Как согласиться с вашим пессимистическим прочтением истории, если Европа возрождается вновь, причемна этот раз под более счастливой звездой, чем в прошлом?

Кедури: Никому не дано спорить с историческими фактами. Войны случаются время от времени, как болезни у человека; часто мы не знаем их причин; нам известно, что война случилась, и мы подозреваем, что есть в человеческой природе нечто, способствующее периодическому возникновению войн. Мы можем их осуждать, но мы не в состоянии предотвратить их.

Урбан: Не подталкивает ли ваш пессимистический анализ к развязыванию войны? Не могут ли ваши аргументы натол-

кнуть какого-нибудь миролюбивого гражданина и на такую мысль: "Если уж войны в любом случае неизбежны, не лучше ли мне нанести удар первым?"

Кедури: Они не ведут, повторяю, абсолютно не ведут к такому выводу.

Урбан: Но допустимо ли утверждать неизбежность войн в эпоху ядерного оружия?

Кедури: Мы хранили на своей территории ядерное оружие, начиная с Хиросимы, но это не предотвратило разрушительных "обычных" войн в Корее, Вьетнаме и Ливане, войны между Ираном и Ираком. Под зонтиком ядерного сдерживания народы и правительства нашли вполне возможными выгодным развязывать войны. Я не вижу, почему заранее исключается подобный же исход для Европы. Под сенью ядерного оружия конвенциональная война может произойти и в Европе.

Урбан: Но, возможно, даже в Европе использование ядерного оружия стало бы неизбежным, если бы одна из воюющих сторон оказалась прижатой к стене и не имела бы никаких других средств к спасению? И не приведет ли это к всеобщему самоубийству?

Кедури: Если уж война развязана, нельзя исключить никаких альтернатив, включая использование ядерного оружия в Европе. Моя идея состоит в том, что нам не следует обманывать себя своей собственной риторикой. Попросту неверно, что внутренняя организация какого-либо государства является или когда-либо была гарантией против войны. Советский Союз и с многопартийной системой может быть более или менее милитаристским — то же относится к Германии, и к любому другому государству.

Урбан: Насколько мне известно, молодое поколение в Европе просто не приемлет идею, что политика равновесия сил представляет высшую мудрость в делах человеческих, что нормальные и мирные отношения между государствами и

нациями невозможны, если они не держат друг друга под прицелом. Молодежь разделяет взгляд Канта, что такая политика — это "безнравственные упражнения властителей". Вне всякого сомнения, такая точка зрения заслуживает уважения...

Кедури: Вот мы сейчас мирно беседуем в моем оксфордском колледже. Но ведь эта возможность в высшей степени обусловлена тем, что в Соединенном Королевстве правит закон и существует полиция, которая никому не позволит залезть на садовую стену и подстрелить нас из ружья. В этой стране существует тщательно структурированная иерархия авторитетов во главе с монархом и парламентом, которую все признают — поэтому закон и главенствует.

В сфере международных отношений таких общепризнанных авторитетов не существует. Международная система до сих пор немногим отличается от джунглей, и действие закона джунглей удастся разве что смягчить провозглашением и наложением санкций за нарушение мира. Это и составляет содержание политики равновесия сил.

V

Урбан: Но, согласитесь, мир вокруг нас движется одновременно в двух противоположных направлениях. Это, во-первых, движение к обширным наднациональным образованиям, самым впечатляющим примером которых является Европейское Сообщество. Ассоциации этого рода укрепляют идею, что и международный мир, и экономическое процветание, и наше экологическое выживание настоятельно требуют международного сотрудничества и координации, а в конечном счете — слияния. Но в то же время в Советском Союзе и в Центральной и Восточной Европе возрождаются неистовые националистические и сепаратистские теории и движения. Югославское государство разваливается на части по прежней демаркационной линии, разделявшей некогда Оттоманскую и Габсбургскую империи, причем Словения и Хорватия выступают за независимость и "возвраща-

вения и Хорватия выступают за независимость и "возвращение" в Европу. Действующие в Советском Союзе центробежные силы слишком хорошо известны, чтобы их требовалось комментировать.

Спрашивается, действительно ли мы имеем дело с развитием двух противоположных тенденций, или же сепаратизм эстонцев, латышей, грузин, албанцев и всех прочих пришедших в движение негосударственных наций стимулируется не антирусскими или антисербскими настроениями, а вытекающей из свободомыслия решимостью стряхнуть с себя централизованную идеологическую тиранию?

Если справедливо последнее, то следует признать обоснованность вашей надежды на мирное сосуществование во всех отношениях отличающихся друг от друга национальностей и в каких-то общих федеративных или конфедеративных государственных рамках. Но вправе ли мы заявить, что движение за независимость албанцев в Косово является скорее антикоммунистическим, нежели антисербским, или что украинцы ничего не имели бы против своих русских соседей, если бы Советский Союз перестал быть коммунистическим репрессивным государством?

Кедури: Провести четкие разграничения здесь нелегко. С точки зрения нерусского населения Советского Союза, коммунистический деспотизм в этой стране воплощался в русских как "старших братьях"; тирания Союза коммунистов Югославии была преимущественно сербской окраски, хотя Тито был наполовину хорватом. Сопротивление одному покамест сопровождается враждебностью по отношению к другому. Но отождествление определенной национальности с притеснениями и несвободой не означает невозможности сосуществования между нациями неравной численности, различающимися религией и традициями. При конфедеративной структуре, основанной на репрезентативном правлении, не исключено, что после устранения идеологического мессианизма коммунистического или фа-

Страсти нынешнего националистического возрождения рано или поздно, возможно, исчерпают себя, а стремление обрести гражданский мир и процветание останется непреодолимым, но мир и процветание в наше время недостижимы без широкого сотрудничества с различными национальными группами и без равновесия сил между государствами.

Урбан: В таком случае, Маргарет Тэтчер ошибается, утверждая, что европейское объединение противоречит духу нашего времени, поскольку события в Восточной Европе и в СССР показывают, что мир движется скорее не к безликому слиянию наций, а к национальному сепаратизму?

Кедури: Обобщения такого рода в лучшем случае поверхностны. *Для настоящего времени*, несомненно, справедливо, что большинство западноевропейских стран, возможно, за исключением Британии, готовы уступить законно избранному и ответственному Европарламенту какую-то часть национального суверенитета. В этом смысле можно утверждать, что воинственное культивирование национальной самобытности уже выветрилось и что стремление поддерживать и развивать общеевропейские "блага" является всеобщим. Вот, например, статья 3 заявления НАТО от июля 1990 г.: "Движение внутри Европейского Сообщества к политическому союзу, включая развитие европейской самобытности в сфере безопасности, будет также способствовать атлантической солидарности и утверждению долговременного и справедливого мирного порядка на Европейском континенте". Эта "европейская самобытность" в сфере безопасности — очень важное добавление к использовавшимся ранее терминам. Она была сделана по настоянию Франции, и это показывает, в каком направлении движется Париж.

Проведенная в рассуждении Маргарет Тэтчер параллель с национальными проблемами в Восточной Европе и в Советском Союзе не выдерживает критики. Там национальное недовольство вышло на поверхность не потому, что

национальные чувства являются конструктивной силой, противостоящей репрессиям, но потому, что в течение четырех споловиной десятилетий в Восточной Европе и семидесяти лет в Советском Союзе национальные права и традиции грубо подавлялись. Я не думаю, что какие-то национальные группы в Советском Союзе прибегли бы к оружию, как это сделали армяне и грузины, если бы они располагали такими же свободами как франко- и итальяноязычное население Швейцарии. Сейчас советские руководители признают, что трудности в национальных регионах порождены их собственным головоутианием. Так, на XXVIII съезде КПСС секретарь ЦК Г.И.Усманов заявил:

"Давайте будем честными: так называемое решение национального вопроса, провозглашавшееся в прошлом, оказалось опасной иллюзией. Желание искоренить этнические проблемы, основанное на искаженном и примитивном понятии классового подхода, привело к ситуации, когда все, что не попадало в рамки этого понятия, объявлялось национализмом. Были времена, когда в тонкую ткань межнациональных отношений грубо врubaлись силовыми методами. Существовал глубокий разрыв между официальной версией и тем, что народы видели и знали" (обратный перевод с английского. — Ред.).

Я считаю, что события в Восточной Европе и Советском Союзе не дают оснований для выводов относительно желательности либо нежелательности и осуществимости либо неосуществимости объединения Западной Европы.

Урбан: Меня беспокоит ваше настойчивое утверждение благотворности обновленной политики равновесия сил. Не спорю, в прошлом она неоднократно играла стабилизирующую роль. Но переварит ли общественное мнение сейчас, когда мы живем в полностью изменившемся ядерном мире, возвращение к этой политике и поддержит ли оно тот тип менталитета, который эта политика неизбежно выдвинет на первый план?

Если обратиться к единственной сохранившейся поныне сверхдержаве, Соединенным Штатам, то мы знаем, что в 1970-е годы, во времена Никсона и Киссинджера, киссинджеровская политика равновесия сил в духе Меттерниха лишила эффективности идею детанта, потому что американцы не понимали ту хитроумную игру, которую вел Киссинджер, а в той мере, в какой она была им доступна, находили ее неамериканской и безнравственной. Конечно, в Европе легче бы восприняли новую политику баланса сил, но в итоге она оживила бы как раз те прочно забытые комплексы националистической одержимости, которые нынешнее образованное молодое поколение, несомненно, блестяще преодолело.

Реакция во Франции и в Британии на разрушение Берлинской стены и первые признаки стремления обеих Германий к объединению послужила отрезвляющим напоминанием, что наши политические боссы старшего поколения неспособны выбраться из колеи 1945-го, если не 1914 г. Как только почувствовалось ослабление советской угрозы, наши политики и ведущие комментаторы стали намекать на необходимость англо-французского ядерного союза. Президент Миттеран надеялся, что Горбачев за него выполнит эту работу и наложит вето на объединение Германии; Маргарет Тэтчер при каждом удобном случае вызывала в воображении атаквистические картины германской угрозы; внезапно вспомнили об англо-польской и франко-польской дружбе как противовесе польско-германскому пограничному вопросу, а шовинистическое крыло нашего журналистского сообщества стало делать жуткие намеки на приближающийся "аншлюсс" Восточной Германии. Бесподобный Николас Ридли в июле 1990 г. блестяще продемонстрировал на страницах журнала "Спектэйтор", что национальные и расовые предрассудки и политика равновесия сил — это две стороны одной медали.

Европейская публика, особенно молодежь, не проявила к этому особого интереса. Но можно ли в долговременной перспективе проводить политику равновесия силы сохранить конструктивность, участвовать в общих усилиях и

исповедовать общие цели Европейского Сообщества? В прошлом политика равновесия сил вела к войне...

Кедури: Политика равновесия сил совсем не обязательно соединяется с национальной нетерпимостью. Ни в XVIII веке, ни даже в XIX национализм не был серьезным фактором — вплоть до франко-прусской войны. Эта политика необязательно должна быть задиристой или милитаристской. Она означает лишь, что когда мощь одного государства чрезмерно возрастает и тем самым создается потенциальная угроза миру и безопасности других стран, они, эти страны, пытаются скоординировать свои интересы таким образом, чтобы уравновесить эту мощь. Когда находившейся под советским контролем Польшей управляли коммунисты, смешно было предположить, что генералу де Голлю следует подписать франко-польский договор как дополнительную гарантию против ФРГ. Германия тогда обладала ограниченной мощью и ограниченными перспективами на будущее, в то время как Советский Союз, сателлитом которого была Польша, был или казался всемогущим. Но в 1990 г., когда советское предполье в Восточной Европе было разрушено, а Германия вот-вот обретет дополнительную силу, для президента Миттерерана было вполне разумным подумать о франко-польской дружбе как о противовесе германской гегемонии. Такие ходы так же стары как сама история. При нашей человеческой природе политика равновесия сил оказывается наилучшим из всех изобретенных до сих пор механизмов поддержания видимости порядка в мире.

Урбан: Но оборотной стороной любой политики равновесия сил становится страх "окружения", не раз дорого обходившийся в прошлом. Для равновесия кто-то должен чувствовать себя окруженным, а это порождает паранойю и кое-что похуже.

Кедури: Слишком многое здесь притянута за уши. Когда после Первой мировой войны французы решили создать Малую Антанту, чтобы как-то контролировать Германию и Венгрию, это была вполне здравая идея. Не останься Малая Антанта

чисто бумажным изобретением, мы могли бы избежать Второй мировой войны.

Урбан: Только что вы сказали, что конфедеративное государство по образу и подобию Габсбургской империи является одним из наиболее желательных каркасов для мирного сосуществования различных наций и национальных меньшинств и лучшей гарантией против склонных к чрезмерным притязаниям соседей. Теперь же вы высказываетесь в поддержку Малой Антанты, возникшей как раз на осколках монархии Габсбургов. Как это совместить?

Кедури: Если бы удалось осуществить на подлинно федеральной и либеральной основе тот тип многонационального федерализма, который зарождался в Габсбургской империи, это составило бы адекватную базу для межнационального мира и международного равновесия. Но коль скоро эта возможность не осуществилась, Малая Антанта была, по крайней мере, по идее, тем стержнем порядка в Центральной Европе, который мог бы сдерживать потенциально ирредентистскую Германию.

Урбан: С точки зрения "европейцев" младшего поколения, есть основания утверждать, что здоровье Европы недостижимо, если ее восточная и центральная части смертельно больны, а также что Германия в силу своего географического положения и экономической мощи, равно как и в силу своих интересов, является, быть может, единственной и, во всяком случае, главной европейской страной, способной и желающей расчистить и дезинфицировать эти пораженные раком органы нашего континента на благо всей Европы и, разумеется, на благо самой Германии. Стоит ли оживлять прежние подозрения, возрождать устаревшую фразеологию и дедовские политические махинации в полностью изменившихся обстоятельствах на пороге нового тысячелетия? Неважнее ли сейчас, когда время вызывает о забвении некоторых аспектов прошлого опыта, сделать это, а не вспоминать их до бесконечности?

Некоторые высказывания британских и французских политических лидеров о будущем послесоветской Европы, сделанные в 1990 г., напоминают мне о ретроградной политике Клемансо на Парижской мирной конференции 1919 г. Вот как описывал это член британской делегации Джон Мейнард Кейнс:

"Клемансо придерживался той точки зрения, что европейскую гражданскую войну нужно рассматривать как нормальное или, по меньшей мере, устойчиво воспроизводящееся состояние дел в будущем... Европейская история должна быть постоянным состязанием, в котором Франция только что выиграла очередной раунд — очередной, но отнюдь не последний... Это политика старого человека, опыт и воображение которого в их наиболее живых и действенных проявлениях относятся к прошлому, а не к будущему. Он видит проблему в терминах Франции и Германии, но не в терминах стремящихся к новому порядку человечества и европейской цивилизации".⁷

Кедури: Действительно, это убедительный аргумент в пользу того, чтобы перестать относиться к истории с подозрительностью, стереть из памяти прошлое и начать все заново с чистого листа; конечно, это импонирует молодости и идеализму. Я не называю такой подход ошибочным или чрезмерно наивным. Но я напоминаю, что государства имеют естественные интересы, растущие вместе с ростом их мощи. Абсолютно верно, что Федеративная Республика Германия — это почти образцовое демократическое государство с безупречным послужным списком в сфере международных отношений. Но Центральная и Восточная Европа — это как раз тот регион, который всегда был главной целью германской экспансии и который сейчас подпадает под немецкую экономическую гегемонию. Это не значит, что объединенная Германия обязательно станет экспансионистской державой, будь то идеологический или даже обычный экспансионизм в духе вильгельмовской Германии; но сохраняются опасения относительно определенного экономического дисбаланса в европейских делах, который может развиться при отступлении СССР. Осторожный человек задается вопросом, как в

долговременной перспективе Германия станет использовать свою новоприобретенную экономическую гегемонию? Существует ведь много способов, посредством которых сильное государство способно держать слабейших соседей в страхе божьем. Что произойдет, если Германия пойдет на новый Рапалло? Что, если она заявит своим союзникам по НАТО: мы не согласны больше на присутствие ваших вооруженных сил на германской земле, пока не будет положен конец ядерной дискриминации в отношении Германии и мы не приобретем такие же ядерные силы, как французы и британцы? Кто сможет выступить против этого?

VI

Урбан: Не слишком ли мы обгоняем события? Пока проблема, над которой мы еще долго будем ломать голову и решению которой отдавать содержимое наших кошельков, в том, как именно, какими способами осуществлять отступление коммунистической системы и как спасти из-под ее обломков 100 млн. жителей Восточной и Центральной Европы равно как и 280 млн. жителей Советского Союза. Стоит ли в столь сложное время беспокоиться о далеких последствиях оздоровления Европы, когда оно само еще является весьма проблематичным? С моей точки зрения, опасаться в 1990 г. будущей германской гегемонии соответствует рассуждению, что "если мне повезет, хирург удалит мою раковую опухоль. Но не приобретет ли он слишком сильную власть надо мной, когда я вполне оправлюсь от болезни?"

Кедури: Из уроков, полученных в странах третьего мира, известно, что спасение жителей Центральной и Восточной Европы может быть лишь делом рук их самих — наша помощь будет иметь лишь второстепенное значение. Но если это так, мы должны подумать, обладают ли восточноевропейцы необходимыми для осуществления этой задачи материальными, историческими и духовными ресурсами. История балканских наций после их освобождения от османского правления не выглядит особо ободряющей. То же самое можно сказать о государствах, возникших после распада Австро-

Венгерской монархии, включая и саму Венгрию. За исключением Чехословакии, эти государства вели свои дела просто катастрофически. Вряд ли парламентарные демократические традиции в Польше и Венгрии живы и сейчас, после полувека коммунистического беззакония. Этим странам еще предстоит написать полностью новые главы их истории, а пока то, что они имеют, содержит слишком много пустых страниц. Нет никаких гарантий, что государства, рождающиеся после крушения советской гегемонии, будут лучше справляться со своими делами во внутренней сфере или во взаимных отношениях, нежели их предшественники после прекращения существования Оттоманской и Габсбургской держав.

Урбан: Я полагаю, что поляки, чехи, словаки и венгры располагают более обширными резервами демократии, чем считаете вы. Но, даже допустив, что резервы эти таковы, какими они представляются вам, я все-таки вижу ободряющие моменты в одном примечательном и парадоксальном явлении. Марксизм-ленинизм проповедовал освобождение и процветание, а на деле привел к подавлению и скудости. Подавление уже осталось в прошлом, а вот прежнее освободительное кредо довлеет над умами, стимулируя стремление Центральной Европы к демократии и социальному благосостоянию. В определенных отношениях правление коммунистов сыграло роль народного "университета". Во время моих недавних поездок в страны Центральной Европы я выслушал множество вполне квалифицированных суждений о том, что такое демократия и как сделать ее работоспособной. Сейчас создаются новые конституции или вносятся поправки в конституции существующие, и новые институты вписываются в правовые кодексы.

Кедури: Но тут-то и кроется проблема. Демократия ведь не создается по приказу, и я не думаю, что институты можно создать с помощью законодательства. Посмотрите на американскую, британскую или канадскую конституции и задайте себе вопрос: как они действуют и обеспечивается ли их действие решениями какой-то коллегии адвокатов или другими формальными процедурами? Вы обнаружите, что эти

конституции имеют базой сбалансированное общество, в котором разные группы ограничивают и контролируют существенные интересы друг друга, прежде всего экономические интересы, шутить с которыми не позволено никому. Именно это гарантирует общественное равновесие и предотвращает появление единоличной диктатуры или однопартийного правления.

Большинство стран Центральной и Восточной Европы страдает историческим дефицитом этих качеств, и хотя не исключено, что им удастся таковые обрести, мы бы зашли в своих надеждах слишком далеко, утверждая, что они сделаются демократиями просто потому, что советская держава отступает и их национальная независимость восстановлена. Ваш тезис о демократическом духе Центральной Европы, видимо, почерпнут в "хорошем Марксе"...

Урбан: Этого выражения я не употреблял...

Кедури: Эгалитарные подводные течения советизма — это интересное явление, но позвольте сказать, что "хороший Маркс" — эпитет, который применяют к молодому Марксу, был до смешного утопичен. Его идеи совершенно бесполезны для любой практической политики. Короче говоря, сегодня с уверенностью можно говорить лишь о том, что уверенности нет ни в чем.

Урбан: Мне хочется отослать вас к словам Аристотеля об эффективности и неэффективности конституций, а именно, что конституции бесполезны, если они не укоренены в обычаях и традициях народа. Ныне вполне справедливо заключение, что Центральная Европа не располагает системой взаимоотношевывающих экономических интересов, но, вне всякого сомнения, неверно, что у поляков, чехов или венгров недостает традиций, которые делают возможным существование правового государства и политического плюрализма. Венгерская Золотая булла (1222 г.) — лишь один пример; она почти столь же древняя как английская Великая хартия вольностей (1215 г.) и содержала сравнимые условия ограничения королевских привилегий и прерогатив.

Кедури: Одной из главных забот Аристотеля было предотвращение революции и беспорядка. Он, конечно, говорил об очень небольших обществах и исходил из того, что политическое действие органически связано с личными добродетелями (или отсутствием таковых) каждого гражданина. "Государство хорошо только тогда, когда хороши и сами граждане, разделяющие бремя правления" — писал он в своей "Политике". Мы уже давно не живем в малых обществах и не связываем свой политический анализ с достоинствами граждан.

Урбан: И очень жаль.

Кедури: Наверное, но все же это так. Цель Аристотеля состояла в выявлении, а затем в исключении социального экстремизма. И он предложил кое-какие средства против этой болезни. Когда происходит революция богатых, говорил он, аристократия вырождается в олигархию, и не принадлежащие к этим победившим слоям лишаются не только имущества, но и гражданских прав. Каким образом, задает он вопрос, это можно предотвратить? Если вы принадлежите к олигархии, отвечает он, вы должны посоветовать другим олигархам, что ваша олигархия прежде всего должна заботиться об интересах "демоса" — народа, бедняков. Аналогично, продолжает он, если победы добился народ и существует "демократия", то первой заботой ее представителей, т.е. демократов, должны стать интересы богатых. Эти советы могли бы принести пользу строителям новых демократий в Центральной Европе, но я сомневаюсь, что сейчас, на волне поднятых коммунизмом страстей, они смогут на это пойти в обозримое время.

Урбан: Я бы сказал, что они задумываются о социальной справедливости: похоже, новые демократии больше заинтересованы в "социальной рыночной экономике" — по шведскому, австрийскому или немецкому образцу, нежели по тэтчеровской модели. Они хотят объединить свойственные свободному рынку продуктивность и изобилие с многочисленными защитными мерами, которые с помощью налогов способны создать государство. Может быть, это — современный эквивалент аристотелевского принципа?

Кедури: В намерении, по замыслу — возможно. Но я не вижу, как эту идею можно осуществить на практике, принимая во внимание, что в посткоммунистических обществах пока что нет частной собственности, из обладания которой могло бы проистекать разнообразие конкурирующих политических интересов. А если ограничить частное обогащение, демократия в Центральной Европе окажется перед трудной задачей. Нет и не может быть коротких путей к конституционному и представительному правлению. После войны весьма компетентные специалисты британского министерства колоний потратили много времени на тщательнейшее составление справедливых конституций для британских колоний в Африке. И вот плоды их трудов!

Урбан: Но неспособность или неготовность африканских племен к созданию демократических обществ не является основанием для прогнозирования, как будут вести себя на пороге нового тысячелетия чехи — нация Яна Гуса или венгры с их древней традицией конституционного правления?

Кедури: Моя аналогия может показаться притянутой за уши, но в ней есть смысл по отношению к будущему туркменам, киргизам, узбекам, армянам и азербайджанцам, коль скоро им удастся добиться независимости.

Урбан: Сделаю в заключение замечание о силовой политике: я полагаю, что испытываемое младшим поколением отвращение к любой политике равновесия сил вытекает из ее очевидной аморальности (с их точки зрения). Несложно обосновать в моральном плане ведение идеологической войны — горячей или холодной. Когда нацию призывают сокрушить идеологическую империю, будь то нацизм или сталинизм, ее одновременно призывают воевать не только за национальные интересы, но за то понимание мироустройства, которое она считает справедливым, и против того, которое ей представляется несправедливым и тираническим. Но когда исчезают идеологические антагонисты и начинается силовое балансирование между государствами со сходными институтами и одинаковым общественным строем, перед

общественным сознанием встает совершенно иная проблема. В этом случае от граждан демократических государств — французов, немцев, британцев и итальянцев — требуют, чтобы они приготовились бряцать оружием или и того хуже — воевать друг против друга потому только, что то или иное государство слишком уж "возникает", превосходит экономически или просто задевает гордость и "положение" других.

Молодежь всей Европы считает неприемлемой заимствованную из прошлого века манеру нетерпимого отношения к миру и не желает видеть таких новых глав в учебниках истории как "Европейская гражданская война, 1914-1989".

Кедури: Нелегко установить критерий моральности в общественных делах, и моральные проблемы не поддаются легкому решению. Как заметил Гуго Гроций, в войне и политике необходимо найти какой-то средний путь между теми, кто говорит, что в этих делах позволено все, и теми, кто утверждает, что в них все незаконно. В 1941 г. Британия и США вступили в союз со сталинской Россией, прекрасно зная, что Сталин и его система отвратительны и чужды всему тому, что защищали Британия и Америка. Но они остро почувствовали, что главная угроза их свободе и, возможно, самому их существованию исходила тогда от гитлеровской Германии. Для победы над нацизмом альянс со Сталиным был необходим. Это была политика равновесия сил в самой грубой форме.

Другой пример. В середине 1970-х годов бывший президент Никсон разыгрывал китайскую карту. Он урегулировал отношения с Мао и даже сделал их дружескими, так как стремился изолировать Советский Союз. Считал ли Никсон, что Мао и его хунвэйбины были хоть чуточку лучше, чем те бандиты, которых советские руководители бесконечное число раз выпускали на собственный народ? Ни в коем случае. Никсон действовал, исходя из холодного расчета, ради достижения высокой цели, и это ему удалось.

Урбан: Но, согласитесь, в обоих этих случаях политика равновесия сил со стороны западных держав мотивировалась

этическими и философскими соображениями: нацизм надо было победить, потому что это был угрожающий всему миру тоталитарный деспотизм, и по тем же причинам необходимо было изолировать и побороть советскую систему. Однако в постнацистском и посткоммунистическом мире любая политика равновесия сил распространялась бы на людей со сходными мировоззрениями и на идентичные общественные системы, которые для взаимного контроля комбинировали бы экономическое давление, военные угрозы и инспирацию из-за рубежа националистических движений. Простите, что я повторяюсь, но европейское молодое поколение не захочет иметь с этим ничего общего. Они, как и святой Августин, чувствуют, что любой мир, достигнутый таким способом, — "мир несправедливости". Видимо, именно поэтому они в абсолютном большинстве поддерживают объединение Европы. Можно отвергать их мышление? Не защищают ли они в действительности более высокую идею "равновесия" между нациями, которая заменит подкуп и шантаж сотрудничеством и интеграцией?

Кедури: Уж если цитировать блаженного Августина, то надо помнить, что для него справедливость была достижимой только в Божьем Граде. Во время нашей беседы вы постоянно ссылаетесь на молодежь и ее взгляды. Но молодость сама по себе не гарантирует добродетели или мудрости. Напротив, в той мере, в какой эти качества вообще достижимы, их легче обрести в зрелости. Не случайно лозунгом такого демагогического движения как итальянский фашизм было "Giovinezza, giovinezza!".

Ваши ссылки на молодежь напоминают мне один отрывок из изумительной антологии Олдоса Хаксли "Тексты и предлоги", весьма иронически звучащий в сегодняшнем контексте. Эта антология была опубликована в 1932 г. Это была первая книга, которую я купил себе сам, будучи школьником, и она дала мне более остальных понимание западной поэзии. Там есть глава о пожилом возрасте, где Хаксли цитирует строфу поэта елизаветинских времен Томаса Бастарда:

*Их старость безобразна, а наша юность зла,
Они хулят наш разум, а мы же — их тела.*

И дальше Хаксли пишет:

"Многое изменилось со времен королевы Елизаветы. "Мы", иначе говоря, молодежь, презираем теперь не только их тела, но также — и прежде всего — их идеи. В двух политически наиболее "продвинутых" государствах Европы эта неприязнь настолько сильна, что возраст там стал несомненным препятствием на пути к политической власти. Коммунизм и фашизм апеллирует к поддержке молодых и только молодых. Как в Риме, так и в Москве зрелость стала бесправной".

И далее Хаксли пишет:

"Величайший из африканских племенных вождей обратился к посетившему его белому путешественнику с отчаянной мольбой: "Дай мне краску для волос", у него уже пробивалась седина. Вскоре затем его воины обрекли его на смерть".

Юность, как говорит поэт, в своей самоуверенности, действительно, зла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джордж Урбан, Хью Сетон-Уотсон. Национализм и его аспекты. "Проблемы Восточной Европы" № 5-6, стр. 176-177

² L.V.Namier. 1848: Seed-Plot of History. - In: "Avenues of History", London, p. 53.

³ "Neue Rheinische Zeitung", Koln, 13.1.1849.

⁴ Op. cit., 15.2.1849.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ John Keynes. The Economic Consequences of the Peace. London, 1919, pp. 31,33.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ПОСЛЕКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЕНГРИИ

1. Исторические, социологические и социопсихологические обстоятельства

Повторное обретение истории

Бывший советский диктатор Иосиф Виссарионович Сталин не раз заявлял, что "история принадлежит Богу". Трюизм этот приходился по вкусу всевозможным диктаторам на всем протяжении истории, но истина в нем, безусловно, отсутствует. Из этого суждения вытекает, что нынешние владыки владеют и правят надо всем, включая прошлое, настоящее и, следовательно, будущее. В случае самого Сталина этот вывод оказался несостоятельным. Несостоятельным он оказался и для коммунистических правителей Центральной и Восточной Европы. Существует много интерпретаций недавних резких перемен в Восточной Европе — "тихая революция", "бархатная революция", "переход от государственного социализма к капитализму" и т.п. Рассматривая эти изменения в связи с национальными проблемами, мы бы хотели интерпретировать их как процесс, итогом которого стало восстановление исторической непрерывности в Восточной Европе. В результате народы этой исторической пустоши вновь обрели свою историю.

Несомненно, что восстановление исторической непрерывности влечет за собой множество преимуществ, но в то же время цена его очень велика. Прошедшие четыре десятилетия государственного социализма можно рассматривать как нечто вроде мюнхаузеновской попытки из-

бавиться от тревог и печалей исторического наследия, где с избытком хватало межгрупповых конфликтов, ненависти, агрессии и предрассудков. Эта иллюзия управляемого коммунистами общества относительно избавления Восточной Европы от межнациональной вражды и межнациональных конфликтов трансформировалась в амбициозную программу модернизации в сталинском духе — с нуля, с внеисторического "чистого листа". Обещаны были социальная справедливость, равенство, развитие разнообразнейших человеческих ресурсов и международное взаимопонимание. Ввиду отсутствия подходящих способов реализации этих благих намерений, социалистическая мечта переродилась в тоталитарный кошмар негативной модернизации¹.

Сейчас многие действующие лица и обозреватели восточноевропейской сцены полагают, что все нужно начинать заново, отсекая будущее развитие от 1945-1989 гг. С их точки зрения, весь восточноевропейский регион — это просто арена возрожденных национальных конфликтов, где следует четко различать те силы, которые провозглашают нацию высшей ценностью, и те, которые сбрасывают идею нации со счетов.

Сегодня вновь усматривают противоречия между прогрессом национального развития, в центре которого — формирование независимых национальных государств, и прогрессом социального развития с такими фокусами как установление политической демократии, классовой структуры, основанной на равенстве возможностей, и рыночной экономики. На деле эти противоречия являются характерной чертой вновь обретенного исторического наследия.

Но правомочна и точка зрения, что прошедшие четыре десятилетия тоже принадлежат истории, и что при всей их противоречивости они все же оказали на восточноевропейские общества определенное формирующее воздействие. В большинстве тех стран, о которых идет речь, выросли поколения, не подвергавшиеся воздействию открытой

националистической и социальной демагогии. Процесс социалистической пролетаризации полностью разрушил остатки предшествовавших полуфеодальных и полукapиталистических путей пролетаризации. На стадии, предшествовавшей государственному социализму, социальная структура восточноевропейских стран с характерным для нее огромным неравенством и всепроникающей несправедливостью была унавоженной почвой для национализма, антисемитизма и злобы по отношению к любым меньшинствам.

При социализме вирус межгрупповых конфликтов мог и не измениться, но круг его возможных носителей сузился. Парадокс социалистического периода в восточноевропейской истории состоит в том, что не удалось построить обещанное постбуржуазное общество справедливости, но был достигнут успех в устранении остатков феодального прошлого и одновременно — в непреднамеренном стимулировании процесса обуржуазивания², который, в конечном счете стал решающим фактором окончательного краха социалистического эксперимента. Этот "блудный сын" социализма, воплощенный во второй экономике, каких-то ограниченных сферах рыночной активности, потреблении, автономии частной жизни и гражданских движениях взаимной поддержки, убил своего "отца", чьим воплощением были планируемая распределительная экономика, однопартийное правление и тотальный контроль над обществом³.

Уровень обуржуазивания в восточноевропейских странах весьма различен. Чем более высокое место занимала данная страна на шкале социалистического обуржуазивания как противоположности социалистической пролетаризации, тем более заметна тенденция к мирному и ненасильственному переходу к послекоммунистической фазе. Цель состояла в том, чтобы догнать западные страны, уже давно вступившие на путь позитивной модернизации, используя для этого структуры рыночной экономики, парламентскую демократию и классовое общество с сильным средним классом в его центре.

Национальное чувство

Природа национального чувства изучалась и обсуждалась много, и редко отрицался тот факт, что группы, определяющие себя и других в терминах национальных различий, являются продуктами относительно поздней стадии исторического развития⁴.

Само слово "нация" ни в коем случае не ново, но как обозначение высшей категории, позволяющей множеству людей идентифицировать себя в качестве определенной целостности, оно было неизвестно до французской революции 1789 г. Эту дату мы принимаем как рубеж перехода от традиционной социальной организации к современности. Во время этого перехода новые ценности — свобода, собственность, равенство — и предназначенные для их воплощения институты, такие как парламентская демократия, рынок и классовое общество, обесценили прежние категории самоидентификации в качестве средств легитимизации нового общественного порядка. В этом новом порядке участники экономической и политической деятельности с противоположными интересами стали воспринимать друг друга вне рамок традиционных общностей. Единственной надежной основой для формирования нового коллективного самосознания стал класс. Однако противоречивая природа такого способа самоотождествления была сильнейшим препятствием формирования законопрядка, требовавшего более спаянного коллективного самосознания. Традиционные способы самоотождествления, осмыслявшиеся в терминах общности религии, области или города проживания, сословия, профессии и т.п., уже были частично или полностью утрачены, и их психологическая сила в значительной степени истощилась. Следовательно, категория национальности может рассматриваться как попытка заполнить расширяющийся вакуум легитимизации. Национальность осталась единственным критерием, служащим в качестве "общего знаменателя" для всех общественных групп и обеспечивающим чувство общности и основу для политического и социального консенсуса.

В обыденных проявлениях национального чувства очень легко обнаружить неявное допущение, что нация есть "естественная группировка". Использование этого допущения можно с уверенностью связать с общими характеристиками обыденного знания, основанного на "естественном" отношении к окружающему миру, который люди обычно принимают в качестве чего-то само собой разумеющегося и от природы "данного". Но по отношению к нации это предположение нуждается в тщательном изучении. Скрупулезный исторический и социологический анализ показывает, что подход к нации как естественной группе — это урок, усвоенный в результате соответствующей индоктринации и социализации. Прежде всего следует выяснить роль глубинных национальных идеологий в формировании естественного отношения к нации.

Национальная идеология

Национальные идеологии могут быть классифицированы по роли в них биологических и органических корней национального существования. Такого рода аргументы ни в коей мере не являются выдумками, преднамеренным обманом или, если использовать марксистскую терминологию, продуктами "ложного сознания". Они основаны на этноцентрической национальной привязанности, подчеркивающей происхождение, родной язык, культурные ценности и нормы, которые отделяют "своих" от "чужих". В контексте феодального общества миф об этнической природе нации был монополизирован господствующим сословием, не всегда имевшим те же этнические корни, что и социальные слои, которыми оно повелевало. Этнические характеристики не могли играть основополагающей роли в формировании социального самосознания и акцентировались другие категории, такие как религия, статус, территория, занятие.

Эти только что перечисленные категории потеряли свою правовую и психологическую эффективность в итоге политической демократизации (которая сама была про-

изводной от более широкого процесса модернизации), в результате чего этнические критерии вышли на первый план. Развитие этого процесса облегчалось тесной связью этнических корней с языком и культурой. Когда классические языки, такие как греческий и латынь, утратили свою центральную роль в функционировании политических, правовых и культурных общественных институтов, каждая европейская страна оказалась перед необходимостью выбора своего собственного языка для продолжения соответствующей литературной традиции. Естественно, в каждом случае выбранный язык нуждался в усовершенствовании, но он широко использовался для устного и иного общения в данной местности. Однако в большинстве случаев местных языков было несколько, и все они, за исключением избранного, должны были подвергнуться ограничениям.

Если исходить из этих посылок, то можно дифференцировать предложенную выше двучленную типологию национальной идеологии. В европейских странах к западу от Рейна категория нации как имени общности родилась на основе предшествовавшего экономического, социального, культурного и политического развития. Определенное в национальных терминах единство фиксировало фактическое положение дел, достигнутое благодаря наличию устойчивых административных, правовых и культурных институтов. Эти нации можно охарактеризовать как нации, *имеющие свои государства*. Поэтому они меньше нуждались в национальной идеологии для обоснования этноцентрического наследия. Было достаточно легитимизации уже существующих властных отношений в терминах современной политической идеологии, акцентирующей такие ценности как собственность, свобода и равенство.

Другой путь национального развития реализовался преимущественно к востоку от Рейна. В этом регионе идея национального единства оказалась скорее желанной целью, для осуществления которой недоставало соответствующих экономических, политических, социальных и культурных основ. Здесь идея нации в своем появлении опередила

установление надлежащих национальных институций, и возникающая национальная идеология вынужденно апеллировала к таким элементам этноцентрического наследия как происхождение, культурные ценности и культурные нормы. Более того, вследствие полного или частичного отсутствия надлежащих автономных национальных институций (таких как столица, глава государства, правовая система, международно признанные границы, таможенные службы, армия, полиция, почтовая служба, академия наук, система образования и т.п.) этот тип национальной идеологии проявился прежде всего в поиске фикций и символов. Измышляемый таким образом национальный образ создавался путем исторических и этнографических изысканий, через литературу, живопись и скульптуру. Этот тип национальной идеологии можно классифицировать как организованный вокруг идеи нации, определенной в терминах культуры — в противоположность ранее рассмотренному типу нации, определенной в терминах государства.

Однако нельзя рассматривать культурный национализм исключительно как средство романтического или поэтического выражения национальности. Выражая заинтересованность в соответствующем экономическом и социальном развитии, он был одной из мощных сил модернизации, побуждая членов данной нации добиваться воплощения мечты о полномерном национальном государстве.

Третий тип национальной идеологии находит свои обоснования в сфере права и политики. В формировании таких наций этническое наследие не играет роли, поскольку их единственной основой является писаная конституция, и принадлежность к нации определяется исключительно в терминах гражданства безотносительно к этническому происхождению, религии или культурной самоидентификации граждан.

Эти идеально-типологические варианты национальных идеологий, укорененные в различных исторических траекториях национального развития, не следует считать

взаимоисключающими. Все они перемешаны, и какие-то черты каждой из них можно обнаружить во всех прочих. Национальные идеологии различаются в той мере, в какой они соответствуют какому-то из этих трех идеальных типов.

Запас знаний о национальной принадлежности

Осознание национальной принадлежности или национальной общности как современный способ самоидентификации можно представить как комплекс аффективных и когнитивных компонентов⁵. Формирование этого психологического комплекса есть результат национальной социализации в соответствии с господствующей моделью национальной идеологии. В его основе лежит *спонтанное осознание национальной общности*, вера в которую позволяет идентифицировать себя и других в терминах национальной принадлежности. Допущение естественной и самоочевидной природы нации также неотделимо от спонтанного осознания национальной общности, что характеризуется гордостью за свою нацию и предпочтительным отношением к ней и ее членам, принимаемым без возражений их подобием и сходством и столь же решительно принимаемыми различиями между членами этой нации и всеми остальными, к ней не принадлежащими. Психологическая важность спонтанного осознания национальной общности связана с поведенческим потенциалом, проявления которого зависят от ситуационных переменных национального контекста. Исторический опыт показывает, что предубеждения против данной нации, враждебные акции и агрессия сильно повышают вероятность такой поведенческой реакции, которая обостряет национальную самоидентификацию. Сходный эффект дает ситуация, когда большие массы отождествляются с другими социальными категориями, что порождает психологическую неуверенность. Однако это ощущение неуверенности может быть легко ослаблено посредством апелляции к национальной принадлежности. Национальные символы и ритуалы обычно вызывают спонтанные поведенческие реакции соответствующей национальной окраски. Встречи с иностранцами и

постоянное либо временное пребывание за границей также заметно стимулируют национальную идентификацию.

Способность категоризировать, иначе говоря, именовать или классифицировать, какие-то измерения окружающего мира как "национальные" есть результат включения в действие спонтанного осознания национальной общности. Это было бы невозможным без некоторых символов, определяемых национальной идеологией и рассматриваемых как выражение самой "сути" данной нации. Эта *символика* включает множество сюжетов из области географии, этнографии, психологии, морали, эстетики, культуры, политики, экономики и истории. Определенные в терминах национальной идеологии эти сюжеты создают соответствующий образ мира и тем облегчают передачу информации о связанных с национальным существованием фактах и ценностях.

Символика и сюжеты, формирующие национальный опыт, широко варьируются в зависимости от типа национальной идеологии, но *типизация* имеет место в каждом случае. В итоге создаются национальные прототипы и стереотипы, что делает мир данной нации видимым и ясным для тех, кто отождествляет себя со своей национальной группой. Кроме того, во многих случаях роль этих продуктов сознания выходит за рамки простого восприятия действительности. Будучи усвоены, они не только отражают национальную окружающую среду, но фактически творят ее. Типизация ведет не только к суждениям описательного свойства, но и к определениям того, что "типично" и что нетипично для национального характера, что, в свою очередь, порождает суждения о "нормальности" и отклонениях от нее.

Вероятностные суждения, порожденные надеждами и опасениями относительно исторического выбора, доступного данной нации в ее прошлом, настоящем и будущем, организуют этот опыт, завершая создание национальной сцены, занимающей типизированное национальное географическое пространство (отечество), где актеры (соотечественники) действуют во времени (история нации).

Культивируемые национальной идеологией ценности определяют в каждой сфере национального существования, что именно с национальной точки зрения подлежит одобрению, а что — осуждению. Усваивая эти ценности, члены национального сообщества развивают национальные склонности и предпочтения, определяющие их суждения и действия в экономике, политике, культуре и обыденном существовании во всех тех случаях, когда на повестку дня выходят жизненные проблемы национального существования.

Этот обзор компонент национального сознания, создающих познавательный арсенал данного национального сообщества, будет неполным, если не упомянуть когнитивные структуры, способствующие интерпретации и разъяснению вопросов национальной географии, социологии, психологии, морали, культуры, политики и истории. Для заинтересованной в сознательном участии в национальных делах личности главными средствами познания в этом случае становятся процедуры *оценки, дихотомизации, приписывания характеристик, компенсации и сравнения*. Для использования этих познавательных средств требуются значительные объемы *фактического знания*. В данном случае, однако, фактическая информация имеет лишь подсобное значение, поскольку цель состоит не в получении корректных и точных оценок, а в формировании когнитивно сбалансированной и свободной от неувязок и противоречий системы национальных убеждений и верований. В итоге формируется слепое и жесткое самовосприятие, сочетающееся с оправданием и защитой предвзятых воззрений на роль своей нации в международных делах. Существует, однако, много примеров противоположного рода. Способность подмечать противоречия, готовность к обсуждению относящихся к национальному существованию суждений, терпимость и способность встать на точку зрения другой стороны, определенная степень "интернациональной сопричастности" — все это следствия такой организации познавательных структур, которая допускает определенную степень когнитивного диссонанса. В зависимости от типа национальной идеологии содержание и структура наци-

онального самосознания меняется в широких пределах; кроме того, они характерным образом распределены по различным социальным группам. Социологический статус, измеренный образовательным уровнем, родом занятий и уровнем социальной мобильности, является, судя по всему, главной переменной, влияющей на относительно простые или усложненные формы и структуры национальной идентификации. "Широкая аудитория", которой адресованы эти призывы, восприимчива главным образом к сигналам спонтанного осознания национальной общности. Такая аудитория рекрутируется из всех социальных слоев. С другой стороны, имеется и "специальная аудитория", способная не только воспринимать, но и производить и распространять новые содержательные компоненты сознания национальной общности. А между этими двумя полюсами имеется еще "слушающая аудитория", размеры которой увеличиваются или уменьшаются в зависимости от реальной потребности в информации, относящейся к национальной судьбе.

II. Две парадигмы осознания национальной общности: "сообщество" и "общество"

Опыт венгра

В Венгрии национальное самосознание изучалось по опросам общественного мнения с 1969 г. Началось это исследование общественного мнения после попыток реформ в 1968 г., целью которых был переход к современным социотехнологическим способам управления обществом и каким-то формам рыночной экономики. Эти социологические обследования выявляли такие проявления спонтанного осознания национальной общности как этноцентризм; эмоции; национальные автостереотипы; национальные гетеростереотипы; представления о венгерских национальных меньшинствах за рубежом — в Чехословакии, Австрии, Югославии, Румынии и в Советском Союзе; восприятие сообщений средств массовой информации, относящихся к национальной сфере. В масштабах страны были сформированы выборки представителей взрослого населения и молоде-

жи; вопросы респондентам задавали специально подготовленные анкеты. Результаты этих обследований либо вообще никогда не публиковались, либо была опубликована лишь их незначительная часть. Доступ к ним имели только высокопоставленные партийные и государственные чиновники, которые на деле проявляли мало интереса к научным исследованиям национального самосознания венгров.

Эти обследования показали, что националистические настроения у венгров ярко выражены⁶. Очень многие (82—94%) принимают положительные и отвергают (87—93%) негативные суждения о своей стране и ее народе. Большинство респондентов выказало ошутимую гордость тем, что они венгры. При этом национальная гордость в Венгрии оказалась куда слабее, чем в США или в Ирландии, но сильнее по сравнению с Нидерландами. Ответы взрослой группы и молодежи в основном совпадали, но у молодежи национальные чувства проявлялись несколько слабее. Учащиеся старших классов обнаруживали свой этноцентризм, принимая позитивные и отвергая негативные стереотипы, относящиеся к их стране. Совершенно иной характер принятия и отклонения тех же самых стереотипных утверждений был продемонстрирован по отношению к другим странам — Словакии, Румынии, Польше и т.п. Молодежь проявила меньший по сравнению с взрослой группой оптимизм относительно своего национального существования, но в обеих группах было велико число воздержавшихся от ответов и пессимистов. Жители Будапешта с более высоким уровнем образования вошли в число наиболее пессимистично настроенных респондентов. Люди старших возрастов, жители деревень и менее образованные респонденты дали более позитивные и менее амбивалентные ответы на вопросы, относящиеся к национальным особенностям, чем молодые респонденты, горожане и люди с высоким образовательным уровнем.

Изучалось и восприятие респондентами причин успехов и неудач Венгрии. Вошедшие в общенациональную выборку респонденты объясняли успехи нации наличием сильных союзников и национальной солидарностью. Что касается не-

удач, то их объясняли силой противников, их упорством и наличием у них могущественных союзников; таким образом, ответственность за исторические трагедии переносилась на других и устранялся познавательный диссонанс. Более образованные, более заинтересованные и урбанизованные респонденты проявили меньшую склонность к таким объяснениям поражений, они выделяли их моральные или психологические аспекты. Общей оказалась тенденция видеть в Венгрии пассивного участника исторических событий. Когнитивная компенсация небольших территориальных размеров страны проявляется у венгров по следующей схеме: "Наша страна мала, но у нее есть огромные достижения и она породила великих людей". Эта когнитивная схема "огромных достижений при малых размерах страны" является мощным компенсационным фактором, противодействующим усилиям средств массовой информации обучить венгров, как им следует оценивать славу, значение и достижения своей нации.

Обследование выявило устойчивый и растущий интерес жителей Венгрии к положению венгерских национальных меньшинств в Югославии, Австрии, Чехословакии, СССР и особенно в Румынии, где проживает самое крупное из таких меньшинств. Обеспокоенность судьбой венгров за рубежом, в которых видят жертв антивенгерской дискриминации, является существенным признаком утверждения национального самосознания.

Результаты обследований подтверждают, что венгерское национальное самосознание выжило и с усилением кризиса системы государственного социализма стало серьезным политическим фактором, который не одолели пропагандистские кампании "социалистического патриотизма" и "интернационализма", на деле являвшиеся попытками денационализировать граждан Венгрии. Венгры были разгневаны сообщениями о планах Николае Чаушеску разрушить 6—8 тысяч деревень в Трансильвании, среди которых было множество поселений, основанных в далеком прошлом и населенных венграми (всего в Румынии около 2 млн. венгров).

Венгерское общество возмущали сообщения о закрытии венгерских школ, о лишении исторических городов их бывших венгерских имен, о разрушении кладбищ и памятников с целью искоренения венгерского сознания в Трансильвании.

Летом 1988 г. прошла крупная антирумынская демонстрация — она была неофициальной, но режим явно был не в состоянии предотвратить ее. Весной 1990 г. в Венгрии впервые после 1947 г. были проведены свободные выборы. Основным фактором, обеспечившим победу консервативного демократического форума, стала кровавая расправа в Тыргу-Муреш над местными жителями, принадлежащими к трансильванскому венгерскому меньшинству. Живущий там Андраш Шуте, один из крупнейших венгерских писателей наших дней, был серьезно ранен и наполовину потерял зрение. Однако переход Венгрии от государственного социализма к посткоммунистической фазе не помог найти лекарство для ущемленного национального самосознания. Новое правительство оказалось неспособным улучшить положение венгерских меньшинств в соседних странах. Очевидно, что его риторическая активность предназначена лишь для внутреннего потребления. С другой стороны, по мере того, как росло число нерешенных задач (приватизация, маркетинг, экономическая ориентация на Запад, инвестиции в инфраструктуру и развитие людских ресурсов и т.д.) и возникали новые внутренние проблемы (осознание некомпетентности правительства, безработица, инфляция, загрязнение среды обитания, снижение показателя продолжительности жизни, бедность широких масс, политическая апатия, невежество и бесцеремонность новой политической элиты и т.п.), уменьшалась насущность вытекающих из национальной идеологии разногласий и споров (кого считать венгром, а кого нет; отвечает ли глава венгерского правительства за судьбу венгерских национальных меньшинств за рубежом; можно ли оправдать участие Венгрии во второй мировой войне в союзе с гитлеровской Германией против Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании и т.д.). При государственном социализме венгерскому обществу или, по меньшей мере, существенной его

части (молодым, образованным, квалифицированным и активным гражданам), был преподан урок прагматизма и выживания. Маловероятно, что они забудут этот урок, несмотря на все более антикоммунистические и националистические лозунги правящей коалиции⁷. Упор в газетах и других средствах массовой информации на вопросы национальной идеологии, похоже, не вызывает особого интереса и поддержки. Проведенные осенью 1991 г. выборы в местные органы власти закончились убедительной победой либеральной оппозиции. Трудно удержаться от предположения, что венгерское общество настроено более либерально и менее этноцентрически, нежели его нынешнее правительство.

Интеллектуалы и национальное сознание

Обследования национального самосознания показывают, что главными факторами, определяющими природу и тип национальной привязанности, являются уровни образования и социальной мобильности. Знанием фактов истории, экономики, культуры и географии и умением интерпретировать фактическую информацию в контексте национальной идеологии располагает лишь меньшинство населения, а именно элитарные группы интеллектуалов, обладатели престижных профессий, политики и лидеры общественного мнения. Это, конечно, без особого риска предсказуемый результат. Интеллектуалы всегда играли ключевую роль в развитии национальной идеологии. В Венгрии, как и в большинстве стран Восточной и Центральной Европы, включая и Германию, именно *пишущие люди* (писатели, священники, "пророки") разрабатывали и распространяли национальную идеологию, выстраивая ее вокруг норм, ценностей и стандартов культуры, морали и психологии, в то время как в странах, где государство и нация совпадали, содержание национальной идеологии определяли профессионалы в терминах политических целей, юридических прав и экономических задач.

Возникает вопрос, в какой степени распространены в среде венгерских интеллектуалов эти два типа национального

самосознания — первый, ядром которого служит идея культурного национализма (это тип "сообщества" — *Gemeinschaft*), или второй, основанный на идее государственного национализма (тип "общества" — *Gesellschaft*). Для ответа на этот вопрос в 1983 и 1989 гг. были проведены специальные обследования⁸. В обоих случаях выборки респондентов составлялись из выпускников университетов. Объем выборки 1983 г. был 600 человек, 1989 г. 671 человек. При формировании выборок учитывались такие переменные как возраст, религия и социальная мобильность. Было выявлено существенное влияние второй и третьей переменных на природу национального самосознания. Второе обследование установило заметный крен респондентов к более четким и поляризованным ответам. Для определения глубинных идеологических парадигм в спонтанном национальном сознании использовались разнообразные вопросы.

Измерение уровня спонтанного национального самосознания

Многие респонденты объясняли свое чувство принадлежности к венгерской нации, ссылаясь на национальную категорию как средство их самоопределения или определения их гражданства. Другие для аналогичного объяснения выбирали (что характерно) обстоятельства рождения: место рождения, национальность родителей, родной язык. Такое же разделение выявлялось при указании критериев, позволяющих отнести человека к венгерской нации. Некоторые респонденты предлагали любого человека, считающего себя венгром, принимать в качестве такового. Выражалась и иная точка зрения, когда принадлежность к венгерской нации ассоциировалась преимущественно с происхождением или родным языком.

В анкету включили и вопросы о национальном и европейском самосознании. Некоторые респонденты утверждали, что для них национальная лояльность важнее принадлежности к европейской общности, которую они воспринимали как нечто туманное и отдаленное. У других,

напротив, доминировала приверженность европейскому самосознанию, а лояльность к нации в качестве основного и устойчивого средства самоидентификации для них была сомнительной. Некоторые характеризовали национальную гордость как свободное от противоречий и сбалансированное национальное чувство, у других чувство гордости по поводу того, что они венгры, смешивалось с чувством стыда, становясь амбивалентным. Встречались респонденты, в сознании которых происходила когнитивная компенсация экономической, социальной и исторической слабости Венгрии путем признания ее "великой державой" в области шахмат, охоты, филателии, гастрономии и т.п. Часто проявлялось стремление вообще избегать ответа на этот вопрос. В то время как некоторые респонденты утверждали, что и при наличии свободы выбора они остались бы венграми, другие в этом плане проявляли нейтральное или безразличное отношение.

Ответы о вероятности ассимиляции венгерских меньшинств за рубежом — в Румынии, Словакии, Сербии, на Украине и в Австрии — были субъективны и весьма различны. Ранжированность вероятности ассимиляции отражала интенсивность национального чувства: при сильной преданности своей нации не принималась возможность ассимиляции венгров другими национальными группами. Обнаружилось, что часть респондентов смотрят на будущее венгерских меньшинств за границей с изрядным пессимизмом — они заявляли, что их зарубежные соплеменники в конечном счете будут поглощены своим национальным окружением. Другие респонденты считали полную ассимиляцию венгерских меньшинств невозможной и предсказывали их национальное и культурное выживание, в какой бы стране они ни жили. Респондентов просили также оценить численность венгров во всем мире. Многие дали точные цифры, но оказалось необходимым четко отделить давших завышенные оценки от тех, кто недооценил численность своих земляков.

Наконец, изучалось отношение к венгерскому на-

циональному гербу. Национальные символы, включая герб, играют важную роль в формировании национального сознания. В 1989 г. венгерское общественное мнение решительно поддержало замену герба с непопулярной советской символикой, навязанного стране системой государственного социализма, на один из традиционных гербов. На выбор были представлены два варианта, между которыми общественное мнение разделилось. В одном случае гербовая символика выражала республиканские и революционные традиции страны (лотарингский крест, красные и серебряные полосы), в другом была добавлена корона первого венгерского короля Святого Стефана, что символизировало консервативную традицию, связанную с историческим венгерским королевством. Вряд ли нужно добавлять, что парламент, в котором господствует коалиция, состоящая из венгерского демократического форума, партии мелких собственников и христианских демократов, сделал выбор в пользу герба с короной.

Измерение уровня идеологического национального сознания

Кроме спонтанного осознания национальной общности изучались структуры и содержание идеологического национального сознания. Используемая для этого анкета состояла из 60 слов, представлявших шесть тематических групп: политика, культура, экономика, психология и мораль, общество, история. Представляется, что в любом конструировании национального сознания именно эти темы играют главную роль. Респондентам предстояло решить, насколько значимыми были содержащиеся в анкете слова в национальном контексте. Они должны были ответить, обладают ли какой-то значимостью и релевантностью с их национальной точки зрения такие выражения как "венгерское лицо", "венгерская судьба" или "венгерская кровь". Список слов, чаще всего идентифицировавшихся в качестве значимых и релевантных по отношению к семантическому пространству "венгерского", выявил преобладание понятий, относящихся к политике и культуре. Наиболее предпочитаемыми по-

литическими терминами оказались "независимость", "конституция", "государство" и "свобода". Самыми предпочитаемыми культурными понятиями являются "наука", "литература", "искусство" и "школа". Однако во главе списка предпочитаемых слов оказалось слово "интеллектуалы". Его можно считать отражением профессиональных достижений и самоотождествления респондентов. С другой стороны, этот результат показывает, что в венгерском национальном самосознании сохранилась традиционная идеологическая значимость понятия "интеллектуал". Небезинтересен и список наименее предпочитаемых слов. Среди них — "отечество", "крестьянин", "прошлое", "почва", "менталитет", "судьба", "настоящее". Это все семантически "пустые" слова, как и "превосходство", "форма", "кровь", "лицо", "герой", "миссия", "ценность". Похоже, эти слова отошли вместе с полной романтизма и этноцентризма идеологией былых времен. Слова "социализм", "кооператив", "профсоюз", "сталь" также не вызвали ответных реакций, что можно интерпретировать как закат идеологии государственного социализма. Шестью годами ранее, в 1983 г., эти слова вызвали куда больше значимых ассоциаций в контексте национальной идеологии. Анализ первичных семантических компонентов ответов выявил три характерные структуры. *Первый первичный компонент* состоял из слов, относящихся к таким понятиям как "экономика", "политика" и "общество". Во *второй первичных компонент* вошли слова "психология", "мораль" и "культура". Наконец, *третий* состоял из терминов "ортодоксально этноцентрической национальной идеологии".

Для выявления идеологического национального самосознания изучалось отношение респондентов к ныне живущим и уже умершим известным личностям. Установлено, что отношение к такой личности является главным ориентиром в формировании национального идеологического мышления. В анкету были включены имена хорошо известных и популярных писателей, историков, журналистов, эссеистов, политиков, представляющих характерные направления в венгерской политической традиции (демократы, социалисты, популисты, национал-социалисты, коммунисты).

Большинство респондентов избегало указаний на представителей обоих крайних флангов политического спектра — коммунистов и национал-социалистов. Четко выявились три структуры, отражающие давние традиции представлений венгров о природе венгерской нации — "интеллектуалы-популисты", "городские интеллектуалы" и "интеллектуалы—национал-демократы".

Респондентов просили оценить степень близости Венгрии к другим европейским странам в экономике, политике, культуре, искусстве, истории и привычках обыденной жизни. Выявились два основных образца для сравнений: сопоставления делались со странами, входившими в свое время в Австро-Венгерскую империю, и с небольшими западноевропейскими странами.

Относительно будущих экономических и культурных успехов Венгрии выявились три типа вероятностных суждений. В образе национального будущего превалировал культурный оптимизм, экономический оптимизм и экономико-культурный пессимизм.

Респондентам были представлены три версии определения национального суверенитета — максималистская, оптимальная и минималистская. Большинство высказалось за оптимальный вариант. Идея ограниченного суверенитета оказалась приемлемой лишь для 7% респондентов 1989 г. (в 1983 г. ее приняли 26%).

Румынию и Чехословакию респонденты воспринимали в качестве стран, конфликтующих с Венгрией. Как источник конфликта с Румынией чаще всего называли дискриминацию венгерского национального меньшинства. Что касается Чехословакии, то респонденты видели источник конфликта в плане строительства огромной и дорогостоящей гидроэлектростанции на Дунае, в одной из красивейших венгерских ландшафтных зон. В 1989 г. обе эти страны, как и сама Венгрия, были членами Организации Варшавского договора, иначе говоря, ее военными союзниками. Напротив, ни одна из стран НАТО, с точки зрения венгерских респондентов, не

рассматривалась как источник возможного конфликта.

В повествовательных схемах национального исторического сознания доминировали сценарии поражений и отсутствуют победные сценарии. Большинство респондентов оценили Трианонский договор, заключенный после Первой мировой войны, как самую глубокую травму во всей венгерской истории. В 1989 г. это мнение разделили 78% респондентов, в 1983 г. — только 64%. Более ранние обследования вообще не содержали этого вопроса, поскольку для коммунистических идеологов проблема Трианона была табу и не подлежала публичному обсуждению.

Большинство респондентов отрицательно оценило участие Венгрии во Второй мировой войне. В итоге этого участия сотни тысяч венгерских евреев были либо уничтожены в самой Венгрии, либо депортированы в нацистские концлагеря. Согласно воззрениям большинства респондентов, правительство нацистской Германии и немецкие оккупационные войска виновны в геноциде. Меньшинство же придерживалось мнения, что ответственность за массовые убийства венгерских граждан-евреев должна быть возложена на венгерское правительство и венгерскую жандармерию.

Анализ мнений респондентов об обстоятельствах, которые способствовали историческим и экономическим успехам или неудачам их страны, выявил различия в оценках причин национальных достижений и провалов. Успехи нации объяснялись преимущественно ее моральными и психологическими достоинствами и добродетелями, т.е. внутренними и непостоянными факторами. Неудачи объяснялись невезением, различными бедами и несчастьями, неблагоприятными геополитическими обстоятельствами и вечным национальным одиночеством (стабильные внешние факторы).

Национальные идеологические профили

Выявленные обследованием данные о спонтанном и идеологическом национальном самосознании были под-

вергнуты кластерному анализу. В итоге удалось идентифицировать пять кластеров. Два (кластеры А и Е) демонстрировали согласованные и отличающиеся одна от другой модели национального самосознания, остальные — кластеры В, С и D — несогласованные и не обладающие выделенными характеристиками осознания национальной общности. Поскольку исходная выборка респондентов не была репрезентативной, представленные этими кластерами идеологические типы, пожалуй, являются более важным научным результатом, чем данные о численном распределении выявленных кластеров среди респондентов.

Модель "общества" в национальном сознании (кластер А)

Для этого кластера характерно осознание национальной общности, возникающее в контексте национального государства. Этот контекст свободен от спонтанных и аффективных характеристик естественной национальной солидарности. Нация здесь выступает в качестве демократической политической целостности. В соответствии с этой схемой венгерская национальная история выглядит как цепочка крупных неудач, последняя из которых — период государственного социализма. Важной задачей является интерпретация их устойчивых внешних причин (таких как советская оккупация и отсутствие поддержки Запада) и причин внутреннего порядка, например, недостаточное экономическое развитие и отсталость социальной структуры.

Оптимистическое национальное сознание (кластер В)

На основе спонтанной и естественной национальной идентификации можно выявить позитивные вероятностные суждения относительно будущего венгерской нации. В формировании этой модели национального сознания важную роль играют культурные факторы, такие как язык, литература, исторические труды, искусство и образование. По этой схеме Венгрия воспринимается как ведущая страна центрально-европейского региона, приверженная выбору *треть-*

его пути, который осознается как нечто промежуточное между социализмом и капитализмом. Это идеологическое предпочтение, однако, свободно от догматизма, что подтверждается выбором респондентами антипопулистски настроенных референтных индивидуумов.

Эмоциональное сознание (кластер С)

Этот кластер отражает спонтанную естественную национальную идентификацию, являющуюся психологическим следствием национального самоотождествления. Это наивная версия национального самосознания, поскольку она не признает важности политических и правовых связей в национальном самоотождествлении. Глубина аффективных компонентов коррелирует с простотой когнитивных компонентов национальной ориентации. Структура когнитивных компонентов несогласованна. Однако же несогласованность этой системы национальных взглядов и убеждений не выявляется через реакции субъектов.

Национальное сознание низкой интенсивности (кластер D)

Эта модель не содержит характерных особенностей спонтанного и идеологического осознания национальной общности. Нация здесь воспринимается как социально-психологическая общность, объединенная культурными традициями, облегчающими общение между теми, кто считает себя членами данной общности.

Национальный идентитет типа "сообщества" (кластер E)

В этой модели национального самоотождествления происходит уравнивание элементов спонтанного осознания национальной общности и сюжетов, ориентаций, верований и ценностей культурного национального самоотождествления (этническая чистота и выделенность, фольклор, культурные традиции, литература, искусство, язык, национальный характер, специфическая демократичность венгров, заданная соответствующими культурными предписаниями, и т.п.). На фоне национального увядания позитивные альтернативы концентрированного морального

и психологического действия рассматриваются в этой модели как средства самозащиты.

Каковы базисные социологические переменные, объясняющие эти кластеры? Существенным индикатором был возраст. Младшие респонденты чаще принадлежали к тем кластерам, где национальное самосознание воспринимается как результат правовой и политической включенности в национальную группу. Старшие респонденты чаще принадлежали к тем кластерам, где доминировали традиционные, культурные объяснения национального самосознания. В среде венгерских интеллектуалов роль главных независимых переменных национального самосознания играли *религиозные корни и социальная мобильность*.

Мы не располагаем, однако, данными относительно религиозной принадлежности респондентов, поскольку попытки получить соответствующую информацию наталкивались на нежелание давать искренние ответы. Что же касается религиозных корней респондентов, то они фиксировались по сообщаемым ими сведениям относительно религиозной принадлежности их бабушек и дедушек. Еврейское происхождение увеличивало вероятность национального самосознания типа "общества". Респонденты еврейского происхождения обнаружили склонность к кластеру С, для которого характерен акцент на эмоциональные и самоприписываемые компоненты национального отождествления. Респонденты христианского происхождения не проявляли тенденции к национальному самосознанию типа "общества". Протестанты представляли разделяющими модель национального самосознания типа "сообщества", а некоторые из них принимали наивную версию национального самоотождествления. Католицизм коррелирует с более высокой вероятностью принадлежности к кластеру В (национальное сознание низкой интенсивности).

Функциональные следствия социальной мобильности выражены в меньшей степени. Интеллектуалы первого поколения (чьи родители не принадлежали к интеллектуальным кругам) с меньшей частотой демонстрировали

национальное сознание типа "общества". У этой категории интеллектуалов чаще встречается эмоциональная национальная идентификация. В Венгрии роль интеллектуала, конечно, требует принятия устоев идеологического национального самосознания, и интеллигенты во втором или третьем поколении с большей вероятностью усваивают одну из таких моделей.

Таблица I. Религия и кластеры осознания национальной общности

	<u>Евреи</u>	<u>Протестанты</u>	<u>Католики</u>	<u>Всего</u>
"Общество"	45	23	32	100
Оптимистический	9	48	43	100
Эмоциональный	25	49	26	100
Низкой				
интенсивности	11	38	51	100
"Сообщество"	9	47	44	100

Доля представителей данной религиозной группы, в %

19	41	40	100
----	----	----	-----

Таблица II. Социальная мобильность и кластеры осознания национальной общности

<u>Поколения</u>	<u>Первое</u>	<u>Второе</u>	<u>Третье</u>	<u>Всего</u>
"Общество"	15	38	47	100
Оптимистический	20	40	40	100
Эмоциональный	33	42	25	100
Низкой				
интенсивности	24	52	24	100
"Сообщество"	29	33	38	100

Доля представителей данной группы мобильности, в %

24	40	36	100
----	----	----	-----

Как показывает изучение совместного воздействия на национальное сознание религиозных корней и социальной мобильности, спонтанный и естественный опыт принадлежности к венгерской нации впечатан в различные идеологические контексты, которые могут быть прослежены как восходящие к различным социокультурным традициям. Национальное самосознание типа "общества" изначально восходит к социализации в еврейской среде, независимо от уровня социальной мобильности. Этот род национального самосознания остается частью политической традиции, передающейся из поколения в поколение. Национальное самосознание, характерное для интеллектуалов христианского происхождения, можно охарактеризовать как изначально несущее эмоциональную нагрузку. Этот тип идентификации постепенно заменяется осознанием национальной общности типа "сообщества", более распространенным у интеллектуалов во втором и третьем поколении, нежели среди интеллектуалов, вышедших из семей рабочих, крестьян или мелких собственников.

Категория национального самоотождествления может рассматриваться как плавильный котел для всех индивидуумов, идентифицирующих себя с этой категорией. Тем не менее, психологическая однородность не стирает следов прошлых культурных связей. Типы национальной идеологии, обозначенные ярлыками "общества" и "сообщества", можно рассматривать в качестве конкурирующих парадигм национальной идентификации. Если такая конкуренция осуществляется на базе плюралистических и демократических политико-идеологических структур, она может вести к мирному сосуществованию альтернативных программ национальной модернизации. Если же отсутствуют условия для открытого и свободного обсуждения национальных проблем, то возникает опасность, что конкуренция между альтернативными парадигмами национального самосознания приведет к наклеиванию ярлыков, поискам козлов отпущения, взаимоотношению, нетерпимости и предвзятости среди сторонников различных парадигм. Такое развитие событий способно породить порочный круг

взаимонепонимания между Венгрией и ее соседями, сталкивающимися с теми же проблемами в попытках определить свое осознание национальной общности. В свете нынешних идеологических и политических событий в Венгрии и во всей Центральной Европе трудно надеяться, что удастся избежать развития опасных процессов конкуренции и соперничества как внутри отдельных стран, так и между ними, если только на смену угрожающему наследию разрушительных конфликтов не придут взаимное понимание, сотрудничество, обмен товарами, услугами, информацией и людьми между этимистранами.

Примечания

¹ E. Hankiss, R. Manchin, L. Fustos, Szokolczai. *Modernisation of Value Systems: Indicators of Change in Cross-Cultural Comparisons*. In Melischek, G. - Rosengren, K. - Stappers, J. (eds), *Cultural Indicators: An International Symposium*. 1984, Wien. pp. 462-472.

² I. Szelenyi. *Socialist Entrepreneurs. Embourgeoisment in Rural Hungary*. Madison: The University of Wisconsin Press. 1988

³ Там же.

⁴ J. Szucs. *The Historical Regions of Europe*" in John Keane (ed.) *Civic Society and the State*. 1988, pp. 291-332.

⁵ A. Smith. *The Ethnic Origins of Nations*. London. Blackwell, 1986.

⁶ G. Csepeli. *Structures and Contents of Hungarian National Identity. Results of Political Socialization and Cultivation*. Frankfurt/New York. Peter Lang, 1989.

⁷ E. Hankiss. *"In Search of a Paradigm"*, Dadealus. Winter 1990, pp. 183-214.

⁸ Оба исследования национального самосознания интеллектуалов были выполнены Центром по изучению массовых коммуникаций при поддержке Института истории и Института изучения Венгрии Венгерской Академии наук, а также Института социологии имени Лоранда Этвеша в Будапеште. Второе исследование (1989 г.) было осуществлено при участии научного сотрудника Центра по изучению массовых коммуникаций (переименованного в Венгерский институт по изучению общественного мнения) Тибора Завеца.

НОВЫЕ ЛИДЕРЫ НОВЫХ ПАРТИЙ

Олег Румянцев*

РЕФОРМА В РОССИИ: ПОЗИЦИЯ ДЕМОКРАТОВ

I

Мы выиграли наш первый Съезд, находясь изначально в оппозиции. С трудом свели вничью второй Съезд, поддавшись иллюзии власти и действуя как бы в стиле "правлящей" силы. И теперь, не желая, разумеется, проиграть третий Съезд, мы должны были менять заведомо проигрышную тактику, навязанную демократам на втором Съезде.

Мы были намерены использовать этот Съезд для того, чтобы повернуть вспять неблагоприятный ход событий. Третий Съезд был рубежом: либо дальнейшее скольжение в пропасть, либо начало перехода к новому состоянию Российской федерации. И все-таки мы победили.

АЛЬТЕРНАТИВА

На первые съезды народных депутатов как Союза, так и России демократы шли с альтернативной повесткой дня. В этом был особый смысл: мы не принимали "их" правил игры — и в итоге побеждали. Мартовский съезд 1991 г. был внеочередной. Он был навязан коммунистами России с целью окончательного поражения демократов. Но в сегодняшней разрухе подобные забавы — вещь слишком дорогая. В денежном выражении стоимость съезда превышает 3 млн. рублей, в политическом — этот новый виток противостояния чреват всплеском ожесточения в обществе.

* Ответственный секретарь Конституционной комиссии РСФСР, один из лидеров Социал-демократической партии.

Оппоненты предлагали обсудить отчет председателя Верховного совета РСФСР, вопрос о союзном договоре и о национально-государственном устройстве Российской федерации (так называемый федеративный договор). Но ведь съезд начался после завершения российского референдума. На нем большинство россиян ясно высказалось за учреждение поста президента Российской федерации. Очевидно, что именно этот вопрос должен был стать главным в повестке дня съезда.

Президент необходим в условиях, когда перед Россией встала задача сохранить свое единство и в то же время преодолеть диктатуру коммунистического центра, погрузившего страну в нищету, хаос и развал. Дальнейшее промедление здесь чревато поражением всего освободительного движения.

Что же до отчета руководства Верховного совета, то мы считали разумным перевести политическую перепалку в более конструктивную плоскость совершенствования парламентаризма, соблюдения процедур, создания и упрочения нормального механизма выработки и принятия решений по ключевым вопросам, имеющим отношение к судьбе России и Союза. Нельзя было поддаваться искушению уйти со съезда, громко хлопнув дверью. Надо было устоять, не маскируясь и не идя на аппаратный компромисс, но, одновременно, заниматься поиском политического компромисса, основанного на ясной позиции. Разумный оппортунизм помог сохранить нынешний счастливый (но, увы, хрупкий) альянс между народной верой, выдвижением общенационального лидера, потребностью в возрождении государственности российской, наличием антикризисной стратегии.

О ПОЛЬЗЕ ВООБРАЖЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Нельзя делать великую реформу в великой стране, не имея политического воображения. В этом — недостаток Горбачева. Перестройка не сопровождалась ясной стратегией. Здесь мы выгодно отличаемся от оппонентов,

ибо чем-чем, а идеями демократы богаты. Есть четкое видение того, что может дать новая Россия разным слоям населения (если нам не будут мешать, а сами мы будем и компетентны, и энергичны).

Было бы ошибкой выходить сейчас с новой программой. Вот уже год, как мы пытаемся реализовать свою программу. Ее звенья известны: декларация о государственном суверенитете; программа "500 дней"; проект Конституции Российской Федерации, прямые межреспубликанские договоры РСФСР с другими суверенными республиками.

Идут споры — есть ли у демократов антикризисная программа. Когда спросишь экономистов, те предпочитают говорить о будущем. Сейчас, мол, пусть все "крахнет", а потом пойдет целительная жесткая, шоковая терапия. Народу такой подход принять трудно. Но глубокая экономическая реформа и впрямь бессмысленна при диктате союзного центра, будь-то правительство Рыжкова или кабинет Павлова. Отсюда первейшая задача — установить в республике правоспособную власть. Власть не просто сильную, а власть эффективную. Съезд дал старт ключевым преобразованиям именно в государственной сфере. Без решения вопроса политического мы и впредь не сможем решать повседневные экономические проблемы.

ПРЕЗИДЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПАРЛАМЕНТ

Всем очевидна потребность в результативной исполнительной власти. Требуется по-новому организовать государственный аппарат. Все наши предыдущие программы и законы мертвы именно из-за отсутствия исполнителя. Этим парализован и сам законодатель, и весь государственный организм. Прежняя вертикальная система парткомовской власти серьезно повреждена и отремонтировать ее значит поворачивать реформу вспять.

Вершиной исполнительной власти в трудный переходный период станет лидер национального масштаба и дове-

рия: президент. Доверием российское президентство отличается от горбачевского. Новая власть легитимна, ей мандат выдает народ путем всенародных прямых выборов. Учреждение института президента — второй (после провозглашения суверенитета) реальной шаг в возрождении государственности России. Он встроен в контекст последующих частей конституционной реформы: учреждения конституционного суда, создания нормальных органов местной власти, других институтов.

Не думаю, что наши оппоненты всерьез надеялись свалить Ельцина на этом съезде — это было бы прямой конфронтацией с народным волеизъявлением 17 марта, добровольным шагом в пучину. Однако они все время пытаются прорубить коридор — свалить правительство Силаева. Что мы можем сделать? Мы прекрасно знаем о недостатках нашего правительства, однако его не "валить" следует, а помочь стать действительным правительством ответственным перед парламентом. Противопоставляя нападкам оппонентов правительственную реформу, мы способствуем созданию сильного правительства, занимающегося не иллюзиями, а хозяйственными делами и вооруженного значительными, четко очерченными полномочиями. Наши оппоненты могли пойти на срыв съезда, доказывая его "несостоятельность". К их услугам широкий набор действий: бунт автономий (вернее, их руководителей); взрыв недовольства "засильем" автономий; противостояние в кадровых вопросах. Да, таков уж расклад: демократов и коммунистов примерно одинаковое количество — по 470 депутатов. Мы обречены на равенство сил. Но хотя мы не любим этот депутатский корпус, до патовой ситуации доводить нельзя.

Демократы предлагают реорганизацию неуклюжего двухзвенного монстра "Съезд — Верховный совет". Снять дубинку Съезда, висящую над Верховным советом, можно, дав России постоянно действующий парламент. Напомню, что еще на первом съезде при обсуждении данного вопроса наибольшее число сторонников набрала модель "весь Съезд -

Верховный совет". Кворум — мягкий, депутатам совсем не обязательно сидеть в Москве при проработке законов, при заслушивании членов правительства. Но четыре раза в год на полную сессию соберется весь депутатский корпус. Съезд сможет работать большую часть времени при неполном составе, но принимать законы — в короткие сроки при полном составе. А для особого представительства национальных и региональных интересов можно создать немногочисленную Палату федерации (из депутатов от национально-территориальных округов). Нам давно пора превратить парламент России в поле политики; остановить лавину законов; усилить контроль за действиями российского правительства. Парламент должен заработать как главная народная трибуна, с авторитетной высоты которой ежедневно обсуждается деятельность правительства. Народ будет постоянно видеть, что делает правительство, ясно знать, чего оно хочет и кто ему мешает. Добиться этого — главная цель парламента, в отличие от мнимой функции принятия множества неисполняемых решений.

Развернуть публично подлинное положение дел в республике — значит получить мощную поддержку народа, сделать реализуемым демократический порядок и хозяйственный подъем. Но для этого нужна новая линия руководства России и новый уровень компетентности парламентариев и их фракций. В пользу преобразования высшего законодательного органа говорит и введение президентства в России. Сильный президент нуждается в сильном парламенте. И наоборот. Дав Верховному совету большинство полномочий съезда, мы сделали шаг к созданию сильного парламента.

СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР — ФЕДЕРАТИВНЫЙ ДОГОВОР

Ключевой на третьем съезде была не столько борьба за пост конкретного лица, сколько борьба за судьбу суверенной России.

Спору нет, президент Союза сделал немало ошибок. Одна-

ко он вошел бы в отечественную историю как реформатор, если бы не совершил свою главную ошибку, раздирая Россию на части. Такого Россия не прощает. Ибо велика политическая ответственность Горбачева за антироссийскую направленность его политики.

Еще до созыва первого съезда в нарушение конституции РСФСР вышел закон: считать (российские) автономии субъектами Союза. Затем явилась идея о Союзе, состоящем из 35 республик. Наконец, нахрап с целью скорейшего заключения союзного договора уже вполне реально высветил угрозу разрушения российской конституционной государственности. Я убежден, что сперва стоит конституционно уладить внутригосударственные отношения в Российской Федерации и лишь на такой основе приступать к договорному решению межгосударственных отношений в рамках Союза. Первично государственное устройство России и других союзных республик, а содержание и заключение союзного договора — вторичны. Неприемлема попытка подменить российскую конституцию федеративным договором, что превратит РСФСР из конституционной федерации в договорную, существенно ослабив государственное единство России.

В ближайшем времени хотелось бы утрясти взаимоотношения всей федерации с ее частями путем двусторонних протокольных соглашений с четкими взаимными обязательствами. Эти протоколы могут стать приложением к новой конституции, которая оформит национально-государственное и административное устройство России. Если и возможен многосторонний федеративный договор, то исключительно как документ о разграничении полномочий Российской Федерации в целом, ее республик, краев и областей. Такой документ, принимаемый до новой конституции, может содержать лишь самые общие принципы разделения функций и правомочий по вертикали, не затрагивая вопроса об органах власти и законах РСФСР.

К СОЮЗУ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Автономиям трудно быть одновременно субъектом двух федераций — России и Союза. Это изначально неработающая, искусственная схема, прямо направленная на развал российской государственности. Представляется, что народы российских автономий, претендующие на одновременное членство в Союзе и полный государственный суверенитет, должны сделать выбор: либо положение в составе России, либо положение союзной республики, вышедшей из состава России. Во имя незыблемости государственности России предстоит выработать законный механизм выхода из РСФСР. Декларация о государственном суверенитете РСФСР гласит однозначно: "Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума". Выходят народы, которые однозначно высказались за такой шаг.

В отличие от Российской федерации, созданной на основе автономии, Союз республик можно представить как договорную конфедерацию суверенных государств, состоящую как из унитарных, так и федеративных республик, независимо от внутреннего устройства последних. На референдуме 17 марта демократы высказались против Союза в его советской, социалистической и федеративной формах. Но, без сомнений, мы за Союз, он всем нам нужен и надо приостановить истерику за его развал. Однако Союз нуждается в смене своей модели, так как прежняя зашла в безысходный тупик.

В отличие от РСФСР, многие республики пошли на альтернативную формулировку вопроса, вынесенного на союзный референдум. Остается пожалеть, что усилиями части российского руководства демократов лишили альтернативной формулировки. Ее смысл: согласны ли вы с преобразованием СССР в союз суверенных государств на основе прямых межгосударственных отношений России с другими суверенными союзными республиками? Отсюда видна и новая модель: союз суверенных государств, добровольно создаваемая "асимметричная" конфедерация с общим экономическим пространством. Асимметричность

— в различном объеме делегируемых общим органам полномочий, что повысит гибкость системы. Главный же стержень и интерес существования нового Союза — межреспубликанский общий рынок.

Главные органы управления такого Союза: однопалатный парламент Союза, в котором равно представлены входящие в Союз государства; Совет президентов как коллективный орган, координирующий межгосударственные отношения в рамках Союза; немногочисленные совместные комиссии по отдельным ключевым общесоюзным проблемам (оборона, энергетика и пр); Совет глав правительств. Союзный центр не может выступать субъектом союзного договора, своего рода сверхреспубликой, подминающей под себя подлинные, а не мнимые государственные образования. Задача ближайших месяцев, если мы не желаем окончательного развала Союза, — создать совместными усилиями республик в пространстве их взаимодействия новый координирующий центр.

ТАКТИКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Исход съезда во многом определил последующие действия демократов. Тактика демократических сил опирается на четыре основных варианта развития событий.

1. Продолжение жесткого противостояния двух основных политических сил, партий "мы" и "они", жестокая агония никак не уходящего режима, взрыв народного негодования, трудное время возрождения из пепелища собственными силами.

2. Поражение демократов, отставка Ельцина, заключение союзного и федеративного договоров, алчное укрепление самодовлеющего центра за счет дезинтеграции России, "синдром Гамсахурдии", появление национальных авторитарных режимов, рост национальной и социальной междуусобицы, абсолютный крах страны.

3. Масштабные переговоры противостоящих сил с четкой программой и механизмом, создание временного коа-

позиционного правительства согласия, совместная работа по преодолению кризиса на основе общественного договора.

4. Укрепление демократического стана, существенный рост компетентности, работа на углубление раскола в КПСС, постепенное преодоление позиционного противостояния, победа на президентских и парламентских выборах, принятие новой конституции, крупная экономическая реформа, трудности и, после стабилизации положения, — демократический вариант преобразований на всех уровнях государства и общества.

Желательно, чтобы события развивались по четвертому варианту. Но шансов на это, увы, мало. Самый трудный вариант — третий. И я выступаю за скорейшую подготовку к нему.

Кое-кому сия идея придется не по нутру. Но дальше без нее не обойтись, раскол огромен. Потом мы станем и умнее, и сильнее, но начать выход из тупика надо с переговоров. Требовать приостановить конституцию СССР, упразднить Съезд народных депутатов, упразднить пост президента СССР, передав его полномочия Совету президентов. Стратегия — наша, здесь компромисса не может быть. Но ее исполнение — совместное, при терпимом отношении к партнерам. Одним нам не справиться, и мы просим их участвовать в общем деле предотвращения краха.

Только реальная сила может привести к каким-либо действительным переговорам. Именно наличие организованного коалиционного движения может предотвратить румынский вариант.

Итак, самое ценное сегодня — это повседневная работа в структурах власти, иначе усилия могут оказаться в вакууме. Хотя есть еще время заполнить вакуум, этого не сделать, подменяя открытую политику безнадежными играми в аппаратные компромиссы. Политический компромисс и иллюзорный аппаратный компромисс — вещи совершенно различные.

II

"КРУГЛЫЙ СТОЛ": ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

В своем докладе на третьем (внеочередном) съезде народных депутатов РСФСР Б.Н.Ельцин выступил с важнейшей инициативой: предложил начать подготовку к переговорам основных политических сил страны за "круглым столом". Предложение российского лидера прозвучало в момент жесткого обострения конфронтации в нашем обществе.

Заметим, что демократическое движение выступило с идеей "круглого стола" еще на первых массовых митингах в феврале-марте 1990 г. Тогда на наше предложение пришла косвенная реакция. Член Политбюро А.Н.Яковлев отшутился: "Это были бы переговоры облака в штанах с облаком без штанов"...

Сегодня, когда демократическое движение уже вряд ли кто-либо решится назвать "облаком без штанов", идея "круглого стола" требует скорейшей проработки и реализации.

"Круглый стол" — эта форма активно применялась в 1988-1989 гг. в ходе мирных демократических революций в Центральной и Восточной Европе. Важно учесть этот опыт, вне зависимости от того, нравится он кому-то или нет.

ЗАДАЧИ "КРУГЛОГО СТОЛА"

"Круглый стол" призван стать отправной площадкой для разрешения острого общественного конфликта через политический компромисс между участниками переговоров. Компромисс — это постоянная "круглого стола". Ее поддержание требует достаточной политической культуры, отказа от экстремизма. Устойчивость договоренностей зависит от политической устойчивости противостоящих партий и движений, их способности сохранять гибкость, открытость и ответственность.

"Круглый стол" закрепляет политический плюрализм, обеспечивая демонополизацию власти. Он может использоваться в качестве "зонтика" для заведомо уходящей политической монополии КПСС, обеспечивая во имя предотвращения погромов ее "мирный" отход. С дальнейшим ростом массового озлобления по отношению к коммунистической партии такой мирный уход уже невозможен.

"Круглый стол" поможет нам определить условия, этапы и содержание конституционно-правового процесса в России и в Союзе в целом. **"Круглый стол"** — составная часть антикризисной программы. Невозможно приступить к антикризисным действиям, не сформировав антикризисное правительство.

УСЛОВИЯ ДИАЛОГА

Равноправный диалог возможен только при соблюдении сторонами ряда условий. Среди них:

—готовность сторон к диалогу и серьезная заинтересованность в успехе переговоров;

—признание нынешним руководством равенства партнеров, недопущение любых проявлений патернализма;

—гласность в работе; выдвигаемые позиции, протоколы и объективный ход переговоров публикуются в доступной печати; допускается параллельная публикация заявлений сторон по итогам заседаний; допускается проведение закрытых заседаний с согласия обеих сторон;

—неприкосновенность участников переговоров; во время работы "круглого стола" руководство гарантирует его участникам полную тайну переписки, телефонных переговоров, подготовительных собраний, консультаций и пр.; власти должны публично заявить о безопасности участников

переговоров во время и после их проведения независимо от характера высказываний и итогов переговоров.

Успех "круглого стола" зависит от нейтральности государственных служб (армии, правоохранительных органов, госбезопасности, прокуратуры), и этому стоит уделить особое внимание.

СТОРОНЫ "КРУГЛОГО СТОЛА"

В заседаниях участвуют небольшие по числу "команды". Стороны определяют состав команды в зависимости от характера обсуждаемой проблемы. Главное: состав команд подбирать из тех авторитетных и компетентных политиков, которые смогут составить временное коалиционное правительство народного доверия и народного согласия.

Стороны "круглого стола" могут составить: руководители КПСС и лидеры Демократического конгресса (объединяющего демократов различных союзных республик). В эти команды уже вписываются и представители рабочего движения, и представители корпораций (промышленников, аграрников и пр.).

Ключевое значение приобретает набор коалиционной команды демократических сил, представленной авторитетными политиками, которые готовы договориться друг с другом и работать вместе. В команду войдут руководители российского парламента и правительства, ведущие политики (первая "двадцатка" по результатам давно проводящихся опросов общественного мнения), лидеры трех ведущих оппозиционных партий (Демократической партии России, Социал-демократической партии России, Республиканской партии России), руководители рабочего и профсоюзного движения, движения "Демократическая Россия".

Ответственный подход к формированию нашей команды — лучший способ усилить демократов, повысить наш прес-

тиж. Пока мы не имеем привлекательной, компетентной и хорошо организованной команды, мы будем проигрывать по всем направлениям.

ПРОЦЕДУРА "КРУГЛОГО СТОЛА"

Две основные формы работы: пленарные заседания и работа в комиссиях (проблемных рабочих группах).

Пленарные заседания определяют принципы работы "круглого стола" и его правомочия; содержание и повестку дня переговоров; этапы работы с четкими временными сроками; перечень основных итоговых документов; список основных комиссий; порядок разрешения возникающих противоречий и решения срочных вопросов. Особое внимание — работе проблемных комиссий "круглого стола". Они начнут работу в тех вопросах, решение которых настоятельно требует разразившаяся катастрофа. Возглавят комиссии сопредседатели из лидеров сторон.

Команда имеет три уровня:

а) "политики" — люди, завоевавшие авторитет в обществе, с опытом работы в демократическом движении, имеющие за плечами поддержку политических организаций, умеющие вести диалог;

б) "эксперты" — компетентные профессионалы, готовые к выработке документов "круглого стола";

в) "организаторы" — владеющие талантом координатора, обеспечивающие информационный обмен.

ЭТАПЫ ПОДГОТОВКИ К "КРУГЛОМУ СТОЛУ"

Итак, инициатива выдвинута. Мы не можем остаться сторонними наблюдателями. Требуются аргументированные выступления в парламенте, в средствах массовой информации.

Далее — определить в течение двух недель механизм и процедуру проведения, принципы комплектования, тема-

тику переговоров, этапы работы, основные проблемные комиссии, перечень основных итоговых документов, порядок разрешения коллизий "круглого стола национального согласия". Следующий шаг — формирование "команды оппозиции".

Участникам "круглого стола" важно заручиться мандатом от общества. Это предполагает согласованные действия вне парламента (забастовочное движение, митинги, деятельность партий и независимых профсоюзов, трудовых коллективов, органов местного самоуправления). Требование начать масштабные переговоры с ясным перечнем вопросов скоро станет *главным* для всех честных граждан, ибо оно пронизано миролюбием и созидательным духом. В скором времени оппозиции предстоит выступить с четкими требованиями, с обозначением нашей стратегической линии, с пакетом конкретных антикризисных мер. Останется провести консультации с высшим руководством и ведущими политическими организациями об условиях и содержании работы.

ПРОГРАММА ПЕРЕГОВОРОВ

Депутат В. Исаков, признав идею "круглого стола" "симпатичной", выразил, однако, сомнение: видимо, пока на стол нечего положить. Это явная передержка нашего "сверх-оппортуниста". Программу переговоров фактически очертил Б.Н. Ельцин в своем докладе на внеочередном съезде. Главные ее пункты:

— скорейшая реорганизация союзных органов власти;
— управление союзным экономическим пространством;
— создание временного коалиционного правительства народного доверия и народного согласия; определение путей урегулирования внутригосударственных и межгосударственных отношений Российской Федерации.

В случае успеха данного начинания на союзном уровне, "круглый стол" мог бы взять на себя ряд полномочий президента, Совета Федерации, союзного съезда — полно-

мочий распорядительных. В критической ситуации это оправдано: легче согласовывать решения, принимаемые с разными сторонами и на разных уровнях.

Таким образом, "круглый стол" призван не только наметить контуры новой политической и экономической системы, но и начать решение конкретных проблем, возникающих при переходе от авторитарного к демократическому обществу.

Переходить же придется самому обществу.

III

ОБ УСИЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА

Внеочередной съезд народных депутатов РСФСР поддержал инициативу Ельцина о перераспределении полномочий между высшими государственными органами РСФСР для осуществления антикризисных мер. Условно поддержала эту инициативу и объединенная фракция социал-демократов и республиканцев.

Поясним нашу позицию. Мы за, ибо речь идет не о "чрезвычайных полномочиях", а о строго дозированных безотлагательных действиях российской власти. Так, Верховный совет смог бы издавать законы по вопросам, отнесенным к компетенции съезда, а глава парламента и глава правительства — обязательные к исполнению распоряжения. Если не сделать шага сейчас, то через месяц чрезвычайное положение возникнет само, но объявят его уже не российские власти. Раз Россия не в состоянии взять ситуацию в свои руки, это сделают репрессивные силы союзного центра, причем с подачи "третьей силы", выступающей сегодня под лозунгом "снимем обоих — и Горбачева, и Ельцина".

Стратегия ясна: расчистить путь к захвату России нынешней союзной номенклатурой, теряющей возможность действовать в других союзных республиках. Конечно, это вынужденный ход, говоря шахматным языком — цунгцванг.

Хуже — безвыходная ситуация, т.е. пат. Может возникнуть искушение смахнуть с доски все фигуры и воспользоваться ею как тяжелым тупым предметом... Доводить до этого нельзя. Отсюда — условная поддержка вынужденного хода, ибо он — действие.

Речь идет, собственно говоря, не о перераспределении полномочий, которые повлекли бы изменения в конституции (на это и упирал лукавый омский юрист Бабурин). Мы имеем здесь случай *делегирования полномочий* — практики, известной в цивилизованном мире: предоставления полномочий исполнительным структурам на строго определенный срок и под строго определенным контролем законодателя. Это делается для осуществления реформ, которые как раз и определены самим законодателем (т.е. съездом и Верховным советом). Пример: известный рузвельтовский курс в США. Но там были годы, а здесь речь идет о месяцах — до избрания первого президента РСФСР и начала реформы всей системы государственной власти в республике.

Вместе с тем, наша поддержка усилению полномочий носит *условный характер*. Главное условие: срочно определить круг полномочий председателя и Президиума Верховного совета, а также Совмина. Самое естественное требование при делегировании полномочий — знать, как и на что эти полномочия будут использованы. Ни у одного из указанных органов нет сегодня законодательно определенного представления, где границы их компетенции. Увы, по-прежнему сохраняется (а с принятием известного постановления съезда даже усиливается) опасность волюнтаризма.

Объединенная фракция социал-демократов и республиканцев внесла очень важную поправку. Это была поправка 38:

"Поручить Верховному совету РСФСР принять в двухнедельный срок временное постановление о правах и полномочиях председателя, Президиума Верховного

совета РСФСР, Совета министров РСФСР, предусмотрев в нем усиление контрольных и распорядительных функций названных органов, включая право приостановления решений республиканских и местных исполнительных органов и отстранения должностных лиц".

К огромному сожалению, съезд данную поправку не принял. Неясность механизмов исполнения принятого съездом решения о повышении полномочий ряда органов власти осталась.

И еще. Битый час объединенная фракция социал-демократов и республиканцев обсуждала проект постановления, внесенный Б. Ельциным. Мы готовились выступить по этому ключевому вопросу, однако агрессивная многопартийность, похоже, стала перерастать в антипартийность. Представителю двух родственных политических партий, официально зарегистрированных Министерством юстиции РСФСР, так и не дали возможности выступить.

Принятие постановления означает серьезную победу Ельцина. Республика и вся страна вступила в качественно новую ситуацию. Полный крах потерпела бессмысленная попытка коммунистов в России взять реванш. От решительности и разумности в проведении безотлагательных мер зависит, как быстро повернутся армия, директорат, промышленники. Но столь же важно не упустить контроль над ситуацией, не дать зеленый свет авторитаризму, скакой бы стороны он ни исходил. Если мы потеряем конституционный ориентир, это не усилит, а ослабит российскую реформу и ее лидера.

НАША СОЦИАЛЬНАЯ ОПОРА

Наша главная социальная опора — новый средний класс и гражданское общество, гражданские инициативы, активисты партий, директорат средних и мелких предприятий, новые свободные предприниматели, арендаторы, активные служащие, фермеры, инициативная часть рабочих, техническая интеллигенция, инициативная молодежь, прогрессивные кадровые военные.

Это новые слои. В опоре на них — наше отличие от коммунистической бюрократии, которая опирается на постноменклатурную мафию, на вчерашнюю политическую, а сегодня уже и экономическую монополию. Нужен не простой популизм и умение выйти на иррациональную волну общественных эмоций и веры. Необходим непосредственный контакт с пробудившимся гражданским обществом, с его организациями; нужна действенная поддержка этих слоев со стороны российского правительства и политического руководства. Если новые инициативы почувствуют реальную поддержку правительства, они ощутят себя нужными российской реформе и поддержат демократию не криком, а действиями. Важно предложить этим прогрессивным слоям практическое видение выхода из кризиса, которое станет им близким и понятным. Почувствовав свою нужность, эти люди станут прочнейшей опорой в сложный переходный период.

Что делать для усиления демократии? Ответ прост: укреплять гражданское общество, создавать новый средний класс.

ВОЗРОЖДЕНИЕ "ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РОССИИ"

"Демократическая Россия" на подъеме. Она постепенно превращается в движение, в подлинную коалицию. Правда, не без трудностей роста. С одной стороны, наметился некоторый перекося в сторону митингов и иных массовых акций. С другой стороны, частью демократов овладела странная эйфория власти. Но все-таки это помогло выиграть съезд. Теперь надо выиграть выборы президента РСФСР 12 июня 1991 г., затем реорганизовать правительство; начать переговоры за "круглым столом"; осенью — принять конституцию Российской федерации и, наконец, создать новый Союз суверенных государств.

Это и есть стратегия демократов в 1991 году.

Заказы на журнал "Проблемы Восточной Европы"

посылать по адресу:

PROBLEMS OF EASTERN EUROPE

P.O. Box 6005

Washington, D.C. 20005-0078

— Вообще наше положение социалистов, членов Совета, психологически оказалось очень трудным, — говорил И. Г. * — Ведь вся наша жизнь была борьбой с правительством, с существующим государственным строем, с государственной властью и вдруг в один день революция поставила нас почти что на место правителей государства. Но правители государства обычно люди совершенно иной природы и иной психологии. В среде революционеров было всегда естественное отталкивание от "государства", от "власти". И среди нас не было людей с психологией "государственных деятелей". Этим и объясняется, что Керенский, изображавший из себя "государственника", плывал на поверхности, на этом и играл, не будучи вовсе годным для подлинно государственной работы. К тому же наше положение в Совете было психологически трудно и тем, что — помните, какая вырвалась тогда из народных глубин страшная стихия ненависти, мести, разрушения. Мы — большинство Совета — были, разумеется, против нее и пытались ввести ее в какие-то берега революционной законности и порядка. А вот Ленин, наоборот, всячески разнудывал эту стихию, чтобы на ее волнах прийти к власти. Разумеется, его путь был не труден, но это был не наш путь.

И. Г. рассказывал, как, приехав из Сибири в Петроград, он вскоре был у Керенского: — "В этом разговоре Керенский рассказал мне следующее. Знаете, говорил он, меня всегда губили друзья. Когда начались волнения в Петрограде, у меня была интуиция (И. Г. подчеркивает это слово, действительно характерное для Керенского, часто его употреблявшего. Р. Г.), что петроградские волнения перейдут в революцию и солдаты обязательно придут к Государственной Думе. И я хотел пойти в казармы, чтоб самому вывести солдат на улицу и привести их к Думе. Но друзья (Керенский был близок тогда с Н. Н. Сухановым /Гиммером/, с Н. Д. Соколовым, Р. Г.) меня от этого отговорили, они не верили в революцию. А вы понимаете, ведь было бы совершенно иное дело, если бы я лично подчеркнул в рассказе Церетели, Р. Г.) привел солдат к Думе!"

Церетели говорил, что в первую встречу этим рассказом Керенский вызвал в нем чувство "презрения" (буквальные слова Церетели, Р. Г.), ибо он увидел, что "у него *все* вертится вокруг

* И. Г. Церетели. - Ред.